

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

II

ДЕШИФРОВКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ПИСЬМЕННОСТЕЙ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1966

Ответственный редактор

И. М. ДЬЯКОНОВ

К РАСШИФРОВКЕ ПРОТОШУМЕРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

(предварительное сообщение)

Развитие письма — это весьма сложный процесс, охватывающий промежуток времени в пять-шесть тысяч лет. Начался он изобретением идео-пиктографии¹ и закончился созданием буквенного письма.

Знаки идео-пиктографии представляют собой в разной степени схематизированные рисунки, каждый из которых выражает понятие, соответствующее в устной речи слову. Фонетические обозначения отсутствуют. В чистом виде достоверно засвидетельствована лишь одна идео-пиктографическая система — письменность на глиняных табличках Шумера конца IV — начала III тысячелетия до н. э. Ниже мы ее будем называть рисуночным письмом (пиктографией) Шумера или протошумерской письменностью.

Ко второй четверти III тысячелетия до н. э. знаки рассматриваемой письменности постепенно теряют свой рисуночный облик и превращаются в тесно сгруппированные комбинации клинообразных вдавлений — клинопись. Одновременно некоторые знаки, продолжая выражать в основном отдельные понятия, в определенных ситуациях начинают играть роль фонетических (здесь слоговых) обозначений грамматических форм. Однако всеобщее применение фонетический принцип получил лишь после того, как клинопись была заимствована у шумеров вавилонянами и ассирийцами, во II и I тысячелетиях до н. э.; но и в это время наряду со слоговыми написаниями слов встречаются также и идеографические. Всего засвидетельствовано около 500—600 клинописных знаков, причем каждый из них

¹ По причинам, на которых здесь не место останавливаться, мы считаем целесообразным придерживаться традиционной терминологии и говорить об «идеограммах» и «идеографии» вместо «логограмм» и «логографии».

может выражать в зависимости от контекста несколько (иногда два-три десятка) разных понятий и два-три (а иногда и больше) разных слога.

Клинопись достаточно хорошо изучена. Однако удовлетворительно читаются и переводятся лишь поздние документы, ранние же (XXVIII—XXVI вв. до н. э.) — а среди них в особенности школьные тексты — и сейчас не вполне ясны. Труднее всего проникнуть в смысл документов, написанных прототипом клинописи — пиктографией. По существу с открытием рисуночных текстов Шумера перед исследователями возникла новая проблема — расшифровки неизвестной письменности.

I

За небольшим исключением все протошумерские тексты раскопаны в храмовых помещениях Джемдет-насра и IV—II слоев Урука. Издано около 900 таких текстов; 582 происходят из IV слоя Урука и датируются концом IV тысячелетия до н. э., примерно 260 — из Джемдет-насра и III—II слоев Урука и датируются началом III тыс. до н. э. Документы опубликованы и исследованы С. Лэнгдоном (Джемдет-наср)² и А. Фалькенштейном (Урук и Джемдет-наср)³. Еще около 30 документов не вошли в издания упомянутых авторов и были опубликованы другими учеными⁴. Среди них конкретностью графической передачи понятий отличается текст, хранящийся в Государственном Эрмитаже и опубликованный И. М. Дьяконовым⁵. Некоторое количество рисуночных текстов до сих пор не издано (они хранятся в Переднеазиатском музее в Берлине).

Все известные нам пиктографические тексты записаны на сравнительно небольших глиняных табличках прямоугольной, реже овальной формы. Знаки не прочерчены, а оттиснуты косо срезанным концом тростниковой палочки; каждый знак состоит из нескольких клинообразных штрихов, образующих рисунок. Среди пиктограмм, которые могут быть опознаны, встречаются изображения головы человека, голов диких и домашних животных, сосудов, орудий труда, штандартов и. т. п.

² S. Langdon, *Pictographic Inscriptions from Jemdet-Nasr*, London, 1927 (Oxford Editions of Cuneiform Texts VII) (копр. PI).

³ A. Falkenstein, *Archaische Texte aus Uruk*, Berlin, 1936 (Ausgrabungen der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka, Bd 2) (копр. ATU).

⁴ Библиографию соответствующих публикаций и относительную датировку документов см. ATU, S. 67 и сл.

⁵ И. М. Дьяконов, *К возникновению письма в Двуречье*, — «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», III, Л., 1940, стр. 27—48.

Встречаются и очень краткие и довольно пространные тексты (от одного числового обозначения и одной-пяти пиктограмм до более десятка числовых обозначений и нескольких десятков пиктограмм). Все они, за некоторыми исключениями, — учетно-хозяйственные документы. Очень краткие тексты, часто встречающиеся на раннем этапе развития письменности (конец IV тысячелетия до н. э.), не разбиты на строки, и пиктограммы разбросаны на табличке весьма неупорядоченным образом. Конечно, при написании текстов знаки должны были наноситься в определенной последовательности, диктуемой структурными особенностями устной речи, однако в силу случайных обстоятельств они оказывались расположенными хаотично. Пространные тексты более позднего времени разделены горизонтальными линиями на строки, а строки — вертикальными линиями на графы. Строки читаются справа налево от графы к графе и сверху вниз на лицевой стороне таблички, снизу вверх — на оборотной.

II

Основным методом расшифровки, а также задачами дальнейшего исследования протошумерской письменности можно считать следующее:

1. а) *Отождествление вариантов пиктограмм для каждого из двух этапов развития письменности* (раннего — конца IV тысячелетия до н. э. и позднего, — начала III тысячелетия до н. э.) и *составление соответствующих списков знаков*. Отождествление основывается на сходстве вариантов при учете регулярности расхождений в известных элементах знаков и подкрепляется наблюдениями над сочетаемостью вариантов с различными знаками в аналогичных контекстах. Ясно, что чем меньше остается неотожествленных вариантов, тем дальше может быть продвинута расшифровка письменности;

б) *отождествление ранних форм пиктограмм с поздними и составление общего списка знаков для обоих этапов*. Отождествление основывается на сходстве ранних и поздних форм при учете закономерностей схематизации пиктограмм.

2. *Отождествление пиктограмм с развившимися из них клинописными знаками*. Отождествление основывается на сходстве пиктограммы с архаическими клинописными формами, причем должны быть учтены и закономерности превращения пиктографии в клинопись. В некоторых случаях удастся использовать в целях отождествления «бискрипту», состоящую

из пиктографической и клинописной версии одного и того же текста. Правильность отождествления нередко нуждается в подкреплении контекстом.

3. а) *Раскрытие смысловых значений знаков и сочетаний знаков и перевод отдельных записей и текстов.* Это коварная цель расшифровки письменности;

б) *общее истолкование смысловых значений знаков, сочетаний знаков, отдельных записей и текстов.* Во многих случаях смысловые значения пиктограмм поддаются раскрытию при помощи значений клинописных эквивалентов соответствующих пиктограмм: пусть некоторая пиктограмма отождествлена с определенным клинописным знаком; тогда среди значений данного клинописного знака может скрываться одно или несколько значений пиктограммы (какие именно значения — устанавливается контекстом). Однако этот метод далеко не всегда приводит к удовлетворительным результатам, поскольку истинное значение пиктограммы может не встретиться среди известных значений соответствующего клинописного знака. Более того, он просто неприменим, когда исследуемая пиктограмма вышла из употребления еще до возникновения клинописи, так и не успев превратиться в клинописный знак (не исключено, что таких пиктограмм больше ста). Наконец, раскрытие значений элементов некоторого сочетания пиктограмм не обязательно ведет к раскрытию значения самого сочетания. Во всех подобных случаях расшифровка должна осуществляться лишь при помощи контекста с использованием изредка рисуночной информации знаков.

Важным моментом расшифровки является истолкование отдельных знаков, сочетаний знаков и целых текстов. Под истолкованием мы подразумеваем здесь раскрытие значения в наиболее общей форме. Так, если на основании контекста устанавливается без дальнейшей конкретизации, что данная пиктограмма обозначает какую-то породу мелкого рогатого скота или что данное сочетание обозначает некую профессию, или что данный документ является своего рода «платежной ведомостью», то это и будет истолкованием. Иногда невозможно провести резкую грань между истолкованием и раскрытием значения.

4. *Доказательство шумерской языковой принадлежности пиктографических текстов.* Рисуночное письмо могло быть изобретено народом, отличным от шумеров, а то обстоятельство, что клинопись развилась из рисуночного письма, нетрудно объяснить и как результат заимствования шумерами системы знаков, за которыми были сохранены некоторые первоначальные значения. Именно такой точки зрения придержи-

вался Ф. Тюрро-Данжен⁶. Прямым же доказательством шумероязычности текстов должно служить, в частности, наличие в языке текстов и в шумерском языке совпадающих по значению омонимов, т. е. одинаково звучащих слов.

При расшифровке пиктограмм определение языка текстов само по себе мало существенно, ибо, раскрывая их смысловое значение, мы не опираемся на звучание соответствующих слов или грамматических форм языка. Важность решения этой задачи определяется прежде всего этногенетической проблематикой истории Шумера.

III

В расшифровке нами пока достигнуты следующие основные результаты:

1. Согласно спискам знаков, составленным А. Фалькенштейном и С. Лэнгдоном, в пиктографических текстах обоих периодов встречается около 1090 различных пиктограмм⁷. За счет отождествления вариантов мы смогли уменьшить это число примерно на одну четверть и предложить список в 800 знаков.

2. Упомянутыми исследователями было отождествлено около 170 пиктограмм⁸. Нам удалось увеличить это число еще на 80 номеров, доведя количество отождествленных пиктограмм до 250.

3. В работах А. Фалькенштейна и С. Лэнгдона нет пиктографических словарей, позволяющих оценить количество расшифрованных ими знаков и сочетаний знаков. Исключение составляют обозначения цифр⁹. Было установлено, что в пиктографических текстах применяется та же шестидесятиричная непозиционная система исчисления, что и в клинописных документах. Форма соответствующих знаков — малые и большие полуovalы и кружки — осталась неизменной, начиная с раннего этапа развития пиктографии (конец IV тысячелетия до н. э.) вплоть до расцвета шумерской клинописи (середина III тысячелетия до н. э.). Были также раскрыты, хотя и не полностью, системы мер емкости, площади и, по-видимому, веса. Нам в свою очередь удалось объяснить некоторые оставшиеся непонятными цифры системы мер емкости и выявить значения

⁶ См. RA, 1928, 24, pp. 24—29 (здесь опубликованы первые двенадцать текстов из Джемдет-насра).

⁷ ATU и PI, списки знаков.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

некоторых специальных цифр, употребляемых, например, для выражения емкости эммера, счета дней, месяцев и т. п.

На смысловом значении пиктограмм останавливается преимущественно А. Фалькенштейн, но делает он это не специально, а в связи с решением других вопросов, и случаи, им рассмотренные, в основном достаточно очевидны. Как бы между прочим даются переводы ряда записей документов, например: «54 коровы (и) быка»; «(на) один день хлеб (и) пиво» [правильно будет «(на) один месяц...»]; «(к) восхождению Венеры»; «(к) захождению Венеры» и т. д.¹⁰ (последние две записи представляют большой интерес для истории астрономических знаний). Полностью ни один из текстов переведен не был. И все же полученные результаты крайне существенны: они позволили с достаточной полнотой охарактеризовать рисуночное письмо¹¹ и выявить скрытые возможности его дальнейшей расшифровки. Одновременно оба исследователя допустили ошибку, истолковав большую часть пиктограмм и их сочетаний, которые заведомо не могли служить обозначениями предметов счета, как группы знаков, скрывающие имена собственные¹², и оказались в тупике.

Продолжая расшифровку, нам удалось раскрыть значение большинства отождествленных пиктограмм. Кроме того, определены значения около 10 пиктограмм, несомненно вышедших из употребления до формирования клинописи. Ранее о существовании таких пиктограмм приходилось говорить лишь гипотетически. В результате оказалось возможным перевести около 70—100 пиктографических текстов.

Решающий шаг был сделан после того, как удалось преодолеть упомянутую выше ошибку. Сначала мы истолковали, а затем и перевели группу документов¹³, относящихся к позднему этапу развития письма, в которых, как уже заранее предполагалось, зафиксированы площади каких-то полей. При этом среди обозначений должностных лиц — держателей полей удалось распознать сочетание пиктограмм TUG.DI (см. ниже текст PI 100). Оказалось, что последнее сочетание встречается в целом ряде пиктографических документов, в том числе в первой строке раннего школьного текста ATU 340, причем здесь наряду с сочетанием TUG.DI приведены еще и другие сочетания с пиктограммой TUG в качестве первого элемента. Все они по аналогии с TUG.DI истолкованы нами как обозначения

¹⁰ ATU, S. 48.

¹¹ Ibid., S. 22—36.

¹² Ibid., S. 48; см. также I. J. Gelb, *Von der Keilschrift zum Alphabet*, Stuttgart, 1958, S. 68.

¹³ Pl, тексты № 28, 68 + 179, 83, 99, 100.

различных должностных лиц, а текст ATU 340 в целом — как список должностных лиц. Это позволило затем привлечь к рассмотрению школьный клинописный текст VAT 9130¹⁴, предположительно аналогичного содержания, и, как обнаружилось, первая строка последнего почти полностью совпадает с первой строкой упомянутого выше рисуночного документа. Теперь уже и клинописный текст в свою очередь можно было с уверенностью толковать как список должностных лиц. Таким образом, в наших руках оказался обширный перечень должностных лиц, которых затем уже легко было опознать во многих пиктографических текстах.

4. Как уже говорилось, прямым доказательством шумерской языковой принадлежности текстов послужили бы обнаруженные в них шумерские омонимы. Для позднего периода таковыми являются омонимы с предположительным значением — «стрела» и «жизнь» (знак TI; по А. Фалькенштейну); «черный» и «пшеница» (знаки GÍG и GiG), для раннего и позднего периодов — «тростник» и «возвращать» (знак GI); «делить» и «газель» (знак MAŠ). Таким образом, единственная пара омонимов, выявленная А. Фалькенштейном, которая могла оказаться и случайной, теперь дополнена еще тремя. Наличие в языке пиктографических текстов четырех пар омонимов, совпадающих с парами омонимов, имеющимися в шумерском языке, является, с нашей точки зрения, достаточным доказательством того, что и пиктографические тексты также написаны по-шумерски.

IV

Проблемы возникновения древнейших государственных образований Шумера, начальных форм расслоения общества и выделения классов, возникновения частной и храмовой собственности решались до сих пор почти исключительно на материале клинописных документов второй четверти и середины III тысячелетия до н. э. Теперь для этой цели уже могут быть привлечены пиктографические источники, которые древнее клинописных на 300—500 лет. Например, начинает вырисовываться картина социальной иерархии общества Шумера конца IV — начала III тысячелетия до н. э. В документах особенно часто упоминаются две большие группы лиц: 1) *тугу* (TÚG), 2) *галы* (GAL), категория, чтение названия которой не выяснено (ATU, знаки 298, 299, 300), и *нуны* (NUN). Первые, *тугу* —

¹⁴ А. Deimel, *Die Inschriften von Fara*, II. *Schultexte aus Fara*, Leipzig, 1923, Taf. 71; см. также ATU, S. 44 sq.

люди, «носящие одежду»¹⁵, — вероятно, представляют собой лиц знатных, господ. Им противостоят, по-видимому, *нитахи*, упоминающиеся сравнительно редко. Остальные — *галы*, ATU 298—300¹⁶ и *нуны* — занимали различающиеся по старшинству хозяйственные и иные должности.

Названы и другие должностные лица, например «главы» (SAG) — какие-то начальники, у каждого из которых имелось по двое подчиненных. Любопытно, что такой начальник получал вознаграждение (в виде серебра или меди) в четыре раза больше, чем подчиненный (ранний период). Согласно документам позднего периода на вершине социальной лестницы стояли шесть лиц: «правитель» (или «главный жрец», EN), «правительница» (или «главная жрица», или, менее вероятно, «управляющий женским персоналом», EN.SAL), «купец» (GAL.ŠAB), «носящий одежду DI (= господин DI)» (TÚG.DI), «начальник *шулов*» (PA.ŠUL) и «прорицатель» (IŠIB). (См. ниже перевод текста PI 100). В их распоряжении находились большие земельные угодья — около 1800 *га*. Ровно две трети земли приходилось на долю «правителя» и одна треть — на долю остальных.

Много интересного и важного сообщают нам пиктографические тексты о древнейшем земледелии, скотоводстве и ремесле, о начатках математики, о постановке хозяйственного учета и т. п. Не менее важно и изучение самой письменности как единственного пока что достоверного примера чисто идеопиктографического способа выражения мысли.

V

Каковы перспективы дальнейшей расшифровки? Есть надежда уменьшить — за счет выявления вариантов — общее количество различных знаков еще на несколько десятков и отождествить с клинописными знаками еще ряд пиктограмм. Но после этого останется, по-видимому, большое количество пиктограмм, которые не имеют клинописных соответствий, и расшифровать их будет очень нелегко. Сколько может быть таких пиктограмм, мы пока не знаем, возможно, что несколько десятков, но не исключено, что и более двух сотен. Вообще, чем дальше мы продвигаемся в расшифровке протошумерской письменности, тем труднее сделать следующий шаг. Отчасти

¹⁵ ATU, S. 38. Знак TÚG «одежда» в значении «одетый человек, знатный» в период уже сложившейся клинописи не встречается, однако он сохранился в сложной идеограмме SAL + TÚG = NIN «госпожа».

¹⁶ Не исключено, что соответствующую пиктограмму надо отождествить с клинописным знаком PI.

трудности компенсируются тем, что, когда делается шаг вперед, появляются новые осмысленные контексты и, следовательно, новые ситуации, благоприятствующие расшифровке.

В настоящее время нами подготавливается полное издание протошумерских пиктографических текстов, причем по крайней мере часть из них можно будет дать в транскрипции и переводе¹⁷. Ниже мы приводим несколько примеров исследования пиктограмм и перевода текстов.

На рис. 1 в трех столбцах над горизонтальной чертой представлены ранние (верхние ряды) и поздние (нижний ряд)

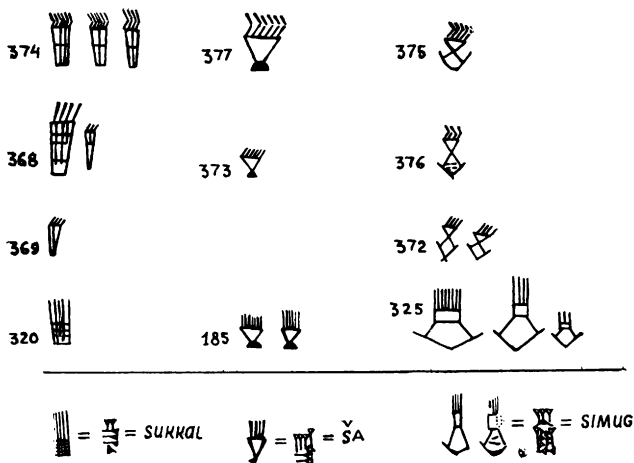

Рис. 1

варианты соответственно трех пиктограмм. А. Фалькенштейн свел эти варианты к одиннадцати самостоятельным знакам, причем один из них, ранний, отождествлен им с клинописным знаком LI (№ 377, средний столбец)¹⁸ и еще три, поздние, —

¹⁷ Пользуясь случаем, хочу выразить свою искреннюю признательность И. М. Дьяконову за постоянную научную помощь, которую он оказывает мне в работе над протошумерской письменностью.

¹⁸ На этом и следующем рисунке номера знаков даны по АТУ, список знаков.

с клинописными знаками SUKKAL (№ 320), ŠA (№ 185) и SIMUG (№ 325; ср. архаические клинописные знаки под горизонтальной чертой)¹⁹. Последние три отождествлены правильно, и, следовательно, первый — неправильно, поскольку это лишь ранний пиктографический вариант знака ŠA. Пиктограмма SUKKAL изображает,

по нашему мнению, сосуд, ŠA — воронкообразный сосуд с отверстием — лейку, и SIMUG — принадлежность литейщика, возможно горн. Ранние варианты знаков имеют в верхней части рисунков два или, что является упрощением, один ряд косых штрихов. Это, по-видимому, изображение льющейся жидкости — воды, растительного масла (или молока) и расплавленного металла. В поздних вариантах пиктограмм штрихи сохранены, но направлены вертикально. В целом наблюдается превращение кривых линий в прямые, наклонных — в вертикальные в полном соответствии с общей тенденцией процесса схематизации пиктограмм.

Все три знака, самостоятельны, или в сочетании с некоторыми другими, выступают в

пиктографических документах в качестве обозначений должностных лиц и профессий.

На рис. 2, слева от черты, представлены восемь вариантов одного и того же знака раннего этапа развития пиктографии. А. Фалькенштейн считал, что это восемь самостоятельных знаков. Справа от черты дана наша прорисовка вариантов в той форме, в какой они встречаются в документах. Наиболее характерной особенностью пиктограммы является ее спиралевидный облик. Наблюдающиеся различия вариантов весьма невыразительные: в одних случаях виток обрывается внизу слева, в других — наверху справа, иногда же виток как

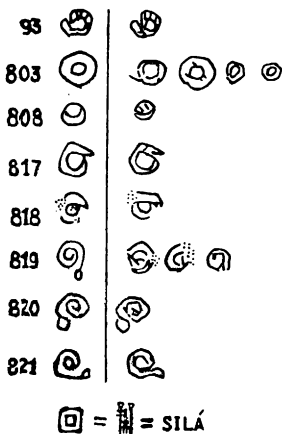

Рис. 2

¹⁹ E. Burrows, *Archaic Texts*, London, 1935 (Ur Excavations, II) (сокр. UET II), список знаков, № 92, 102, 103а.

бы замыкается, образуя ломаное «колечко». Правильность нашего отождествления подтверждается данными соответствующих контекстов. Последние допускают единообразное истолкование вариантов как обозначения какого-то представителя мелкого рогатого скота. По-видимому, «виток» является в действительности изображением рога барана.

К сожалению, поздний пиктографический вариант рассматриваемого знака не обнаружен. Наиболее вероятно, что «рожок» превратился в «колечко», и тогда в качестве соответствующей ранней клинописной формы следовало бы ожидать знака в виде квадратной или прямоугольной рамки. Именно такой клинописный знак встречается в текстах архаического Ура (см. рис. 2 внизу)²⁰. Решающим является чтение этого знака SILA, что означает «ягненок».

На рис. 3 представлена копия раннего пиктографического текста ATU 15.

Рис. 3.

Транскрипция²¹

2 MAŠ SAL.TÚG.DI (= NIN.DI) AB_x UNUG

Перевод

«2 газели женщины, носящей одежду DI (= госпожи DI), — мяснику поселения (= Урука)».

Об.

Лиц.

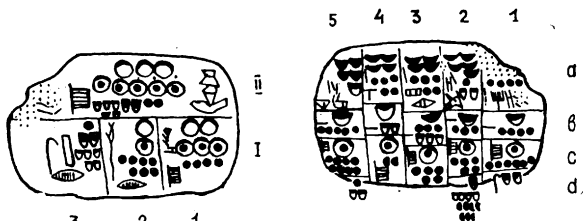

Рис. 4

²⁰ УЕТ II, список знаков, № 269.

²¹ Все пиктограммы этого текста, за исключением AB_x «мясник» (знак слева от цифры), отождествлены с клинописными знаками А. Фалькенштейном.

На рис. 4 представлена копия позднего текста PI 100; одного из пяти документов по разделу полей.

Транскрипция

Лиц.

- 1 a. [4]'50²² (GAR) UŠ_p²³ GAL.ŠAB
 b. 1'40 (GAR) SAG_p
 c. 1 (BURU) 6 (BÜR) GÁN
 d. 2 (EŠÈ) BAR
- 2 a. 5'12 (GAR) UŠ_p PA.ŠUL
 b. 1'30 (GAR) SAG_p
 c. 1 (BURU) 5 (BÜR) GÁN
 d. 1 (EŠÈ) 4 7/10 (IKU) BAR
- 3 a. 4'50 (GAR) UŠ_p TÚG.DI²⁴
 b. 1'33 (GAR) SAG_p
 c. 1 (BURU) 5 (BÜR) GÁN
- 4 a. 4'50 (GAR) UŠ_p IŠIB
 b. 1'2 (GAR) SAG_p
 c. 1 (BURU) 2/10 (IKU) GÁN
- 5 a. 5'0 (GAR) UŠ_p EN.SAL.
 b. 1'50 (GAR) SAG_p
 c. 1 (BURU) 8 (BÜR) GÁN
 d. 1 (BURU) 2 (IKU)

Об.

- I 1. 2 (ŠÁR) 5 (BURU) 4 (BÜR) GÁN EN
 2. 1 (ŠÁR) 1 (BURU) 7 (BÜR) KI.GÍD
 3. 1 (BUR) 2 (EŠÈ) 5 (IKU) KI.GÍŠ.BAR
- II 1. ŠUB ÈŠ²⁵ 3 (ŠÁR) 5 (BURU) 2 (EŠÈ)
 5 (IKU) GÁN [...]

²² 4'50=4.60+50=290, 1'40=1.60+40=100 и т. д. Значение соответствующих цифр как выражения линейных величин раскрыто нами.

²³ Значения пиктограмм UŠ_p (вертикальная черта) — «длина», SAG_p (горизонтальная черта) — «ширина» и относящихся к ним цифр раскрыты нами на основании контекста. Транскрипция с показателем _p означает, что этот знак встречается только в пиктографии, но соответствует по значению так же транскрибируемому клинописному знаку.

²⁴ Этот знак С. Лэнгдоном не был опознан. Остальные пиктограммы отождествлены с клинописными знаками С. Лэнгдоном.

²⁵ Этот знак был скопирован С. Лэнгдоном неправильно.

Перевод

Лиц.

1а. (Надел) купца:	[2]90 гар длиной,
b.	100 гар шириной,
c.	16 бур ²⁶ поля,
d.	12 ику (земли) внешней.
2а. (Надел) начальника шулов:	312 гар длиной,
b.	90 гар шириной,
c.	15 бур поля,
d.	16 7/10 ику (земли) внешней.
3а. (Надел) носящего одежду DI:	290 гар длиной,
b.	93 гар шириной,
c.	15 бур поля.
4а. (Надел) прорицателя:	290 гар длиной,
b.	62 гар шириной,
c.	1 бур 2/10 ику поля.
5а. (Надел) правительницы ²⁷ :	300 гар длиной,
b.	110 гар шириной,
c.	18 бур поля,
d.	1 бур 3 ику (земли внешней).

Об.

- I 1. 154 бур поля правителя²⁸,
 2. 77 бур земли длинной,
 3. 1 бур 17 ику земли внешней.

II Положено (?) святилищем (храмом): 232 бур 17 ику поля [...].

Комментарии к транскрипции и переводу мы здесь опускаем, поскольку для этого должны быть привлечены другие аналогичные тексты, которые будут полностью опубликованы в упомянутом выше издании.

²⁶ 1 бур = 18 ику, 1 ику = 100 гар² (в эпоху III династии Ура 1 гар ≈ 6 м).

²⁷ Или «главной жрицы», или «управляющего женским персоналом».

²⁸ Или «главного жреца».

И. Т. Канева

СПРЯЖЕНИЕ ШУМЕРСКОГО ГЛАГОЛА

(на материале шумерских героико-эпических текстов)

1

Несмотря на то обстоятельство, что шумерский язык по степени изученности занимает одно из первых мест среди других языков древней Передней Азии, многие вопросы шумерской грамматики до сих пор остаются неясными и спорными. В первую очередь это касается проблемы шумерского глагола.

Как известно, в шумерском языке грамматические значения выражаются отдельными показателями, присоединяющимися к неизменяемой основе слова, в частности, к глагольному корню могут присоединяться префиксы и суффиксы. Префиксами мы называем все грамматические показатели, которые ставятся *перед* глагольным корнем¹.

Глагольных префиксов в шумерском языке шесть, все они занимают определенную позицию перед глагольным корнем, а именно: на первой позиции, дальше всего от корня, стоят префиксы наклонения; префиксы наклонения могут выражать позитивное пожелание — *hé-*, *ga-*, *ù-*, *ša-* и т. д. и негативное пожелание — *ni-*, *na-*, *baa-*. Вторую позицию занимают так называемые префиксы спрягаемой формы глагола — *ni-*, *i/e-*, *ba-*, *bi-*, *al-* и т. д. (обязательны для любой из спрягаемых форм глагола). Третью, четвертую и пятую — префиксы, характеризующие падежные отношения в данном предложении; они образованы собственно падежным показателем и местоименным элементом, отражающим лицо косвенного объекта в этом падеже. Наконец, на шестой позиции, непосредственно перед

¹ Обычно шумерологи называют префиксами только первые два из них, а остальные — инфиксами.

глагольным корнем, стоят показатели либо субъекта, либо прямого объекта¹.

После глагольного корня могут стоять следующие суффиксы: непосредственно за глагольным корнем — суффикс *-e(d)*, точное значение которого до сих пор не выяснено. По всей вероятности, он придавал глагольной форме значение должностования, незавершенности действия. Вторую позицию занимали показатели субъекта или прямого объекта.

2

Переходя теперь к рассмотрению теорий спряжения шумерского глагола, мы считаем лучшим отказаться от изложения их в хронологическом порядке и постараться выделить те основные направления, по которым шло исследование проблемы. Тем не менее предлагаемый обзор следует начать с труда французского шумеролога Ф. Тюрро-Данжена «Шумерские и аккадские царские надписи»². Хотя эта работа не является грамматическим исследованием, однако приведенные в ней блестящие переводы шумерских царских надписей, сделанные задолго до появления первых шумерских грамматик, показывают, что Ф. Тюрро-Данженом уже были разработаны основные принципы грамматики шумерского языка. Выпущенные около 60 лет назад переводы Ф. Тюрро-Данжена почти не устарели до наших дней.

Следующей работой по шумерскому языку была грамматика Ф. Делича, опубликованная в 1914 г.³, где автор пришел к следующим выводам: шумерский глагол различал два вре-

¹ По мнению И. М. Дяконова (см. И. М. Дяконов, *Семито-хитские языки*, М., 1965, стр. 13—16), в обоих случаях речь идет о субъектных показателях, только в первом случае — о показателях «субъекта действия», во втором — о показателях «субъекта состояния».

Дело в том, что шумерский язык относится к языкам с эргативной конструкцией. Как считает И. М. Дяконов, характерной чертой языков с этой конструкцией является отсутствие категории прямого объекта. То, что в активных языках называют прямым объектом, в языках с эргативной конструкцией представляет собой субъект состояния, наступившего в результате данного действия, и выражается падежом субъекта (в шумерском языке абсолютным падежом). Логический субъект действия при переходном глаголе стоит в косвенном, эргативном, падеже (в шумерском языке его показателем является суффикс *-e*). Глагольная форма в шумерском языке согласуется с обоими субъектами. В дальнейшем изложении, следуя традиционной терминологии, мы будем называть «субъект состояния» при переходном глаголе «прямым объектом».

² F. Thureau-Dangin, *Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften*, — VAB I. Leipzig, 1907 (сокр. SAKI).

³ F. Delitzsch, *Grundzüge der sumerischen Grammatik*, Berlin, 1914.

мени (вида), которые условно можно назвать *Praeteritum* и *Praesens*; первый вид характеризовался чистым глагольным корнем, второй во всех лицах присоединял к глагольному корню суффикс -е; оба времени (вида) различались своими окончаниями в 3 л. мн. ч.: *Praeteritum* в этом лице имел окончание -eš, *Praesens* — -ene¹; субъект в глаголе отмечался посредством префиксов; префиксы 1 л. ед. ч. — mi-, ma-, mi-, im(?) (§ 151); префикс 2 л. ед. ч. Ф. Деличу установить не удалось (§ 150); префиксы 3 л. — е-, еме-, ема- (§ 135), а также префиксы, состоящие из согласных n, b или m с последующим или предшествующим гласным (например, ne-, ni-, ba-, bi-, mu-, ma- или in-, an-, ib-, im- и т. д. (§§ 138—148), иногда в форме nep-, ban-, bab-, mun-, man- (§ 143).

По мнению Ф. Делича, в глаголе находили отражение в виде инфиксов, стоящих перед глагольным корнем, падежные отношения, существующие в предложении, а именно дательный и винительный падежи. Инфиксом винительного падежа для 3 л. ед. ч. был -ni-, который мог появляться в формах -nin- и -nib-; для 3 л. мн. ч. — nep- (§§ 174—178).

В 1923 г. была опубликована работа немецкого ученого А. Пибеля «Основные черты шумерской грамматики»², и именно с ее появлением можно, очевидно, говорить и о возникновении нового направления в исследовании шумерского глагола. Развивая достижения Ф. Делича в области шумерской грамматики, А. Пибель на основе собранного им огромного материала по периодам развития шумерского языка сделал целый ряд ценных наблюдений, многие из которых не устарели до сих пор, и пришел к следующим принципиально новым выводам. Во-первых, он установил, что для шумерского языка было характерно формальное различие между переходными и непереходными глаголами, т. е. переходные и непереходные глаголы имели различное спряжение. Во-вторых, как переходные так и непереходные глаголы, по мнению А. Пибеля, имели две формы спряжения — «*Praesens-Futurum*» и «*Praeteritum*»³, при-

¹ Указанные суффиксы, по Ф. Деличу, были только показателями мн. ч.

² А. Pöbel, *Grundzüge der sumerischen Grammatik*, Rostock, 1923 (сокр. GSG).

³ Следует отметить, что термины *Praesens* или *Praesens-Futurum* и *Praeteritum* являются условными, так как шумерский язык не знал собственно категории времени, и специальных временных показателей в глаголе не было. Существовали виды: совершенный, условно называемый *Praeteritum*, и несовершенный — *Praesens-Futurum*, см. В. В. Струве, *Категория времени и замена идеограмм в шумерийском языке и письме*, — «Вестник Ленинградского гос. ун-та», 1957, № 8, вып. 2, стр. 85—87. В этом отдавали себе отчет в той или иной степени и исследователи шумерского глагола. Впервые со всей четкостью стал рассматривать шумерские формы

чем в «Praesens-Futurum» переходные и непереходные глаголы имели одинаковое спряжение, а в «Praeteritum» — различное¹. В третьих, А. Пибель обнаружил, что спряжение шумерского переходного глагола имело субъектно-объектный характер, т. е. в глаголе мог отмечаться как субъект, так и прямой объект².

Против положения А. Пибеля о двух формах спряжения у

спряжения как виды, по-видимому, А. П. Рифтин в своем курсе шумерского языка, читанного им в Ленинградском университете в середине 30-х годов.

¹ Для спряжения шумерского глагола А. Пибель дал следующие парадигмы (§ 447).

Praeteritum переходного глагола

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-'	1 л.	-me-
2 л.	-e-	2 л.	-ene-
3 л. соц.-акт.	-n-	3 л.	-n-...eš
3 л. соц.-пасс.	-b-		

Praesens-Futurum переходного и непереходного глаголов

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	-e	3 л.	-ene

Praeteritum (Permansivum) непереходного глагола

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	—	3 л.	-eš

² Показатели субъекта в глаголе, установленные А. Пибелем, уже приведены выше. Показатели прямого объекта, по А. Пибелю, выглядели следующим образом (§ 517):

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	—	3 л.	-eš

Иными словами, показатели прямого объекта совпадали с субъектными показателями непереходного глагола в Praeteritum (Permansivum). Эти показатели, как считал А. Пибель, могли употребляться только в Praeteritum, где они присоединялись к глагольному корню в виде суффиксов. Прямой объект 3 л. ед. ч. в Praeteritum, судя по приведенной схеме, не имел показателя. Вопрос о показателе прямого объекта в формах 3 л. мн. ч. А. Пибель оставлял открытым, поскольку здесь должны были бы получиться громоздкие формы типа i-R-eš-en, i-R-eš-enden и т. д. Очевидно, по этой же причине он не решал вопроса и о показателях прямого объекта в Praesens-Futurum (§ 519). В префиксах -n- и -b-, часто встречающихся в формах Praesens-Futurum непосредственно перед глагольным корнем, он видел показатели каузатива, придающие непереходным глаголам переходное значение, а у переходных глаголов усиливающие их переходное значение (§§ 521—529).

шумерского непереходного глагола выступил А. Фалькенштейн, который утверждал, что шумерский непереходный глагол знал только одно время, или, используя его терминологию, одну *Zeitstufe*, которую он называет *Permansivum*¹. В отношении спряжения переходного глагола А. Фалькенштейн не высказал никаких возражений.

В ответ на выступление А. Фалькенштейна А. Пибель в 1934 году опубликовал статью², где привел новые доказательства в пользу своей теории о существовании двух различных форм спряжения у непереходного глагола.

Рассматривая спряжение непереходного глагола на протяжении всей истории развития шумерского языка, А. Пибель приходит к выводу, что в ранний период шумерский непереходный глагол четко различал две формы спряжения, «но в процессе развития, — указывает он далее, — спряжение непереходного глагола претерпело ряд изменений». На основе этих изменений А. Пибель определяет три периода развития языка — «старошумерский» («Old Sumerian»), «ранний послешумерский» («early Post-Sumerian») и «поздний послешумерский» («latest Post-Sumerian»).

Для первого периода А. Пибель дает следующую парадигму спряжения:

Praeteritum

ед. ч.	мн. ч.
1 л. -en	1 л. -enden
2 л. -en	2 л. -enzen
3 л. —	3 л. -eš

Praesens-Futurum

ед. ч.	мн. ч.
1 л. -ed-en	1 л. -ed-enden
2 л. -ed-en	2 л. -ed-enzen
3 л. -e(d)	3 л. -ed-eš

Таким образом, формы *Praesens-Futurum* отличаются от соответствующих форм *Praeteritum* в этот период только вставкой элемента -ed- после глагольного корня.

Второй, или ранний послешумерский, период характеризуется появлением у непереходного глагола в *Praesens-Futurum* в

¹ A. Falkenstein, *Zum sumerischen Tempussystem*, — OLZ, Jg. XXXIV, 1931, Sp. 791—794.

² A. Poebel, *The Tenses of the Intransitive Verb in Sumerian*, — AJSL, L, 1934, 2.

3 л. ед. ч. наряду с формой i-R-e(d) формы i-R-ed-e, в которой суффикс -e, по мнению А. Пибеля, употребляется по аналогии с соответствующей формой переходного глагола в Praesens-Futurum. В соответствии с этим форма 3 л. мн. ч. непереходного глагола в Praesens-Futurum стала также принимать окончание соответствующей формы переходного глагола того же вида, а именно -ene. Поскольку вместо суффикса -ed идею Praesens-Futurum теперь уже выражали личные окончания, суффикс -ed теряет свое специфическое значение и разница между переходным и непереходным глаголами в Praesens-Futurum отныне заключается только в том, что переходный образуется прямо от основы lal¹, а непереходный — от основы lal-ed.

В этот же период наблюдается тенденция к стиранию различий между переходными и непереходными глаголами и в Praeteritum. Первый из них в 3 л. мн. ч. получает форму i-n-lal-eš (вместо i-b-lal), где суффикс -eš ставится по аналогии с соответствующей формой непереходного глагола.

Парадигма спряжения непереходного глагола в этот период выглядит по А. Пибелю следующим образом:

Praeteritum

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	—	3 л.	-eš

Praesens-Futurum

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-ed-en	1 л.	-ed-enden
2 л.	-ed-en	2 л.	-ed-enzen
3 л.	-ed-e	3 л.	-ed-ene

В третий, поздний послешумерский, период непереходный глагол в Praesens-Futurum полностью ассимилируется Praesens-Futurum переходного глагола (суффикс -ed окончательно теряет свое значение и не употребляется). В Praeteritum непереходный глагол в наиболее часто встречающихся формах 3 л. ед. и мн. ч. получает префикс -n- перед глагольным корнем, и, таким образом, происходит частичная ассимиляция Praeteritum непереходного глагола переходному. Префикс -n- на данной стадии развития шумерского языка, по мнению А. Пибеля,

¹ Так А. Пибель условно обозначает шумерский глагольный корень.

грамматического значения не имеет и просто входит в состав новых префиксов *in-*, *bin-*, *an-*, *ban-* и т. д.

Парадигма спряжения непереходного глагола в этот период следующая:

Praeteritum

ед. ч.	мн. ч.
1 л. -en	1 л. -enden
2 л. -en	2 л. -enzen
3 л. -n-	3 л. -n- .. -eš

Praesens-Futurum

ед. ч.	мн. ч.
1 л. -en*	1 л. -enden
2 л. -en	2 л. -enzen
3 л. -e	3 л. -ene

При таком спряжении непереходное или переходное значение глагола определялось, как полагает А. Пибель, уже не личными окончаниями, а самой природой корня или префиксом: если корень был непереходным, переходное значение ему придавалось с помощью префиксов *i-* и *immi-*, и наоборот — переходный корень получал непереходное значение путем присоединения к нему префиксов *ba-* и *imma-* (стр. 168).

Процесс ассимиляции спряжения непереходного глагола спряжению переходного происходил, согласно А. Пибелю, под влиянием аккадского языка, в котором не было различных форм для спряжения переходных и непереходных глаголов (стр. 164).

С новыми выводами А. Пибеля относительно спряжения непереходного глагола А. Фалькенштейн, однако, не согласился. В своей грамматике¹ и в кратком грамматическом очерке шумерского языка² он продолжает настаивать на одной, особой форме спряжения непереходного глагола. К этому выводу А. Фалькенштейн пришел на основе анализа большого количества письменных памятников, дошедших до нас от эпохи Гудеа, известного правителя города Лагаша (так называемый новошумерский период XXII—XX вв. до н. э.)³.

¹ A. Falkenstein, *Grammatik der Sprache Gudeas von Lagaš, I—II*, Roma, 1949—1950 (сокр. GSGL).

² Id., *Das Sumerische*, — «Handbuch der Orientalistik», Abt. I, Bd II, 1—2, Lief. I, Leiden, 1959.

³ Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, названия периодов и их датировка даются по А. Фалькенштейну (*Das Sumerische*, S. 16).

Для спряжения непереходного глагола А. Фалькенштейн дает следующую парадигму, аналогичную парадигме А. Пибеля для *Praeteritum* (*Permansivum*) непереходного глагола (GSGL I, § 53):

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	—	3 л.	-eš

Наличие в 3 л. ед. ч. какого-либо суффиксального показателя субъекта А. Фалькенштейн категорически отрицает. Относительно предлагаемого А. Пибелем для «позднего послешумерского» периода (в его терминологии) субъектного показателя -n- в 3 л. ед. ч. А. Фалькенштейн говорит только, что на материале старо- (XXVII—XXIV вв. до н. э.) и новошумерского периодов наверняка опровергнуть существование таких форм невозможно, так как в эти периоды оба элемента легко исчезают в графике (GSGL I, § 53, Anm. 2). Однако, замечает он далее, пример из надписи Бурсина, правившего несколько позднее Гудеа — *igi-dNanna-ka ḥé-en-ša₆* «перед Нанной пусть он будет в милости!» (GSGL I, S. 173. Anm. 2), где глагол с непереходным значением имеет префикс -n- перед глагольным корнем, — показывает, что вскоре после Гудеа (конец III тысячелетия до н.э.) начинается засвидетельствованная А. Пибелем для «позднего послешумерского» периода ассимиляция парадигмы непереходного глагола в *Praeteritum* парадигме переходного.

Этот же вывод А. Фалькенштейн повторил в одной своей рецензии, признав, что «в послешумерский (21—17 вв. до н. э.) период, а в некоторых случаях даже в новошумерский возможен переход непереходных образований в парадигму переходных, который согласуется с исчезновением различного оформления субъекта при переходных и непереходных глаголах»¹.

Кроме того, исследуемые А. Фалькенштейном материалы полностью подтвердили теорию А. Пибеля относительно спряжения переходного глагола: в текстах Гудеа четко различались две формы спряжения глагола — *Praesens-Futurum* и *Praeteritum* — и парадигмы спряжения, составленные А. Фалькенштейном, (§§ 49—50) совершенно аналогичны парадигмам А. Пибеля. Так же как и А. Пибель, А. Фалькенштейн отметил, что в переходном глаголе находили отражение и субъект и прямой объект.

¹ *BiOr*, VI, 1949, 2, p. 55, Anm. 12.

Показатели субъекта в языке эпохи Гудеа, по А. Фалькенштейну, аналогичны субъектным показателям, приведенным у А. Пибеля, кроме показателя субъекта 1 л. ед. ч. *Praeteritum*, который А. Фалькенштейн не восстанавливает. Показатели прямого объекта выглядели следующим образом:

	ед. ч.			мн. ч.
1 л.		-en	1 л.	-enden
2 л.		-en	2 л.	-enzen
3 л.	соц.-акт. класса	-n-	3 л.	-eš
3 л.	соц.-пасс. класса	-b-		

Эти показатели, полагает далее А. Фалькенштейн, в принципе могли употребляться как в *Praeteritum*, так и в *Praesens-Futurum* (и, следовательно, в противоположность мнению А. Пибеля, прямой объект должен был отражаться и в *Praesens-Futurum*), однако практически показатели 1 и 2 л. ед. ч. и 1, 2 и 3 л. мн. ч. засвидетельствованы только в *Praeteritum*. В *Praesens-Futurum* они, по-видимому, не употреблялись из-за громоздкости форм типа *i-R-enden-enzen, *i-R-en-eš и т. д., и здесь соответствующие показатели стояли лишь в форме 3 л. ед. ч., например *nu-um-ma-ni-in-pà-dè-en* < **nu-i-ba-bi-pàd-e-en* «он там не найдет тебя» (*Das Sumerische*, S. 47, Anm. γ). Префиксы -n- и -b- отражали прямой объект и в *Praesens-Futurum*, и в *Praeteritum*, причем в *Praeteritum* при столкновении субъектного показателя -n- с префиксом прямого объекта -b- побеждал более сильный -b-. О -n- и -b- как показателях каузатива А. Фалькенштейн ничего не говорит.

Сторонниками взглядов А. Пибеля и А. Фалькенштейна на спряжение шумерского глагола являются А. Салонен, П. Сиро и Д. О. Эдцард, попытавшиеся дать новое объяснение функциям префиксов -n- и -b- в глагольных формах. Два первых исследователя¹ приходят, в частности, к выводу, что эти функции разграничивались следующим образом: в *Praesens-Futurum* указанные префиксы отмечали прямой объект, а в *Praeteritum* — субъект².

С первой частью вывода (префиксы -n- и -b- в *Praesens-Futurum* отражали прямой объект) согласился и немецкий шумеролог Д. О. Эдцард³, относительно же второго поло-

¹ A. Salonen und P. Siro, *Studien zur neusumerischen Syntax*, Helsinki, 1958.

² Авторы ограничиваются рассмотрением лишь показателей 3 л. ед. ч. по той, видимо, причине, что формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч. встречаются довольно редко.

³ D. O. Edzard, *Fragen der sumerischen Syntax*, — ZDMG, 1959, 109 Bd, 2. H., S. 241.

жения (-п- и -b- в Praeteritum указывали на субъект) он высказал сомнение, полагая, что эти префиксы в Praeteritum по выбору могли отмечать как субъект, так и прямой объект. Если же на практике в Praeteritum преобладало отражение субъекта, то это скорее касается стилистики, нежели грамматики¹. В вопросе о субъектных и объектных показателях 1 и 2 л. ед. и мн. ч. и 3 л. мн. ч. Д. О. Эдцард полностью присоединился к точке зрения А. Фалькенштейна. Ему также принадлежит заслуга в составлении на основе теории А. Фалькенштейна приведенной ниже схемы субъектно-объектного спряжения переходного глагола² (см. стр. 26—27).

Д. О. Эдцард отмечает, что в Praesens-Futurum из 27 теоретически возможных комбинаций реальны только 10 (формы с прямым объектом 3 л. ед. ч. социально-активного или социально-пассивного классов, в которых не происходило столкновения субъектного и объектного показателей). В остальных случаях, полагает он, после глагольного корня ставился либо субъектный, либо объектный показатель (S. 239). В Praeteritum из 41 возможной комбинации реальны 27, в которых не было столкновения показателей. В 14 случаях происходило столкновение, причем, когда показатель субъекта -п- сталкивался с показателем прямого объекта -b-, мог ставиться по выбору либо субъектный, либо объектный показатель.

Таковы основные положения, выдвигаемые первым направлением в учении о спряжении шумерского глагола.

Другое направление исследования также ведет свое начало от Ф. Делича и связано в основном с отрицанием формального различия между непереходными и переходными глаголами. Его наиболее ранним представителем следует, по-видимому, считать А. Даймеля, автора вышедшей в 1924 г. (то есть через год после появления грамматики А. Пибеля) «Грамматики древнейших шумерских текстов»³. На основе анализа архаических документов А. Даймель утверждал, что в шумерском языке имелись только две формы спряжения, общие и для переходных и для непереходных глаголов, формально не различавшихся; первая форма спряжения, передающая значение Praeteritum, в 3 л. ед. ч. не имела никакого окончания, в 3 л. мн. ч. — окончание -eš, вторая форма со значением Futurum в 3 л. ед. ч. принимала — правда не всегда — окончание -e, в 3 л. мн. ч. — -ene (ŠGr, S. 297, 4).

¹ Ibid., S. 246.

² Ibid., S. 241, 244.

³ A. Delmel, *Šumerische Grammatik der archaischen Texte*, Roma, 1924 (сокр. ŠGr).

СХЕМА СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНОГО СПРЯЖЕНИЯ ШУМЕРСКОГО ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА (ПО Д. О. ЭДЦАДУ)

Субъект

Praeteritum

1 л. ед. ч. 2 л. ед. ч. 3 акт. ед. ч. 3 пасс. ед. ч. 1 л. мн. ч. 2 л. мн. ч. 3 л. мн. ч.

Объект 1 л.	X	-e-V-en	-n-V-en	-b-V-en	X	(-e-V-en-a-(e)ne)	[-n-V-eš+en]
2 л.	-?-V-en	X	-n-V-en	-b-V-en	-me-V-en	X	[n-V-eš+en]
3 л. акт.	-n-?-V	-n-e-V	$-\frac{n}{n}-V$	$-\frac{n}{b}-V$	-n-me-V	-n-e-V-a-(e)ne	$-\frac{n}{n}-V-eš$
3 л. пасс.	-b-?-V	-b-e-V	$-\frac{b}{n}-V$	$-\frac{b}{b}-V$	-b-me-V	-b-e-V-a-(e)ne	$-\frac{b}{n}-V-eš$
1 л.	X	-e-V-enden	-n-V-enden	-b-V-enden	X	(-e-V-enden-a-(e)ne)	[-n-V-eš+enden]
2 л.	-?-V-enzen	X	-n-V-enzen	-b-V-enzen	-me-V-enzen	X	[-n-V-eš+enzen]
3 л.	-?-V-eš	-e-V-eš	-n-V-eš	-b-V-eš	-me-V-eš-	(-e-V-eš-a-(e)ne)	[-n-V-eš+eš]

Praesens-Futurum

Субъект

1/2 л. ед. ч.

3 л. ед. ч.

1 л. мн. ч.

2 л. мн. ч.

3 л. мн. ч.

<i>Объект</i> 1—2 л.		<i>[-V-e+en]</i>	<i>[-V-enden+en]</i>	<i>[-V-enzen+en]</i>	<i>[-V-ene+en]</i>
3 л. акт.	<i>-n-V-en</i>	<i>-n-V-e</i>	<i>-n-V-enden</i>	<i>-n-V-enzen</i>	<i>-n-V-ene</i>
3 л. пасс.	<i>-b-V-en</i>	<i>-b-V-e</i>	<i>-b-V-enden</i>	<i>-b-V-enzen</i>	<i>-b-V-ene</i>
1 л.	<i>[-V-en+enden]</i>	<i>[-V-e+enden]</i>		<i>[-V-enzen+enden]</i>	<i>[-V-ene+enden]</i>
2 л.	<i>[-V-en+enzen]</i>	<i>[-V-e+enzen]</i>	<i>[-V-enden+enzen]</i>		<i>[-V-ene+enzen]</i>
3 л.	<i>[-V-en+eš]</i>	<i>[-V-e+eš]</i>	<i>[-V-enden+eš]</i>	<i>[-V-enzen+eš]</i>	<i>[-V-ene+eš]</i>

Пояснения к схеме

1. Показатели прямого объекта выделены курсивом.
2. Перечеркнутыми клетками отмечены формы, где субъект и прямой объект встречаются в одном лице.
3. В квадратные скобки заключены случаи столкновения субъектного и объектного показателей.
4. В круглых скобках стоят сомнительные формы.

Приведенные у А. Пибеля показатели субъекта А. Даймель в исследуемых им текстах почти не встретил, за исключением префиксов -п- и -b-, стоящих перед глагольным корнем, которые он объяснил как чисто фонетическое явление [результат ассимиляции или вид «нунации» или «бибации» — ŠGr., S. 309, § 70, 2)]. Считать их каузативными показателями А. Даймель отказывается и полагает, что переходное или непереходное значение глагола определялось скорее не ими, а контекстом [§ 67, 1), с)].

От выводов А. Даймеля относительно спряжения шумерского глагола мало чем отличаются результаты исследований Э. Солльберже, полученные им на материале царских надписей из города Лагаша (старошумерский период)¹. Так же как А. Даймель, Э. Солльберже отрицает существование формального различия между переходными и непереходными глаголами. На основе текстов царских надписей он устанавливает два вида спряжения — *Factif* (*Praesens-Praeteritum*) и *Adventif* (*Futur*); глагол в *Factif* не принимает никаких окончаний, кроме 3 л. мн. ч. (присоединяется показатель мн. ч. -eš), и, следовательно, целиком совпадает с *Praeteritum* Ф. Делича и А. Даймеля; в *Adventif* глагол во всех лицах имеет окончание -е, а в 3 л. мн. ч. — -ene (этот вид спряжения, таким образом, аналогичен *Praesens-Futurum* Ф. Делича).

Согласно Э. Солльберже, в шумерском глаголе могли находить отражение падежные отношения, существующие в предложении. Однако отражение их, по его мнению, было вовсе не обязательным, чаще всего глагол не нес в себе показателей такого рода.

Из числа падежей, находящихся отражение в глаголе, Э. Солльберже исключает родительный, сравнительный и именительный падежи (последний, по Э. Солльберже, является падежом субъекта) (SV, p. 62, p. 104—105).

Показателями винительного падежа в глаголе Э. Солльберже считает префиксы -п- и -b-, стоящие непосредственно после префикса спрягаемой глагольной формы (т. е. на третьей позиции, SV, p. 104). Перемещение этих префиксов (в более поздних текстах они стоят непосредственно перед глагольным корнем, т. е. на шестой позиции) он относит к диахроническим различиям (SV, p. 106).

Изучению шумерского глагола посвящены также три тома

¹ E. Sollberger, *Le système verbal dans les inscriptions royales présargoniques de Lagas*, Genève, 1952 (сокр. SV).

исследований французского шумеролога Р. Жестена¹, из которых наибольший интерес для нас представляет первый (VS I), посвященный глагольным префиксам и суффиксам.

Как и А. Даймель, Р. Жестен отрицает доказываемое А. Пибелем и А. Фалькенштейном формальное различие между переходными и непереходными глаголами в шумерском языке и подобно Ф. Деличу, А. Даймелю и Э. Солльберже обнаруживает в шумерском глаголе две формы спряжения, названные им *achevé* и *inachevé* (в дальнейшем он стал их называть *actualisé* и *non-actualisé*)². Первая форма (*achevé*) характеризовалась тем, что глагол в ней не принимал никаких окончаний, кроме показателя 3 л. мн. ч. — *-eš*. Во второй форме (*inachevé*) к глаголу присоединялись следующие суффиксы:

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	-e	3 л.	-ene

Присоединяющиеся к глаголу в *inachevé* суффиксы, по мнению Р. Жестена, имели местоименный характер и отмечали главным образом субъект, однако отражение в глаголе лица и числа субъекта — явление довольно редкое, ибо в шумерском предложении субъект и предикат в основном были морфологически независимы друг от друга, а лицо и число субъекта понималось из контекста (*ibid.*, p. 18). Р. Жестен соглашается, что в ряде случаев суффиксы *-en*, *-e* и др. могли отражать в глаголе прямой объект³, и отмечает роль Ф. Тюро-Данжена, первым обнаружившего случаи, когда за глаголом, субъект которого стоит в ед. ч., а прямой объект во мн. ч., следует местоименный показатель *-eš* — показатель множественного числа, таким образом, обозначает здесь — наличие в глаголе указания на объект действия (*ibid.*, p. 279); функцию

¹ R. Jestin, *Le verbe sumérien: (I) Déterminations verbales et infinites*, Paris, 1943 (сокр. VS, I); (II) *Préfixes, particules verbales et noms verbaux*, Paris, 1946; (III) *Complément*, Paris, 1954.

² Судя по сообщению А. Фалькенштейна в рецензии на первый и второй тома работы Р. Жестена (*BiOr*, VI, 1949, 2, p. 55), со ссылкой на личное письмо этого автора, последний одно время предлагал иное название форм спряжения, а именно: *actualisé* вместо *achevé* и *inactualisé* вместо *inachevé*.

³ «Подобно тому как в имени именительный и винительный падежи имеют общие показатели, частое отсутствие которых свидетельствует о небольшом значении, какое имело противопоставление категории субъекта и прямого объекта, так же и в глаголе наблюдается аналогичная картина при присоединении местоименных суффиксов» (*ibid.*, p. 278).

показателей прямого объекта эти суффиксы выполняли довольно редко и были в основном субъектными показателями.

Р. Жестен также отказывается видеть в префиксах -п- и -b- показатели субъекта и прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. и соц.-пасс. классов (так как они часто встречаются в глагольных формах, относящихся к другим лицам) и не соглашается считать их, как предлагал А. Пибель, показателями каузатива. По его мнению, каузатива, выраженного особыми показателями, в шумерском языке вообще не существовало, и каузативный характер глагола выяснялся из контекста; кроме того, -п- и -b- не могли быть показателями каузатива, поскольку там, где глагол имел явно каузативное значение, они иной раз не стоят и, напротив, встречаются там, где никакого каузативного значения у глагола нет. Префиксы -п- и -b- имели эмфатический характер (*ibid.*, p. 96).

Деления шумерских глаголов на переходные и непереходные и существования формального различия между ними не признает также австрийский шумеролог В. Кристиан¹. Его рассуждения сводятся к следующему: шумерский глагол никоим образом не выражал действия, а лишь передавал состояние, поэтому для него подходит название «*ausgesagter Sachverhalt*» (изложенная ситуация) или «*Sachverhaltsaussage*» (изложение ситуации). Поскольку шумерский глагол не выражал действия, при нем не отмечался ни субъект, ни объект, а только участник ситуации, передаваемой «глаголом» (*nur Teilhaber am zuständlichen ausgesagten Sachverhalt*, BSG, S. 14). По мнению В. Кристиана, «участник ситуации» — это то, к чему глагол непосредственно относится и что в активных языках соответствует прямому объекту переходного глагола или субъекту непереходного или пассивного глагола (*ibid.*, S. 14).

Предикатом шумерского предложения, согласно В. Кристиану, могла быть глагольная форма «безличного спряжения», т. е. не имеющая никаких аффиксов спряжения; лишь в том случае, если нужно было указать на множественность «участников ситуации» (т. е. субъекта непереходного глагола или объекта переходного глагола), вводился суффикс множественности -eš (*ibid.*, S. 30).

«Участник ситуации» мог рассматриваться и как более тесно связанный с нею, как «обладатель (*der Besitzer*) ситуации», по терминологии В. Кристиана (*ibid.*, S. 15). В таком случае к глагольной форме прибавлялись аффиксы, указываю-

¹ V. Christlan, *Beiträge zur sumerischen Grammatik*, Wien, 1957 (сокр. BSG).

щие на «обладателя ситуации», — суффиксы -en, -e, -enden, -enzen, -ene, и, таким образом, возникала форма глагола «личного спряжения» (ibid., S. 25). Однако эти показатели, по В. Кристиану, не являются ни субъектными, ни объектными, так как «обладатель», как и всякий «участник» ситуации, не является ни субъектом, ни объектом.

То, что в языках активно-пассивного строя рассматривается как субъект переходного глагола, В. Кристиан называет «создателем (der Urheber) ситуации» и полагает, что отношение между «создателем ситуации» и глагольной формой входило в число пространственных отношений. Соответственно показатели «создателя ситуации» в глагольной форме рассматриваются им не как элементы спряжения, а как элементы системы пространственных показателей, которые могут иметься как в глаголах «безличного», так и «личного» спряжения (ibid., S. 25—26).

Что касается префиксов -n- и -b-, то они, согласно В. Кристиану, указывают общим образом на наличие в предложении «ближайшего участника излагаемой ситуации», что соответствует объекту языков активно-пассивной конструкции (ibid., S. 18). Однако эти префиксы не носят личного характера, т. е. указывают не на лицо объекта, а лишь на такой характер «ситуации», который соответствует переходности в языках, где глагол выражает действие.

Итак, рассмотрев основные работы по спряжению шумерского глагола, мы можем выделить два направления исследования и соответственно две основные точки зрения на существо вопроса. Главные пункты разногласий между этими точками зрения следующие:

1. Представители первого направления (А. Пибель и А. Фалькенштейн) считают, что для шумерского языка было характерно деление глаголов на переходные и непереходные и что те и другие глаголы различались формально. Напротив, сторонники другого направления (А. Даймель, Э. Солльберже, Р. Жестен и В. Кристиан) отрицают деление шумерских глаголов на переходные и непереходные и утверждают, что переходное или непереходное значение глагола определялось контекстом, и, следовательно, переходные и непереходные глаголы формально не различались.

2. Согласно теории А. Пибеля и А. Фалькенштейна, в шумерском переходном глаголе отражался не только субъект, но и прямой объект. В принципе все представители второго направления, за исключением А. Даймеля, согласны с этим. Однако в вопросе о показателях прямого объекта нет единодушия.

А. Пибель признавал отражение прямого объекта в глаголе только в *Praeteritum* и считал его показатели идентичными субъектным показателям непереходного глагола; в *Praesens-Futurum* прямой объект не отмечался в глаголе в силу того, что иначе появились бы громоздкие формы; префиксы -п- и -б- в *Praeteritum* могли отмечать субъект и каузатив, а в *Praesens-Futurum* — только каузатив. К показателям прямого объекта, установленным А. Пибелем, А. Фалькенштейн добавляет префиксы -п- и -б-. По его мнению, в *Praesens-Futurum* они отмечали в глаголе прямой объект, в *Praeteritum* — главным образом прямой объект, реже субъект; остальные показатели прямого объекта в принципе могли употребляться в *Praeteritum* и в *Praesens-Futurum*, но практически использовались только в *Praeteritum*, поскольку в *Praesens-Futurum* при их постановке появились бы громоздкие формы (А. Фалькенштейн делал исключение только для форм 3 л. ед. ч.).

В виде префиксов отражался винительный падеж в шумерском глаголе и согласно Э. Солльберже, а Р. Жестен соглашался считать показателями прямого объекта в глаголе суффиксы -en, -e, -enden, -enzen, -ene. Правда, подобную функцию, полагает он, суффиксы выполняли редко, гораздо чаще они отмечали субъект; префиксы же -п- и -б-, по Р. Жестену, имели эмфатический характер. Напротив, по В. Кристиану, они отражали в глаголе прямой объект («воображаемого ближайшего участника изложенной ситуации») и, собственно, были единственными показателями прямого объекта, так как суффиксы -en, -e и т. д. отмечали в глаголе «обладателя изложенной ситуации».

Причину существующих разногласий по вопросу о спряжении шумерского глагола, по-видимому, следует искать в том факте, что в древние периоды языка показатели субъекта и прямого объекта графически почти никогда не отмечались. Как считает А. Пибель (GSG § 485), это явление в конечном счете следует объяснять действием фонетических законов.

Если по вопросу о показателях субъекта и прямого объекта в глаголе принять точку зрения А. Пибеля и А. Фалькенштейна, то наиболее часто в текстах встречаются глагольные формы со следующими показателями: -п- (показатель субъекта и прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса), -б- (показатель субъекта и прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса), -en (показатель субъекта и прямого объекта 1 и 2 л. ед. ч.).

Отсутствие на письме префикса -п- легко объяснить как результат графически не отмеченной назализации (GSG § 479, 485). То же самое можно сказать относительно исчезновения

конечного -п- в показателе -еп; оставшийся гласный -е при глагольном корне, оканчивающемся на гласный, как правило, поглощался этим гласным. Префикс -b- под влиянием соседнего губного звука часто давал -m-, тот в свою очередь переходил в -п-, а последний в результате назализации предшествующего гласного выпадал из написания (GSQL I, § 11, 2b; § 64, 3γ).

Подобные фонетические явления, по мнению А. Пибеля, имели место в древние периоды шумерского языка, когда язык был еще разговорным и не возникала необходимость выписывать показатели субъекта и прямого объекта (при чтении употребление их было само собой очевидным). Однако в более поздние времена, когда шумерский язык превращается в письменный, мертвый, показатели начинают четко фиксироваться на письме, так как иначе тексты становились бы непонятными. Именно в этом обстоятельстве А. Пибель и видит причину сравнительно более последовательного отражения на письме грамматических показателей в поздние периоды развития шумерского языка.

Иное объяснение отсутствию в текстах древних периодов префиксов -п- и -b- при глаголе дает В. Кристиан. По его мнению, само появление этих префиксов связано с более поздними периодами развития языка, ибо только более развитый язык испытывает необходимость в подчеркивании связи между глаголом и зависимыми от него частями предложения (BSG, S. 19). Утверждение В. Кристиана о позднем возникновении показателей -п- и -b- вряд ли является верным, так как в данном случае пришлось бы предположить, будто система субъектно-объектных показателей могла быть разработана лишь тогда, когда начался процесс отмирания шумерского языка — на ранней ступени позднешумерского периода (XX—XIX вв. до н. э.). Поэтому более убедительным представляется мнение А. Пибеля.

3

В связи со всем вышеизложенным огромное значение приобретает изучение материалов шумерского языка по отдельным периодам — только таким путем можно понять грамматику этого сложного языка. Исследованию отдельных периодов шумерского языка, как уже указывалось выше, посвящена грамматика А. Фалькенштейна и работа Э. Солльберже. Однако никто до сих пор не занимался специально рассмотрением текстов, дошедших до нас от ранней ступени позднешумерского периода (XXI—XIX вв. до н. э.), хотя с точки зрения грамматики они представляют огромный интерес.

Отдельную группу письменных памятников, относящихся к ранней ступени позднешумерского периода, составляют героико-эпические поэмы¹, и выбор этих текстов для специального исследования о спряжении шумерского глагола объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, как отмечал уже А. Пелль, тексты ранней ступени позднешумерского периода характеризуются более последовательным отражением грамматических показателей, чем тексты предшествующих периодов. Во-вторых, в силу особенностей сюжета в героико-эпических текстах встречаются грамматические формы, мало засвидетельствованные в других текстах, например формы 1 и 2 л. ед. и мн. ч., повелительное наклонение, пожелательные формы с префиксами *ga-* и *û-*, а также случаи употребления в качестве субъекта имени соц.-пасс. класса. В-третьих, в героико-эпических поэмах, хотя они и написаны в период, когда шумерский язык перестает быть разговорным, еще крайне редко встречаются неправильные написания и довольно слабо ощущается влияние аккадского языка.

Отметив выше основные пункты противоречий, существующие в настоящее время в вопросе о спряжении шумерского глагола, мы попытаемся теперь установить, что в плане разрешения этих противоречий дает шумерский героический эпос. Поскольку первым и самым главным пунктом расхождений является проблема формального различия в шумерском языке между переходными и непереходными глаголами, мы начнем именно с нее.

Глагольные формы, засвидетельствованные в исследуемых эпических текстах, по значению на основании контекста можно разделить на переходные и непереходные, но коль скоро речь идет о *формальном* различии между ними, следовало бы, очевидно, составить на материале эпоса парадигмы отдельно для глагольных форм с переходным значением и отдельно для глагольных форм с непереходным значением и сравнить полученные результаты.

¹ В настоящее время нам известно около десятка героико-эпических поэм. Из них крупнейшим американским шумерологом С. Н. Крамером изданы пока только пять (с транскрипцией, переводом и комментарием): 1. *Gilgamesh and the Huluppu-tree* (Oriental Institute of the University of Chicago. Assyriological Studies, vol. 10, 1938—сокр. GH). 2. *The Death of Gilgamesh*, — BASOR, 1944, 94, pp. 2—12 (сокр. DG). 3. *Gilgamesh and the Land of the Living*, — JCS, 1947, 1, 1, pp. 3—46 (сокр. GLL). 4. *Gilgamesh and Agga*, — AJA, 53, 1, pp. 1—29 (сокр. GA). 5. *Enmerkar and the Lord of Aratta*, — в кн. *A Sumerian Epic Tale of Iraq and Iran*, Philadelphia, 1952 (сокр. ELA).

1. НЕПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ

В исследуемых эпических текстах глаголы с непереходным значением засвидетельствованы в следующих формах и контекстах (при рассмотрении примеров нам показалось нелишним проверить точку зрения А. Пибеля, согласно которой у непереходных глаголов существовало два вида, причем несовершенный вид выражали только формы с суффиксом *-ed*; с этой целью формы с суффиксом *-ed* приводятся отдельно):

§ 1. «Я»

В глагол введен показатель, соотносящий его с подлежащим «Я» (то есть подлежащее выражено местоимением 1 л. ед. ч.¹). В дальнейшем, ради сокращения, описание будет строиться в терминах «я», «ты», «он»).

Глагольные формы построены по модели *i-R-en* и имеют значение несовершенного вида (с суффиксом *-ed*):

- 1) *mà-e u₄-ba ša-ba-na-gam-e-dè-en* (ELA 292)² «Я тогда должен буду поклониться ему»;
- 2) *me-na-àm gi^{is}gu-za-gi-rin ba-ni-[tuš-ù-dè]-en bí-lin-dug₄ me-na-àm gi^{is}ná-gl-rin ba-ni-[ná-dè]-en bí-lin-dug₄* (GH 37—38, 79—80) «Когда будет трон „гирин“ и (когда) я буду сидеть на нем?» — она сказала. «Когда будет ложе „гирин“ и (когда) я буду лежать на нем?» — она сказала».

§ 2. «Ты»

Глагольные формы построены по модели *i-R-en*:

а) глагольная форма имеет значение несовершенного вида (без суффикса *-ed*):

ì-ná-na ì-ná-na dGilgameš-en-dumu-Kul-aba^{ki}-ke₄ en-šè³ ná-dè-en (GLL 75—76) «Ты, который лежишь, ты, который лежишь, Гильгамеш, верховный жрец, сын Кулаба, до каких пор ты будешь лежать?»

В данном примере обращает на себя внимание именная форма *ná-dè-en* (принадлежность ее к именным формам подтверждается отсутствием при ней префикса спрягаемой формы), к которой, однако, присоединяется показатель субъекта *-en*. В исследуемых эпических текстах засвидетельствован еще один подобный пример, где к именной форме переходного глагола присоединяется объектный показатель: *...[ama]-ù-tud-en nu-zu* (GLL 148) «Матери, родившей меня, я не знаю».

¹ Само местоимение может отсутствовать в предложении; в таком случае указывать на его присутствие будет только суффикс, введенный в глагол.

² Относительно принятых здесь и ниже сокращений названий источников см. стр. 34 прим. 1.

³ Н: èp- [буквами Н, Ф, Ј и др. закодированы варианты чтений (по Крамеру)].

б) глагольная форма имеет значение несовершенного вида (с суффиксом -ed):

za-e uru-ama-tud-da-za¹ nu-ub-ši-gur-ru-dè-en² (GLL 161) «Ты в город матери, твоей родительницы, не сможешь вернуться».

§ 3. «Он».

Глагольные формы построены по модели *i-R*:

а) глагольные формы имеют значение несовершенного вида (без суффикса -ed):

а) простой глагол³

- 1) á-gál hé-zu (ELA 462) «Сильный пусть станет известным»;
- 2) ušumgal eden-na ba-kin-gá-gim gaba-ri nu-mu-ni-in-tuku (ELA 352) «Подобно дракону, который рыскает в степи, соперника он не имел»;
- 3) á-gál hé-zu-zu (ELA 477) «Сильный пусть станет известным!» ср. ...^dEn-líl-le sag-eš mu-ré-in-rig⁷ ...la-šè(?) hé-zu-zu (ELA 615) «Энлил тебе подарил, для ... пусть станет известным!»;
- 4) LI.DU-ni ^dAma-uš[umgal-an-na] ...-a-na ba-dùg (ELA 586) «Ее (Инан-ны) песни Амаушумгальанне ...приятны»;
- 5) giš-ná-nam-tar-ra-ka ba-ná (DG A 68) «На ложе судьбы он лежит»;
- 6) dí-ma-ni hé-suḥ (GA 47, 58) «Его разум пусть смешается!»;
- 7) uru^{ki}-má lú ba-ug⁶ (GLL 23) «В моем городе люди умирают»;
- 8) é-gi-sig-ga izi nu-te-en-te-en (GLL 109) «В доме ... огонь не погаснет» (ср. diš-UŠ-GAR nu-te-[en-te-en]⁴. (GLL 120) «...не существует»);
- 9) tukum-bi im-ši-suš-dè-[en]⁵ ní⁶i⁷-gál ní⁶i⁷-gál gi⁴-a DÈ⁸ i-gál gi⁴-a (GLL 116—118) «Если мы войдем и страх будет, страх будет — вернись! Гибель будет — вернись!»;
- 10) kur-ra tuš-a-zu ba-ra-zu ... hé-zu-àm (GLL 135) «В горé жилище твоё не известно ...пусть станет известным!».

¹ F: uru-ama(!)-ù-tu-da.

² F: nu-ub(!?)?-dè.

³ Шумерские глаголы подразделяют на простые и составные. Простыми называют глаголы, которые содержат только глагольную основу, например, du «идти», líl «поднимать», túm «приносить»; составные глаголы включают как глагольную основу, так и именную часть. Именной частью обычно бывает имя в абсолютном падеже (падеже прямого объекта) или в каком-либо пространственном падеже, реже в этой роли выступает прилагательное, например, lgi-du, «смотреть» (букв. «глаз открыть»), gú-dé «говорить» (букв. «слово излить»), ki-ús «устанавливать» (букв. «землю приближать»), kù-zu «быть умным» (букв. «светлое знать»). При именной части, выраженной существительным, может стоять определение, например, gir-húl-la-gub «радостно ступать» (букв. «радостную ногу ставить»), ka-šu-gál «приветствовать» (букв. «уста к руке прикладывать»), gú-giš-gá-gá «покоряться» (букв. «на шею дерево класть»).

⁴ F дает: la-[b]a-an-da-NE...

⁵ F, очевидно, дает: ga-an-ši-sùg-?-dè-eš(?).

⁶ F: ní.

⁷ F: im-.

⁸ DÈ переводится как «гибель», предположительно от de=*halaḫu*, ср. A. Delmel, *Sumerisches Lexikon*, Roma, 1925—1937, 338,8 (сокр. ŠL).

β) составной глагол¹:

- 1) É-an-na ug šu ba-na-a (ELA 265) «В Эанне, где лев лежит» (составной глагол šu-...nā);
- 2) kug-^dInanna-ke₄ ir e-NE² ba-še₄-še₃ (GH 44, 86) «Святая Инанна плачет» (составной глагол ir-e-NE-...še₃-še₃).

Ср. eger-ra ba-ug₆-zu³ ga-an-na-ab-dug₄ ir-gig še₃-še₃ (GLL 105) «Затем о смерти твоей я расскажу и (пусть) она плачет!». В данном примере во второй глагольной форме, по-видимому, опущен префикс ḫé-.

б) глагольные формы имеют значение совершенного вида (без суффикса -ed):

- 1) ^dInanna-ke₄ en-Arattaki-ke₄... en-Kul-abaki-a-gim nu-mu-na-šag₃ (ELA 28—30) «Инанна к жрецу Аратты (так) как к верховному жрецу Кулаба не была благосклонна»;
- 2) u₄-ba muš nu-gál-ām gir nu-gál-ām ka nu-gál-ām ur-maḫ nu-gál-ām ur-zir ur-bar-ra nu-gál-ām ní-te-gá su-zí-zí-i nu-gál-ām (ELA 136—139) «Тогда не было змеи, не было скорпиона, не было гиены, не было льва, не было собаки и волка, не было страха и ужаса»;
- 3) u₄ im-zal (ELA 309, 392) «День настал»;
- 4) bur-gal-gal an-ne ba-su₃-su₃-ug...bur-i-gi₃-an-na da-bi-a ba-su₃-ug (ELA 313—315) «Большие каменные сосуды высоко стояли, сосуды... в стороне от них стояли»;
- 5) mu-ia-ām mu-u-ām ba-zal-[la]-ri⁴ (ELA 430) «После того как пять лет, десять лет прошло» (букв. «воссияло»);
- 6) u₄-ḫé-gál(?) -la ka-na-ág ba-e-zal-la-ri (GH 51) «После того как дни изобилия (в) стране прошли»;
- 7) inim i-dugud (ELA 502) «Слово стало тяжелым»;
- 8) inim im-düg-düg-düg⁵ (ELA 392) «Дело стало ясным» (букв. «слово стало хорошим»);
- 9) u₄-bi-ta inim im-ma gub-bu nu-ub-ta-gál-la (ELA 505) «До этих дней слова, на глину помещенного, не было»;

¹ У составных глаголов, которые рассматриваются в этом разделе, именная часть, по всей вероятности, представляет собой имя в пространственном падеже, поэтому глаголы обладают непереходным значением и спрягаются по непереходному типу. В тех случаях, когда именная часть составного глагола стоит в абсолютном падеже (падеже прямого объекта) и выступает в роли прямого объекта, составной глагол спрягается по переходному типу (см., напр., стр. 41, § 2 β, стр. 45 γ и т. д.).

² e-NE, очевидно, входит в состав глагола, ср. e-NE-dl или e-NE-dl-du₁₁ «танцевать» (A. Sjöberg, *Der Mondgott Nanna-Suen in der sumerischen Überlieferung*, 1. Teil: *Texte*, Stockholm, 1960, S. 112) и e-NE-sù-ud, e-NE-sù-ud-du₁₁/e «жить (с женщиной)» (ibid., S. 77).

³ Интересно отметить, что спрягаемая глагольная форма выполняет здесь функцию имени.

⁴ В последлоге gi, по мнению И. М. Дьяконова, может быть, следует видеть формант редкого падежа второго аблатива, который обычно отражен только внутри глагольной формы в виде направительного префикса -ga-, а при самом имени отсутствует — вероятно, вследствие действия фонетических законов. По значению этот падеж близок к отложительному падежу -ta.

⁵ J опускает один знак düg.

- 10) erén-bi al-tur (GA 38) «Войско их мало»;
- 11) Unug^{ki}-ga dím-ma-bi ba-su^h (GA 50) «Разум Урука смешался»;
- 12) lugal-ra tur-tur ba-da-an-ri¹ ^dEn-ki-ra gal-gal ba-da-an-ri (GH 16—17) «На господина маленькие обрушились, на Энки большие обрушились»;
- 13) [g]i^š ba-gur₄ (GH 39, 81) «Дерево выросло»;
- 14) šu-ni² ra-kug-KA-na ba-da-gál (GLL 15) «В его руке серебряный посох... был»;
- 15) šà ba-sig (GLL 23) «Сердце разбито»;
- 16) kur ba-su^h-su^h (GLL 77) «Страна обеспокоена»;
- 17) ba-su-a-ba³ ba-su-a-ba u₄ má-má-gan ba-su-a-ba giš⁴ má-á-má-gi₄-lum ba-su-a-ba (GLL 111—113) «После того как утонула, после того как лодка „магац“ утонула, после того как лодка „амагилум“ утонула»;
- 18) kur-ra tuš-a-zu ba-ra-zu (GLL 135) «В горе неизвестно твое жилище».

Сюда же, вероятно, относится следующий пример: ap-ki-nigin-na ukù-sag-si-ga ^dEn-lil-ra e-me-aš-àm hé-en-na-da-[si-il] (ELA 145—146) «Вся вселенная и покорный народ Энлилю на одном языке (хвалу) воистину пели». Пример вызывает сомнения из-за плохой сохранности текста. Глагольную форму считаем непереходной только на том основании, что в предложении нет прямого объекта.

Из вышеприведенных примеров видно, что форма 3 л. ед. ч. непереходного глагола могла употребляться со значением как завершенного, так и незавершенного состояния.

§ 4. «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R-e* и имеют значение долженствования (?) [окончание -e = суфф. -ed(?)]:

- 1) má-a-ra lú-min nu-ug⁴-e⁴ má-da-lá nu-su-su-[d]è⁵ (GLL 103) «За меня другой человек не должен умереть, груз с лодкой не должен потонуть»;
- 2) erén-bi al-tur a-ga-bi-ta al-bir-re (GA 38) «Войско их мало, задние ряды его должны рассеяться» (букв. «от спины (задней стороны) его должны рассеяться»).

Глагольную форму al-bir-re формально можно рассматривать и как форму 3 л. ед. ч. Praesens-Futurum переходного глагола. Однако против такого предположения говорит контекст; кроме того, префикс al-, как правило, стоит только при непереходных глаголах.

¹ Глагольная форма ba-da-an-ri, вероятнее всего, представляет ошибочное написание вместо *ba-an-da-ri (ср. параллельный текст на диалекте ES: ù-mu-un-ra tur-tur ba-an-da-[ri] ^dAm-an-ki-ra gal-gal ba-an-da-ri); кроме того, пространственного инфикса в глаголе требует и послелог -га в предложении (правда, скорее следовало бы ожидать -па-, но в исследуемых текстах довольно часты случаи, когда падежный показатель при имени отражается в глаголе с помощью другого падежного показателя).

² G: -па.

³ ba-su-a-ba < *ba-su-a-bi-a

⁴ В варианте F нет -е.

F: bi-lb-su-su вместо nu-su-su-[d]è.

§ 5. «Мы»

Глагольная форма построена по модели *i-R-(en)den*:

lukum-bi im-ši-su₃-dè-[en]¹ (GLL 116) «Если мы к нему войдем».

Единственный пример, засвидетельствованный в наших текстах с глаголом движения.

§ 6. «Они»

Глагольные формы построены по модели *i-R-eš* и имеют значение совершенного вида (без суффикса -ed):

- 1) nam-lú-lu₆-Aratta^{ki}-ke₄ anšū-barā-lá-e u₅-di-dè im-ma-súg-súg-ge-eš (ELA 354—355) «Люди Аратты к вьючным ослам удивленно подошли»;
- 2) lú-kin-gi₄-a-Ag-ga-dumu-En-me-barag-gi₄-e-si-ke₄ Kiš^{ki}-ta^d Gilgameš-ra Ulu^{ki}-še² mu-un-ši-súg-eš (GA 1—2) «Послы Аги, сына Энмебаргеси, из Киша к Гильгамешу в Урук пришли»;
- 3) dumu-uru-na mu-un-da-súg-eš-ām² ra³ mu-un-ši-tar-ru-ñe (GH 99) «Сыновья его города, которые с ним шли, ветви отрезают».

Ср. dumu-uru-na mu-un-dè-súg-eš-a šu-bi-a [bi-in-gál-le-eš] (GLL 58, 70, 81) «Сыновья его города, которые с ним шли, в руки свои их взяли»; dumu-uru^{ki}-na mu-un-dè-súg-eš-a⁴ ra-bi i-tar-ru-ñe (GLL 139—140) «Сыновья его города, которые с ним шли, ветви его отрезают»; lú-bi-ne igi lu-mu⁵-da-ru-gú-uš (GA 39) «Эти люди не подумали» (букв. «не поглядели», если считать, что речь идет о составном глаголе igi-ru(g), по И. М. Дьяконову).

Вместе с тем исследование текстов эпоса обнаружило, что не все глаголы с непереходным значением спрягались по указанному типу. Ряд глаголов, а именно определенная группа глаголов движения, сохраняя непереходное значение, спрягались по переходному типу. Поскольку это особое положение глаголов движения до сих пор не было учтено в существующих грамматиках, подробнее о них будет сказано в специальном разделе, см. стр. 79—88.

ИССЛЕДОВАНИЕ И ВЫВОДЫ

На основе рассмотренных примеров можно составить следующую таблицу спряжения непереходного глагола:

¹ F: ga-an-ši-su₃-?-dè-eš.

² D: {mu-un-d}è-súg-eš-a; E: mu-un-dè-súg-eš-a.

³ D и G добавляют -bi после ra.

⁴ M дает -ām вместо -a.

⁵ A вставляет -un-.

субъект	модель	показатель субъекта
я	i-R-en	-en
ты	i-R-en	-en
он	i-R	-ø
мы	i-R-enden	-enden
вы	—	—
они	i-R-eš	-eš

Приведенные показатели совпадают с суффиксами субъекта, обнаруженными А. Фалькенштейном для непереходного глагола и А. Пибелем — для Praeteritum (Permansivum) непереходного глагола, и, следовательно, показатель субъекта 2 л. мн. ч. поддается восстановлению в форме суффикса -enzen. Вся система показателей субъекта непереходного глагола будет выглядеть так (восстановленный показатель дается в квадратных скобках):

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	[-enzen]
3 л.	-ø	3 л.	-eš

Итак, в результате изучения текстов героического эпоса относительно спряжения глаголов с непереходным значением удалось установить, что:

во-первых, непереходные глаголы имели одну форму спряжения, которая могла выражать как завершенное, так и незавершенное состояние;

во-вторых, суффикс -ed не был специальным показателем, образующим, как полагал А. Пибель, Praesens-Futurum непереходного глагола. Как показали примеры, незавершенное состояние могли выражать и формы без суффикса -ed;

в-третьих, за исключением небольшой группы глаголов движения, все глаголы с непереходным значением спрягались по указанному типу.

II. ПЕРЕХОДНЫЙ ГЛАГОЛ

Материалы текстов шумерского героического эпоса подтвердили существование в спряжении шумерского переходного глагола двух типов, условно называемых Praeteritum и Praesens-Futurum.

A. PRAETERITUM

В Praeteritum засвидетельствованы следующие формы спряжения шумерского глагола:

§ 1. «Ты — меня»¹

Глагольная форма построена по модели *i-e-R-en*:

za-e mu-e(!)-dim₄-e(n)² (GLL 149) «Ты воспитал меня».

В рассматриваемых эпических текстах засвидетельствован только один пример.

§ 2. «Ты — его (соц.-пасс.)»

Глагольная форма построена по модели *i-e-R*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) na-ri-mu hē-e-dīb (ELA 69, 627) «Прими мой совет!»;
- 2) a-[n]a ma-ab-bē-en-na-bi ù-mu-e-dug₄ (ELA 205, 527) «То, что ты мне должен сказать, ты да скажешь!»;
- 3) kin-gi₄-a inim mu-ga-bē-en³...hē-mu-e-ši-dīb (ELA 263—264) «Гонец, я тебе слово говорю...да возьмешь ты его!»; hē-mu-e-ši-dīb < *hē-mu-e-ši-e-dīb;
- 4) en-Aratta^{ki}-ke₄ im igi ù-ni-bar⁴ šag₄-inim-ma ù-bi-zu⁴ (ELA 526) «Верховный жрец Аратты, глину ты рассмотри, смысл слов узнай!».

б) в роли прямого объекта выступает именная часть составного глагола:

- 1) [gizz]al hē-ši-ag (ELA 70, 628) «Выслушай!» (составной глагол gizzal...ag);

¹ Т. е. в глагол введены показатель, соотносящий его с подлежащим, а также показатель, соотносящий его с прямым объектом. Подлежащим в данном случае является местоимение 2 л. ед. ч., прямым объектом — местоимение 1 л. ед. ч. (само местоимение в предложении может отсутствовать, тогда на него указывает только префикс, введенный в глагол). Ради сокращения мы, как и в предыдущих параграфах, будем в дальнейшем строить такого рода описание в терминах «я», «ты», «он».

² В тексте: mu-un-dim₄-e.

³ Вариант опускает -en.

⁴ Вариант вставляет -in- в обеих формах, относительно иного перевода этих форм см. стр. 47.

- 2) gizzal hē-im-ši-ia(?) -ag (GLL 22) «Выслушай!» (составной глагол gizzal-...ag);
 3) Ūnug^{ki} gīš-kin-ti-dingir-re-e-ne-ke₁... sag mu-e-sum (GA 30—35) «Об Уруке, создании богов... ты заботишься» (составной глагол sag-...sum).

§ 3. «Он (соц.-акт.) — меня»

Глагольные формы построены по модели *i-n-R-en*:

- 1) a-a-[z]u lugal-mu mu-e-ši-in-gi₁-in-nam [en-Ūnu^{ki}]-ga en-Kul-aba^{ki}-a-ke₄ mu-e-ši-in-gi₁-nam (ELA 177—178, 379—380, 516—517) «[Тв]ой отец, а мой господин к тебе меня прислал, [верховный жрец Уру]ка, верховный жрец Кулаба к тебе меня прислал»;
 2) En-me-er-kár-dumu-^dUtu-ke₄ mu-e-ši-in-gi₁-nam (ELA 186) «Энмеркар, сын Уту, к тебе меня прислал»;
 3) ...kug-^dInanna-ke₄ Aratta^{ki} kur-me-sikil-la-šè hu-mu-un-tum-en kur-ra giš^{is}gal-gim igi-ba bí-in-tab-en (ELA 224—225) «...Святая Инанна в Арат-ту, страну чистых обрядов, воистину принесла меня, в горах перед ней точно большую дверь поставила меня»;
 4) kur-ra mu-un-tu-ud-dè-en (GLL 149) «В горах родила она меня».

По-видимому, сюда же можно отнести следующий пример: e-ne nam-maḥ-a-ni šī-im-ma-a-n-zu-zu-un (ELA 293) «Он (о) своим величии пусть известит меня!». Интересно, что в других случаях в аналогичном контексте в роли прямого объекта выступает слово nam-maḥ [ср. mā-e u₄-ba nam-maḥ-mu ga-a-n-zu (ELA 278) «Тогда я дам знать мое величие» или nam-nir-gál-lugal-a-na mu-un-zu (ELA 174) «Величие своего господина он дал знать»].

§ 4. «Он (соц.-акт.) — его (соц.-акт.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R*:

а) глагол составной и требует прямого объекта¹:

- 1) Ag-ga lugal-Kiši^{ki}-a šagi-erēn-na-ka-ni LÚ+KÁR-a la-ba-ni-in-ag² (GA 81, 99) «Агу, правителя Киша, (в) середине его войска в плен(?) он (не) взял(?)» (очевидно, составной глагол LÚ+KÁR-a-...ag);
 2) ^dGilgameš bād-da gú-na im-ma-an-lá Ag-ga igi ba(!)-ni-in-du₃ (GA 89—90) «Гильгамеш через стену перевесился, Ага его там увидел» (составной глагол igi-...du₃);
 3) Zabar-[dib-Unu^{ki}]-ga-ke₄ bād-šè im-me(?) -e₁-dè bād-da gú-na im-ma-an-lá Ag-ga igi im-ma-ni-in-du₃ (GA 65—67) «Забардibunуга на стену подни-

¹ Выше (II А § 2?) рассматривались случаи, когда именная часть составного глагола является прямым объектом. Однако именная часть может не иметь отдельной от глагола семантики, и составной глагол в таком случае будет представлять собой единую лексему. В этих случаях составные глаголы могли получать переходное значение и требовать прямого объекта.

² Е, по-видимому, дает: i-ni-in-ag.

мается, через стену перевесился, Ага его там увидел» (составной глагол *lgi...du₃*);

- 4) *Ag-ga Kiš₁i-šē šu ba-ni-in-bar* (GA 112) «Агу для Киша он освободил» (составной глагол *šu...bar*);
- 5) *lugal-e zag-zī-da-ni-dē im-mi-in-t[uš] zag-gūb-bu-ni im-ma-ni-in-gi₁* (ELA 306—307) «Господин у своего правого бока посадил его, (от) своего левого бока повернул его» (в данном примере прямой объект отсутствует в предложении и подразумевается только по контексту; составные глаголы, вероятно, *zag...tuš* и *zag...gi₁*).

б) глагольная форма построена по модели *i-R*:

lú kin-gi₁-a mu-un-gi₁-a-ni... kug-dInanna-ke₁ iḡi me-ši-kár-kár (ELA 448—450) «Человека, который прислал гонца... святая Инанна выбрала для себя» (составной глагол *iḡi...kár-kár*).

§ 5. «Он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R*¹:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) *gaba-ri in-pád² inim im-ta-an-ē³* (ELA 240) «Ответ он избрал, слово произнес»;
- 2) *še sa-al-kad₃-e ù-mu-ni-in-si-si anšū-bará-lá-e um-mi-in-lá anšū-bal-e da-bi-a a-ba-an-sum* (ELA 282—284) «После того как зерно в мешки он насыплет, на выючных ослов навесит и на бока перевальных ослов положит...»;
- 3) *kin-gi₁-a Aratta^{ki}-aš du-ni saḡar-kaskal-la ḡir-ni mu-un-si* (ELA 349—350) «Гонец, идущий в Аратту, дорожной пылью свои ноги покрыл»;
- 4) *ušumgal-eden-na-ba-kin-gá-gim gaba-ri ni-mu-ni-in-tuku* (ELA 352) «Подобно дракону, рыскающему в степи, соперника он не имел»;
- 5) *maḡ-Aratta^{ki} kug-dInanna-ke₁en-Kul-aba^{ki}-ra mu-na-an-sum-ma-ta* (ELA 446—447) «После того как величественную Аратту святая Инанна отдала верховному жрецу Кулаба»;
- 6) *En-me-er-kár-dumu-dUtu-ke₁ im ma-an-sum* (ELA 525) «Энмеркар, сын Уту, глину мне дал»;
- 7) *šim-zī-da iḡi-na mu-un-dar* (ELA 590—591) «Сурьму добрую на ее глаза намазала»;
- 8) *Ag-ga zī ma-an⁴-sum Ag-ga nam-ti ma-an⁴-sum* (GA 105) «Ага дыхание мне дал, Ага жизнь мне дал»;
- 9) *ḡilgameš iḡi-ab-ba-ugi-na-ka⁵ inim ba-an-gar* (GA 3—4) «Гильгамеш перед старейшинами своего города слово положил»;
- 10) *a-ba zī-bi mu-un-tuku-e-še⁶* (GA 28) «Всякий, кто дыхание это имеет»;

¹ В исследуемых эпических текстах засвидетельствовано около 120 примеров на подобное соотношение. Приводить их все, очевидно, нецелесообразно, и поэтому мы ограничимся лишь наиболее характерными, взятыми из разных текстов, а на остальные дадим сноски в конце раздела параграфа.

² Р дает i вместо in-.

³ K: im-da-an-gál.

⁴ B: mu-e- вместо ma-an-.

⁵ C: -šē вместо -ka.

⁶ См. A. Falkenstein, *Das Potentialis- und Irrealissuffix -e-še des Sumerischen*, — ZIF, 1950, 60, S. 113—130.

- 11) inīm-guruš-uru-na-šē šaġa-ga-ni an-ḥúl ḥar-ra-ni ba-an-zalag (GA 41) «Из-за слов гурушей своего города сердце свое возвеселил, печень свою просветлил»;
- 12) inīm-ma-ni nu-un-ti (GA 65) «Слова свои он не кончил»;
- 13) en ^dGilgameš-e kur-lú-ti-la-šē gešlug-ga-ni pa-an-gub (GLL 1—2) «Верховный жрец Гильгамеш к горе бессмертных разум свой обратил»;
- 14) maš-si, maš-da-ri-a gaba-ni ba-an-tab (GLL 14) «Пестрого козленка, козленка жертвенного (к) груди своей он прижал»;
- 15) lú-arḥuš-a-gim¹ arḥuš ba-ni-in-ag (GLL 35) «Как милостивый человек милость он оказал»;
- 16) ^dGilgameš zi-an-na mu-un-pād zi-ki-a mu-un-pād zi-kur-ra mu-un-pād (GLL 150) «Гильгамеш жизнью небес покаялся, жизнью земли покаялся, жизнью подземного мира покаялся» (букв. «жизнь небес называл, жизнь земли называл» и т. п.);
- 17) u, An-né an ba-an-DU-a-ba ^dEn-lil-le ki ba-an-DU-a-ba (GH 10—11) «После того как Ан небеса забрал, а Энлил землю забрал»;
- 18) mí... giš šu-na mu-un-df̄b Unukⁱ-šē ba-ni-in-tu (GH 33) «Женщина... дерево в свои руки взяла, в Урук внесла»;
- 19) uruduḥa-zi-in-na-ni ḥar-ra-an-na-ka-ni imin-gú-imin-ma-na-ka-ni šu-ni-a ba-an-df̄b (GH 91—92) «Свой дорожный бронзовый топор, (топор) в 7 талантов и 7 мин в руки свои он взял»;
- 20) giš úr-ba mi-ni-in-sir pa-ba² mi-ni-in-dar (GH 98) «Дерево у его корня он (Гильгамеш) срубил, в ветвях его срезал»;
- 21) ^dGilgameš-dumu-^dNin-sun-ka Ereš-ki-gal-la-šē igi-du, bi ba-an-lá ^dNam-tar-ra nig-šaġa-a-bi ba-an-lá (DG B 8—10) «Гильгамеш, сын Нинсун, Эрешкигаль дары отвесил, Намтару жертву отвесил».

Вероятно, к этой же группе относятся и следующие примеры:

gidri um-ta-an-KÍD³ ḥu-mu-un⁴-gál (ELA 345, 387, 410). Букв. «скипетр, пусть (даже) он его расколет, воистину был у него»; вызывает затруднение глагольная форма um-ta-an-KÍD (может быть, ее следует понимать как название скипетра);

NI-LI-NI-NI kur-ZA. MÛŠ⁵-a-ka sig-ga⁶ i-ni-in-dé (ELA 433) «Масло (?)... для страны Замуш, скорбя он излил». Значение NI-LI-NI-NI неизвестно. Возможно, речь идет о каком-то сорте масла, и в таком случае комбинация выполняет функцию прямого объекта. Sig-ga «полный заботы, скорби» (аккадское *šaqtmeš*, ŠL 295, 51).

β) в предложении отсутствует прямой объект, и его нельзя вывести из контекста. Перевод этих предложений вызывает затруднения:

¹ F: lú arḥuš(!)-[a]-ke₄.

² D: pa-bi.

³ Так же в варианте J, в A знак между -ta и -KÍD не -AN-.

⁴ J вставляет -da-.

⁵ ZA.MÛŠ, возможно, написано вместо Zabalam (ZA.MÛŠ.UNU^{ki}) — названия одной из областей (недалеко от Урука), где почиталась богиня Инанна:

⁶ Q, если копия верна, дает [geš]lug-gim вместо sig-ga.

- 1) šu-šè mu-un-df¹ ki-za nam-ba-an-tù² (GLL 151).

Смысл предложения плохо понятен. Возможно, здесь говорится о каких-то ритуальных действиях. Букв. «К руке он взял, к твоему месту он принес».

- 2) ka-ma-da-ka(! ?) saḫar-ra la-ba-da-an-si (GA 79, 97) Букв. «в уста страны пылью он наполнил».

γ) в роли прямого объекта выступает именная часть составных глаголов:

- 1) igi mu-un-fl (ELA 511, 172) «Посмотрел» (букв. «глаз поднял», составной глагол igi-...fl);
- 2) u₄-bi-a en-e ša₄ mu-un-sig zi mu-un-ir-ir (ELA 237) «Тогда верховный жрец затрепетал, зашатался» (составные глаголы ša₄-...sig и zi-...ir-ir);
- 3) en-e igi-hùl-la im-ši-in-bar (ELA 432) «Верховный жрец радостно посмотрел» (составной глагол igi-hùl-...bar);
- 4) En-me-er-kár-dumu^dUtu-ke₄ sag mi-ni-in-fl (ELA 468) «Энмеркар, сын Уту, посмотрел» (букв. «голову поднял», составной глагол sag-...fl);
- 5) igi mu-ši-in-bar igi-ús-a-ka[m] (GLL 122) «Он посмотрел — глаза смерти (у него) есть» (составной глагол igi-...bar);
- 6) en-Aratta^{ki} gú-ki-šè³ ba-ni-in-gál⁴ (ELA 235) «Верховный жрец Аратты покори́лся (составной глагол gú ki-šè-...gál);
- 7) u^{ki}-mà...ú u-gu ba-an-dé ša₄ hùl ba-an-gi₁ (GLL 23—24) «В моем городе люди уши и стали разбойниками (?)» (составные глаголы ú-gu-...dé и ša₄-hùl-...gi₁);
- 8) ka ki-šè bí-in-gar (GLL 88) «Устами к земле он прикоснулся» (составной глагол ka ki-šè-...gar).

Может быть, к этой же группе относится и следующее предложение: [H]u-wa-wa ka ba-da-an-zalag (GLL 145) «Хувава уста(?) очистил(?)» (составной глагол ka-...zalag). Предлагаемый перевод предположителен. Возможно, речь идет о каком-то ритуальном действии (ср. в этом же тексте: ka ki-šè bí-in-gar ka ba-an-da-zalag (GLL 88) «Устами к земле он прикоснулся, уста очистил(?)»);

- 9) en-e inim-[kug-^dInann]a-ka-šè sag-kéš ba-ši-in-ag (ELA 105) «Верховный жрец слова святой Инанны восхвалял» (составной глагол sag-kéš-...ag);
- 10) kin-gi₄-a inim-lugal-la-na-ke₄ sag-kéš ba-ši-in-ag⁵ (ELA 161) «Гонец слова своего господина восхвалял» (составной глагол sag-kéš-...ag);
- 11) gir-ní-te-a-na-ka igi-lib-ba bí-in-du₃-ru⁶ (ELA 239) «На свои ноги бегающими глазами он посмотрел» (составной глагол igi-...du₃-ru);
- 12) ^dUtu-kalam-ma-ka sag nu-un-fl (ELA 310) «К солнцу страны головы он не поднял» (составной глагол sag-...fl);
- 13) sa-ál-kad₃-e igi im-mi-in-tur-tur (ELA 329) «Мешки он разложил» (составной глагол igi-...tur-tur);
- 14) sig₄-Kul-aba^{ki}-ke₄ gir-hùl-la mu-ni-in-gub (ELA 300, 418, 512) «На кирпичи Кулаба радостно ступил» (составной глагол gir-hùl-la-...gub);

¹ F: ba-an-df¹ (?).

² F: ba(?)-an-tum₄.

³ J, N и O опускают -šè.

⁴ J (возможно, O): í-gál, N: i-in-gál.

⁵ J: ba-ni-in-gar.

⁶ du₃-ru, возможно, вариант написания глагольного корня dur.

- 15) en-Kul-aba^{ki}-a-ke₄ im-e šu bi-in-ra (ELA 504) «Верховный жрец Кулаба к глине прикоснулся» (составной глагол šu-... ra);
- 16) en-Aratta^{ki}-ke₄ im-ma igi i-ni-in-bar¹ (ELA 540) «Верховный жрец Аратты на глину посмотрел» (составной глагол igi-... bar);
- 17) en-Aratta^{ki}-ke₄ gíg-e igi bi-in-du₄ (ELA 555) «Верховный жрец Аратты на пшеницу посмотрел» (составной глагол igi-... du₄);
- 18) ^dUtu ír-na níg-šag₄-a-gim šu ba-an-ši-in-ti² (GLL 34) «Уту его слезы (букв. «в его слезах») как жертву принял» (составной глагол šu-... ti);
- 19) DÜ-a-ni-ta a-gim ní ba-an-te (GA 37) «Его (Аги) прихода как он может испугаться?» (составной глагол ní-... te);
- 20) bád-da gú-na im-ma-an-lá (GA 66, 89, GLL 25) «Через стену он посмотрел» (букв. «через стену шею свою он перевесил», составной глагол gú-... lá);
- 21) NE mu-un-su-ub-ba-gim te-na tibír³ bi-in-ra (GLL 144) «...приветствуя, к своей щеке он прикоснулся» (составной глагол tibír-... ra);
- 22) é-símug-šè gír-ni⁴ bi-in-gub (GLL 54, 56) «К дому кузнеца он пошел» (составной глагол gír-... gub);
- 23) lugal-zu gíš⁵tukul-(?)³ sag ha-ba-an-sum (ELA 254) «Твой господин (к) оружию воистину обратился» (составной глагол sag-... sum).

Очевидно, сюда же относится следующее предложение: ^dInanna... Unug^{ki}-e la-ba-an-dug₄... éš-è-an-na-ka la-ba-an-dug₄... sig₄-Kul-aba^{ki}-a-ke₄ la-ba-an-dug₄... gíš⁵na-gi-rin-na la⁶-ba-an-dug₄... en-Unug^{ki}-ga en-Kul-aba^{ki}-a-ra la⁶-ba-an-dug₄ (ELA 559—563) На основе варианта, дающего знак šu вместо la, можно предположить, что здесь употреблен составной глагол šu-... dug₄. Перевод предложения представляет большую трудность, так как известные нам значения составного глагола šu-... dug₄ «наполнять, разрушать» (ŠL 354, 50) и «создавать» (GSGL I, S. 123) не подходят. Только исходя из контекста предположительно переводим: «Инанна... от Урука отвернулась... от святилища Эанны отвернулась... от кирпичей Кулабы отвернулась... от ложа „гирин“ отвернулась... от эна Урука, эна Кулаба отвернулась».

б) составные глаголы вместе с именной частью представляют единую лексему, имеют переходное значение и требуют постановки прямого объекта:

- 1) Aratta^{ki} á-dam ^dEn-ki-ke₄ nam ba-an-tar (ELA 119, 192) «Аратта — население ее Энки проклял» (составной глагол nam-... tar);
- 2) kug-me-a s[aḫar-ba] zag ú-ba-ni-in-ús (ELA 125) «После того как очищенное серебро от руды его он отделил» (букв. «в его пыли поставил рядом», составной глагол zag-... ús);

¹ Т опускает i-ni-.

² D опускает -an- и -la-; E опускает -an-; F: ba-ši-lb-....

³ G добавляет -ra.

⁴ H опускает -ni.

⁵ Следующий после gíš⁵tukul плохо сохранившийся знак скорее всего отмечал локативный или локативно-терминативный показатель.

⁶ S опускает la- и дает šu-.

- 3) é-geš-tug-^dNidaba-kug-ga-ni ig ba-na-an-kíd (ELA 322) «Свой храм „Мудрость святой Нидабы“ он открыл» (составной глагол ig-...kíd);
- 4) en-e gán-nin-maḥ-a-ni ig ba-an-kíd (ELA 324) «Верховный жрец свой величественный „ганнын“ открыл»;
- 5) šu-kin si bí-in-sá-a kin b[i-i]b-ag-e (ELA 441) «Поручение, которое он нес, выполняет» (составной глагол si-...sá);
- 6) en-Aratta^{ki-ke} kin-gi¹-a-ar inim-ma dub-maḥ-gim šu mu-na-an-sum¹ (ELA 455—456) «Верховный жрец Аратты гонцу слова подобно славной табличке вручил» (составной глагол šu-...sum);
- 7) du-a-ni pa⁴-ḥur-sag-gá šu ù-mu-ni-in-ti (ELA 492) «Когда он пойдет, горные камни пусть возьмет!» (составной глагол šu-...ti);
- 8) en-Aratta^{ki-ke} kin-gi¹-a² im-šu-RIN-na-ni šu ba-ši-in-ti (ELA 538—539) «Верховный жрец Аратты у гонца его обожженную глину взял»;
- 9) maḥ-bi ^dInanna nin-kur-kur-ra-ke⁴ é(?)-ni Aratta^{ki} šu II-bí-in-dag (ELA 558—559) «Инанна, госпожа всех стран, вовсе свой дом (?) Аратту не покинула» (составной глагол šu-...dag);
- 10) úr-bi-a muš-tu⁶ (?) -nu-zu-e sag-giš ba-an-ra pa-bi-a mušen IM-dugud^{mušen}-dè amar-bi šu ba-ši-in-ti (GH 93—94) «У его (дерева) корней змею, что не знает заклатья, он убил, в его ветвях у птицы Имдугуд птенца взял» (составные глаголы sag-giš-ra, šu-...ti).
- 11) ^dGilgameš-e máš-pár-pár-ra šu im-mi-in-tag (GLL 13) «Гильгамеш белого козленка прижал» (составной глагол šu-...tag).

По-видимому, к этой же группе примеров можно отнести следующие случаи. По всей вероятности, здесь употребляются составные глаголы, значение которых нам пока неизвестно:

še-gur⁷, KA i-ni-in-si KA bur⁵-mušen-e³ bí⁴-in-daḥ (ELA 330, 357) «Ссруженное зерно он собрал... добавил» (составные глаголы KA-...si и KA-bur⁵-mušen-daḥ); uru^{ki}-na-lú-aš-gim⁵ si-ka⁶ ba-ni-in⁷-ra lú-min-tab-ba-gim⁸ KA UR ba-ni-in-ra⁹ (GLL 48—49) «В своем городе одинокому человеку призыв (?) он бросил, женатому человеку послушание (?) он бросил» (составные глаголы si-ka-...ra и KA-UR-...ra¹⁰); en-Aratta^{ki-ke} im igl ù-ni-bar šag⁴-inim-ma ù-bí-zu (ELA 526) (вариант в обеих глагольных формах дает префикс -n- перед корнем). По варианту переводить следует: «После того как верховный жрец Аратты на глину посмотрел и смысл слов узнал...», однако более соответствующим контексту представляется перевод глагольных форм 2 л. ед. ч. На этом основании рассматриваемое предложение приводится также в разделе А § 2 на соотношение «ты — его (соц. — пасс.)».

¹ Q: -gar вместо -sum.

² T добавляет -ar.

³ J опускает детерминатив и дает -bí вместо -e.

⁴ J: i-ni- вместо bí-.

⁵ F: -ām вместо -gim.

⁶ F: -ra вместо -ka.

⁷ F: -ne- вместо -ni-in-.

⁸ F: -ke⁴ вместо -gim.

⁹ F: -lá вместо -ra.

¹⁰ KA-UR-...ra, может быть, аналогично KA-UR(a) si-ga «послушание», см. ŠL 15, 342, но следует подчеркнуть, что перевод отрывка очень сомнителен.

Как указывалось (стр. 43, прим. 1), нами здесь не исчерпаны все случаи на соотношение «он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)», засвидетельствованные в исследуемых эпических текстах. Остальные примеры см.: ELA: 28—29, 44, 124—125 (197—198)¹, 126—127 (199—200), 174, 180 (382, 519), 296—297, 303, 304, 311—312, 325—327, 347 (389, 412), 395—397, 400, 421, 426, 431, 502—503, 504, 577, 583, 588, 594, 604, 616, 622, 633. GA: 80 (98), 86, 93, 105; GH: 37—38 (79—80), 87, 90, 96. GLL: 68 (?), 77, 95, 110, 114 (?), 138.

б) глагольные формы построены по модели *i-b-R*²:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) *giš-eren-sig-ge húl-la-gim*³ IM *mu-na-ni-lb-gar*⁴ en ^d*Gilgameš-e húl-la-gim*⁵ IM *mu-na-ni-lb-gar*⁶ (GLL 46—47) «Срубивший кедр радостно (что-то) установил; верховный жрец Гильгамеш радостно (что-то) установил»⁷;
- 2) *Hu-wa-wa En-ki-du₁₀-ra gù mu-na-dé-e mà-ra En-ki-du₁₀ inim mu-na-ab-hul-hul*⁸ (GLL 162—163) «Хувава Энкиду говорит: относительно меня Энкиду слова сделал злыми»;
- 3) *inim-gal-dInanna-gal-zu-inim-ma-ke₁ me-a hu-mu-na-ab-tùm(?)* (ELA 72) «Великие слова мудрой Инанны пусть туда он ему отнесет»⁹.

б) в роли прямого объекта выступает именная часть составного глагола:

*nar-tur-gim ka šu mu-na-ab-gál*¹⁰ (ELA 168) «Точно младший певец он поклонился» (составной глагол *ka-šu-...gál*).

Если судить по варианту, в эту же группу можно включить и следующий пример: ^d*Utu ir-na níg-šag₁-a-gim šu ba-an-ši-lin-ti* (GLL 34) «Уту его слезы как жертву принял» (вариант дает *šu ba-ši-lb-ti*; составной глагол *šu-...ti*);

в) глагольные формы построены по модели *i-m-R*:

- 1) *kisal Arattaki-a-ka igi-ni-šē i-lm-dub(?)* (ELA 554) «Во дворе Аратт₁ перед ним он (бог Ишкур) сыпал (зерно)»;

¹ В скобках даются ссылки на одинаковые примеры.

² В некоторых случаях варианты приводят глагольные формы, построенные по модели *i-n-R*.

³ F: *húl-ám*.

⁴ F: *an-na-ni-lin-gál*.

⁵ F: *húl(!)-ám(!)*.

⁶ F: *an-ni-lin-gál*.

⁷ Смысл отрывка плохо понятен, очевидно, речь идет о магических действиях, совершаемых Гильгамешем.

⁸ F: *mu-un-na-an-hul-hul*.

⁹ С. Н. Крамер предлагает читать *hu-mu-na-ab-tùmu* < **hu-mu-na-b-tùmu-e*, однако **tùmu-e* в наших текстах, как правило, передается посредством *tùmu-mu*.

¹⁰ В строках 76 и 111 глагольная форма читается: *ka šu hu-mu-na-ab-gál*.

- 2) ur-igi-gál-la du-a-ni ¹ú²sag-šu-dar-a ugu-na i-im-šú túg-ug-úg-ga zag mu-ni-l³n-keš (ELA 578—580) «Когда хитрый герой шел, одеждой... чело свое он покрыл, одежду... он надел»;
- 3) inim-ab-ba-uru-na-ke₄ ša-še nu-um-bu (GA 17) «Слова старейшин своего города к сердцу он не принял»;
- 4) a-da-ma⁴n nu-um-zu ur [nu-um]-kú (ELA 256) [a-da-ma]n um-zu ur um[-kú] (ELA 258).

Субъект в данном примере неясен, условно переводим: «Кто единоборства не знает, (тот) не ест» и «Кто единоборство знает, (тот) ест»;

- 5) ...šim-kur-kur-ra kalam-e ù-um-rád (ELA 629) «...Благовоения гор для страны он избрал».

Глагольные формы в последних трех примерах считаем формами Praeteritum на том основании, что префикс наклонения ù-, который присутствует во всех этих формах, употреблялся только с Praeteritum (см. GSGL I § 76b, GSG § 654).

г) глагольные формы построены по модели *i-R*:

- 1) ní-te-a-ni imin-kam-ma mu-na-ti-la-ta (GLL 142) «После того как он сам седьмой (кедр) кончил»;
- 2) u₄-ba¹ ^dGilgameš TUR-zír(?)²-ra³ šag₄-ga-ni ar⁴huš ba-an-na-tuku³ (GLL 152) «Тогда Гильгамеш (кому-то) (в) своем сердце милость задумал»;
- 3) inim mu-na-⁴hul-hul (GLL 164) «Он сказал ему злые слова» (букв. «слова сделал злыми»);
- 4) šeg₇-a-an-na u₄-gál-la-gim Aratta^{ki} hé-gál-la i-dù⁴ (ELA 358—359) «Подобно дождю, бывающему в непогоду, в Аратте изобилие он (гонiec) создал»;
- 5) ^dInanna-nin-kur-kur-ra-ke₄ nam-gal-ki-ág ^dDumu-zi-da-ke₄ a-nam-ti-la-ka mu-un-ne-sù-sù (ELA 574—576) «Инанна, госпожа всех стран, возлюбленная Думузи воду жизни им излила»;
- 6) [á^{im}]gál-lu UR-ba mu-ni-sír pa-ba mu-ni-dar (GH 29) «[Порыв] южного ветра у корня его (дерево) выдрал, у вершины сломал» (ср. параллельную строку: á-gál-lu UR-ba mu-ni-l³n-sír pa-ba mu-ni-l³n-dar (GH 71);
- 7) SÚ-bi nu-mu-[un-da-d^{ar}]⁵ (GH 39, 81) «Ствол(?) его она не срезала»;
- 8) gaba-rí nu-mu⁶-da-gál (ELA 238) «Ответа у него не было»;
- 9) gidri um-ta-an-KÍD hu-mu-un⁷-gál (ELA 345, 387, 410) «Скипетр, пусть (даже) он его расколет, воистину был у него» (перевод этого предложения предположителен);
- 10) šeš-a-ni ur-sag ^dGilgameš inim-bi ba-dè-DU (GH 88) «Ее брат, герой Гильгамеш, эти слова принял» (букв. «унес»);
- 11) Aratta^{ki} zi-da-gùb-bu-ba ^dInanna nin-kur-kur-ra-ke₄ a-ma⁴h-è-a-gim mu-

¹ F: -bi.

² F: ^dTUR-tur-ra.

³ F, кажется, дает: ...-an-tu.

⁴ Вариант дает i-ni-dù.

⁵ В 39-й строке вариант дает: nu-da-dar. В строке 81: la-ba-dar-dar.

⁶ J вставляет -un-.

⁷ J вставляет -da-, в строках 387 и 410 глагол также читается hu-mu-un-da-gál.

- un-na-nigin (ELA 564—566) «Аратту справа и слева Инанна, госпожа всех стран, словно половодьем окружила»;
 12) tūg-ušū-gín-ni-a šu tu-ni-il-la (GLL 86) «Одежду в тридцать сиклей он поднял»;
 13) gidri igi um-ši¹-bar-bar (ELA 400) «...когда он скипетр увидит»;
 14) ni-ge-en Aratta^{ki} ur-du¹⁴-mú šu-ta um²-ta-ri (ELA 291) «После того как богатство Аратты...из рук она унесет»;
 15) uzu-du dīm-та nu-tuku (GLL 157) «Толстый разума не имеет»;
 16) pam-tar šu nu-tukū gir(?) nu-tuku (DG A 75) «Намтар рук не имеет, ног(?) не имеет»;
 17) tūgib-ba-gu ninpu-ma-na-ām ib-ba-na³ ba-kar⁴ (GH 89) «Одежду...в пять-десять мин с талии своей он снял».

§ 6. «Он (соц.-акт.) — их»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R-eš*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) en-Unu^{ki}-ga en-Kul-aba^{ki}-ke, ħar-ra-an-Aratta^{ki}-ke, si bí-in-sá nam-lú-lu₆ kišl₆-ki-in-dar-ra-gim Aratta^{ki}-aš ní-ba mu-un-su₆-ub-eš (ELA 334—337) «Верховный жрец Урука, верховный жрец Кулаба по пути в Аратту (зерно) направил, людей как муравьев земных расщелин в страхе их в Аратту он заставил идти»;
 2) uru-na...udu-gim ħu-mu-un-su₆-be-e[š]⁵ (ELA 480) «В город свой...точно овец пусть он их заставит идти!»;
 3) šár-ra la-ba-an-šub-bu-uš šár-ra la-ba-an-zi-ge-eš šár-ra saĥar-ra la-ba-an-da-šár-re-eš (GA 76—77) «Толпу он не поверг, толпу не поднял, толпу с пылью не смешал».

Приведенные примеры не бесспорны. Поскольку почти во всех случаях речь идет о глаголах движения, которые, имея непереходное значение, могут спрягаться по переходному типу (см. стр.82—84), возможен перевод: в первых двух примерах — «(люди) пошли», в третьем — «толпа не бросилась, толпа не поднялась». В пользу первого варианта перевода говорит лишь то обстоятельство, что глагол *su₆* (*súg*) в исследуемых текстах при непереходном значении, как правило, имеет и непереходную форму. Кроме того, в третьем примере единственное число субъекта подтверждается контекстом.

β) прямой объект отсутствует, и его нельзя вывести из контекста (ср. стр. 44 β):

- 1) nitah-sag-aš-mā-gim-ag ninpu-ām á-mu-šè [h]ju-mu-un-ag-eš (GLL 51) «Пятьдесят героев, одиноких как и я, на мою сторону пусть встанут!» (букв. «к стороне моей пусть сделают!»);

¹ J дает -mi- вместо -ši-.

² J дает im-.

³ G: ib-ba-ni.

⁴ D: ba-[an]-du; G: ba-an-dù.

⁵ Знак в конце строки плохо сохранился.

- 2) *niṭah-sag-aš-e-ne-gim-ag ninnu-àm á-ni-šè ba-an-ag-eš* (GLL 53) «Пять-десять героев, одиноких как и он, на сторону его встали».

б) глагольные формы построены по модели *i-n-R*:

- 1) *bád-imín-e še-er-ka-an-dug₄-ga* (ELA 288) «(Инанна), которая украсила семь стен»;
 2) *bur-tur-tur sila₄ ú-šim-díḅ-gim zag-bi-a im-ma-an-ús* (ELA 314) «Маленькие каменные сосуды, точно ягнят, щиплющих траву и зелень, возле них он поставил»;
 3) *na₄gug giš-aš na₄za-gín giš-aš-gim šu-ni-a ħu-mu-un-gál¹* (ELA 346, 388, 411) «Сердолик как некое дерево, лазурит как некое дерево в руки свои пусть он возьмет!».

в) глагольные формы построены по модели *i-R* и *i-R-R*:²

- 1) *kur-kur dū-a-bi la-ba-an-da³-šú-a* (GA 78) «Все страны он не сокрушил» (ср. *kur-kur dū-a-bi ba-an-da-šú* (GA 96) «Все страны он сокрушил»);
 2) *ur₄du₄da-sur urudu₄(un-silig á-nam-ur-sag-ni im-ma-ni-dé-dé⁴* (GLL 55) «То-пор... и топор... „Его геройская сила“ он схватил»;
 3) *hur-sag-ia hur-sag-aš hur-sag-imín im-me-re-bal-bal* (ELA 171, 510) «Пять гор, шесть гор, семь гор он (гонимый) перевалил»;
 4) *lugal-a-ni en-Kul-aba^{ki}-a-ra inim-inim-ma mu-na-ra-si-si* (ELA 419—420) «Своему господину, верховному жрецу Кулаба (гонимый) слова сказал».

§ 7. «Он (соц.-пасс.) — его (соц.-акт.)»

Глагольная форма построена по модели *i-b-R*:

e-ne du-a-ni-ta ní-gal-mu ħé-ib-šú (GA 46) «Его, когда он придет, мой блеск пусть покроет!».

§ 8. «Он (соц.-пасс.) — его (соц.-пасс.)»

а) глагольная форма построена по модели *i-b-R*:

а) Простой глагол требует прямого объекта:

- 1) *[idVu]raṇuna a im-ma-ni-ib-ra* (GH 30, 72) «Евфрат воду бросил»;
 2) *úr-bi-a muš-tu(?)-lu-zu-e gūd im-ma-ni-ib-ús ra-[bi]-a mušen [IM-dugu]d mušen-dè amar im-ma-ni-ib-gar šà-bi-a ki-sikil-lil-lá-ke₄ é im-ma-ni-ib-dù* (GH 40—42, 82—84) «В его (дерева) корнях змея, что не знает заклатья, гнездо устроила, в его ветвях птица Имдугуд птенца вывела, в его стволе девушка Лилит дом построила».

б) в роли прямого объекта выступает именная часть составных глаголов:

¹ J опускает -un-.

² Варианты в некоторых случаях дают глагольные формы, построенные по модели *i-n-R*.

³ E, очевидно, дает -da-an- вместо -an-da-.

⁴ H дает -an- вместо -ni-; J вставляет -in- после -ni-.

- 1) a-kalag-ga a-šag, ^dDumu-zi-da-ka udu-kur-ra-gim dūg ha-ra-ni-lb-gar (ELA 100—101) «Мощное семя(?), семя(?) чрева Думузи¹ подобно горному барану пусть тебе покорится!» (составной глагол dūg-...gar);
- 2) du-a-ni kur-kū ^{na}za-gin-na gi-nig-dub-ba-gim gū hu-mu-na-ab-gar (ELA 482—483) «Когда он пойдет, гора серебра и лазурита пусть склонится перед ним, точно тростинка письменного прибора!» (составной глагол gū...gar).

б) глагольная форма построена по модели *i-m-R*:

- 1) gud-dē gud-da gál-bi [nu-um-z]u (ELA 257) «Бык существование (другого) быка не знает»;
- 2) [gud-d]ē gud-da gál-bi um-z[u] (ELA 259) «Бык существование (другого) быка пусть узнает!».

в) глагольные формы построены по модели *i-R*:

- 1) Aratta^{ki}... kug-^dInanna-ra... mu-un-na-dū (ELA 31—32) «Аратта для святой Инанны... построила»;
- 2) Aratta^{ki} Unu^{ki}-šē gú-gá-gá nu-gál (ELA 227) «Аратта Уруку не покорится» (букв. «Аратта для Урука покорности не имеет»).

§ 9. «Он (соц.-пасс.) — их»

Глагольная форма построена по модели *i-R-R*:

ab-ba-du₁₃-du₁₃-lá-Kul-aba^{ki}-ke₄² me-lám bí-lb-šú-šú (GA 85) «Стариков и молодцев Кулаба блеск покрыл».

§ 10. «Они — его (соц.-акт.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R-eš*:

- 1) Bir-hur-tur-re³ ká-gal⁴-la è-da-ni ká-ká-gal-ka mu-ni-in-dib-be-eš⁵ (GA 60—61) «Как только Бирхуртур через городские ворота вышел, у выхода из городских ворот они схватили его»;
- 2) nam(l)-ni im-ma-an-tar-ru-ne⁶ SU-gada-lá TUŠ(?) im-ma-ni-in-gar-re-eš⁷ igi-^dEn-líl ù ^dNin-líl-e [im-ma-ni]-in-tu-re-eš⁸ (GLL 166—168) «Судьбу его (Хуавы) они определяют, на... они его положили, к Энлилю и Нинлиль ввели его».

б) глагольная форма построена по модели *i-b-R*:

¹ Букв. «сильная вода, вода чрева Думузи». По-видимому, речь идет о жителях Аратты, покровителем которых был Думузи.

² -ke₄ < *ak-a(k) (два показателя родительного падежа).

³ С и J дают -га вместо -ге.

⁴ С вставляет -la-.

⁵ С дает mu-un- вместо mu-ni-in-.

⁶ F: im-ma-an-tar.

⁷ F: mu-un-da-gar.

⁸ F: im-ma-añ-tum-me-eš.

ḏEreš-ki-gal-la kur-ra sag-rig₇-ga-šè i[m]-ma-ab-rig₇-a-ba (GH 12, 54)
«После того как Эрешкигаль в подземный мир они подарили».

в) глагольная форма построена по модели *i-R*:

lú-lu₆ gaba-šu-gar nu-tuku (ELA 140) «Люди соперника не имели».

§ 11. «Они — его (соц.-пасс.)»

а) глагольная форма построена по модели *i-n-R-eš*:

- 1) dingir-gal-gal-e-ne me-dím-bi ba-an-ag-eš-àm (GA 32) «Великие боги части его (храма Эанна) сделали»;
- 2) Ag-ga-dumu-En-me-barag-gi₄-e-si Unu^{ki} zag-ga ba-an-díb-be-eš (GA 49) «(Воины) Аги, сына Энмебарареси, Урук окружили»¹;
- 3) šul(!)-kalag igi-du₈ u₄-sar-gim zag-du₈ ħu-mu-ta-an-ag-eš (DG A 29) «Сильный герой и прорицатель, подобный полумесяцу, пороги воистину сделали»;
- 4) nam-lú-lu₆ níg-a-na-sa₄-a-ba alan-bi ud-ul-lí-a-šè a-ba-da-an-dím-e (? !)² (DG A 27—28) «Все люди, сколько было их названо, статую эту для будущих дней сделали».

б) глагольная форма построена по модели *i-m-R*:

...[hè]-im-dub-dub (ELA 602) «...Воистину (его?); ссыпали» (анализ данного примера затрудняется фрагментарностью текста и неясным контекстом).

ИССЛЕДОВАНИЕ И ВЫВОДЫ

На основе рассмотренных примеров можно составить следующую парадигму глагольных форм в Praeteritum (цифры в скобках обозначают количество примеров, см. стр. 54).

С помощью полученной парадигмы попытаемся определить показатели субъекта и прямого объекта в глагольных формах Praeteritum. Начнем с таблицы, куда включены все случаи употребления субъекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса (приводятся только те модели, которые содержат показатели субъекта и прямого объекта, см. стр. 55)³:

¹ Хотя подлежащее в предложении стоит в единственном числе, контекст требует перевода множественным числом.

² Последний знак в глагольной форме плохо сохранился; a-ba-da-an-dím-e анализируем как ù-ba-da-n-dím-eš, так как префикс наклонения ù- перед ba-, как правило, дает a- (см. A. Falkenstein, *Das Sumerische*, S. 50), а префикс ù- употребляется всегда только с Praeteritum.

³ Относительно приведенных в парадигме и исключенных из рассмотрения в этой и следующих таблицах моделей 1-R, i-m-R и др. см. ниже, стр. 57.

СПРЯЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА (PRAETERITUM)

	меня	тебя	его (соц.-акт.)	его (соц.-пасс.)	нас	вас	их
я							
ты	i-e(!)-R-en(!) (1)			i-e-R (10)			
он (соц.-акт.)	i-n-R-en (10)		i-n-R (7) i-R (1)	i-n-R (≈ 120) i-b-R (8) i-m-R (8) i-R (23)			i-n-R-eš (5) i-n-R (5) i-R-R (4) i-R (2)
он (соц.-пасс.)			i-b-R (1)	i-b-R (9) i-m-R (2) i-R (2)			i-R-R (1)
мы							
вы							
они			i-n-R-eš (3) i-b-R (1) i-R (1)	i-n-R-eš (4) i-m-R (1)			

субъект	прямой объект	модель
он (соц.-акт.)	меня	i-n-R-en
он (соц.-акт.)	его (соц.-акт.)	i-n-R
он (соц.-акт.)	его (соц.-пасс.)	i-n-R
.	.	i-b-R
он (соц.-акт.)	их	i-n-R-eš

Поскольку для всех моделей взят один и тот же субъект, его показателем в глагольных формах должен служить грамматический формант, также встречающийся во всех моделях. Таким показателем является префикс -n-, и, следовательно, суффиксы -en и -eš в данном случае отмечают в глаголе прямой объект; суффикс -en — прямой объект 1 л. ед. ч., суффикс -eš — прямой объект 3 л. мн. ч. Прямой объект 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса показателя в глаголе не имеет (или имеет нулевой показатель). Теперь о показателе прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса. В соответствии с приведенной выше таблицей глагольные формы с прямым объектом 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса строились по двум моделям — *i-n-R* и *i-b-R*. Но если префиксом -n- отражался в глаголе субъект, то что отмечает префикс -b-? Здесь возможны два предположения: либо 1) субъект 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса мог отражаться в глаголе в виде как префикса -n-, так и префикса -b- (а в других случаях параллельные формы с -b- просто не засвидетельствованы), либо 2) префикс -b- отмечал в глаголе прямой объект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса.

Для проверки обоих предположений составим вначале таблицу, включающую прочие случаи употребления глаг. форм Praet. с прямым объектом 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса:

субъект	прямой объект	модель
ты	его (соц.-пасс.)	i-e-R
он (соц.-пасс.)	его (соц.-пасс.)	i-b-R
они	его (соц.-пасс.)	i-n-R-eš

Грамматического форманта, повторяющегося во всех моделях, нет, и, стало быть, прямой объект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса в глаголе также не отражен (или имеет нулевой показатель). Но в таком случае содержащийся в глагольной форме модели *i-b-R* префикс -b- должен отмечать субъект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса (префикс -е- — субъект 2 л. ед. ч., а префикс -п- — с суффиксом -еѣ — субъект 3 л. мн. ч.).

Теперь предложим таблицу, в которой отражены все случаи на соотношение «он (соц.-пасс. класса) — его (обоих классов)»:

субъект	прямой объект	модель
он (соц.-пасс.)	его (соц.-акт.)	<i>i-b-R</i>
он (соц.-пасс.)	его (соц.-пасс.)	<i>i-b-R</i>

Из приведенных в этой таблице сопоставлений следует, что: 1) прямые объекты 3 л. ед. ч. соц.-акт. и соц.-пасс. классов вообще не находили отражения в глаголе, и, таким образом, наше второе предположение отпадает; 2) субъект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса определенно отражался в глаголе в виде префикса -b-, и если исходить только из анализа моделей, префикс -b- мог явиться обозначением в глаголе и субъекта 3 л. ед. ч. *соц.-акт. класса* (параллельно форманту -п-). Однако делать такой вывод лишь на основе подобного анализа опасно, так как случаев употребления -b- в качестве показателя субъекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса в исследуемых текстах обнаружено чрезвычайно мало (на 120 случаев с префиксом -п- приходится 8 с префиксом -b-) и только при соотношении «он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)». Поэтому более правильным будет сказать, что материалы текстов героического эпоса не позволяют решить вопрос о роли префикса -b- в глагольных формах, построенных по модели *i-b-R* [соотношение «он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)»]. Только тщательное изучение предшествующих периодов развития шумерского языка, для которых было характерно существование таких глагольных форм с префиксом -п- и с префиксом -b- (имеются в виду материалы, приведенные в грамматиках А. Фалькенштейна и Э. Сольберже), сможет, очевидно, дать на него исчерпывающий ответ. По этой же причине глагольные формы с префиксом -b-, обнаруженные в исследуемых текстах, рассматриваются нами как архаические.

Далее. Судя по приведенным выше примерам, в исследуемых текстах существовало небольшое количество случаев, где, как и на более старых ступенях шумерского языка, в глаголе не отмечались субъектные показатели. Речь идет о префиксах -п- и -b-, показателях субъекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. и соц.-пасс. классов. Если в старо- и новошумерский периоды это явление, возможно, объяснялось фонетическими причинами, то в наших текстах его, очевидно, следует принять за случаи исторического написания¹.

Составленная нами парадигма позволяет также прийти к следующим дополнительным выводам:

а) В роли субъекта 3 л. мн. ч. мог выступать префикс -b-, т. е. показатель субъекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса. Этот факт, очевидно, следует объяснить своеобразным понятием множества в шумерском языке. Дело в том, что здесь нет прямого противопоставления множественного числа единственному; существует не множество вообще, а ряд конкретных множеств, например множество коллективное, множество распределительное, множество сортовое и т. д. Одно из этих множеств, а именно множество коллективное, выражалось формой единственного числа и согласовывалось с местоимением соц.-пасс. класса. В нашем случае (модель *i-b-R*) как раз выступает множество коллективное, и оно отмечается в глаголе показателем ед. ч. Относительно других случаев отражения в глаголе субъекта 3 л. мн. ч. (коллектив) показателем субъекта 3 л. ед. ч. см. стр. 75.

б) Прямой объект 3 л. мн. ч. в некоторых случаях не отмечался в глаголе (засвидетельствованы глагольные формы, построенные по моделям *i-n-R-eš* и *i-n-R*). Здесь, очевидно, наблюдается то же явление, что и с субъектом 3 л. мн. ч., отражающимся в глаголе с помощью показателя субъекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса, т. е. прямой объект 3 л. мн. ч. воспринимается как коллективное мн. ч. и отмечается в глаголе показателем прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса (нулевым показателем).

Глагольные формы с прямым объектом 3 л. мн. ч., как видно из парадигмы, могли строиться по модели *i-R-R*. Так

¹ В старо- и новошумерский периоды префиксы -п- и -b-, как правило, не стоят в глаголе после пространственных префиксов -na-, -nī-, -nda-, -nšī-, -mšī-, -mda- и т. д. В исследуемых текстах эти префиксы точно в таком положении присутствуют в глаголе. В наших текстах существует только очень незначительное число примеров (23 из 140), где префиксы -п- и -b- отсутствуют в глаголе после указанных префиксов.

В некоторых случаях, как видно из парадигмы, префикс -b- переходил в -m-. Случаи такого перехода известны из предшествующих периодов (см. GSGL I, § 11 Ib).

как редупликация корня выражала, по-видимому, в первую очередь множество, повторность, интенсивность самого действия, то, очевидно, она могла в некоторых случаях передавать множество прямых объектов, участвующих в действии.

Итак, исследование текстов шумерского героического эпоса позволяет установить следующие показатели субъекта и прямого объекта в глаголе:

Показатели субъекта

ед. ч.			мн. ч.	
1 л.		не засвид.	1 л.	не засвид.
2 л.		-e-	2 л.	не засвид.
3 л.	соц.-акт.	-n-	3 л.	-n...-eš
3 л.	соц.-пасс.	-b-		-b-

Приведенные показатели совпадают с субъектными показателями, обнаруженными для этих же лиц А. Пибелем¹ и А. Фалькенштейном². Если же предположить, что они совпадали и в других лицах, вся система субъектных показателей восстанавливается следующим образом (восстановленные показатели даются в квадратных скобках):

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-ʔ- ³	1 л.	[-me-]
2 л.	-e-	2 л.	[-e...-a(e)ne] ⁴
3 л.	соц.-акт. -n-	3 л.	-n...-eš
3 л.	соц.-пасс. -b-		-b-

Показатели прямого объекта

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	не засвид.
2 л.	не засвид.	2 л.	не засвид.
3 л.	соц.-акт. -ø	3 л.	-eš
3 л.	соц.-пасс. -ø		-ø-

Полученные показатели прямого объекта в *Praeteritum* тождественны показателям субъекта непереходного глагола, которые, по всей вероятности, в *Praeteritum* вообще выступали в роли показателей прямого объекта. Тогда вся система показателей прямого объекта в *Praeteritum* примет следующий

¹ GSG § 447.

² GSGL I, § 50.

³ По А. Пибелю, -ʔ- (GSG § 447).

⁴ По А. Пибелю, -ene-.

вид (восстановленные показатели даются в квадратных скобках)

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	[-enden]
2 л.	[-en]	2 л.	[-enzen]
3 л. соц.-акт.	-ø	3 л.	-eš
3 л. соц.-пасс.	-ø		-ø

и будет в точности соответствовать показателям прямого объекта, приведенным у А. Пибеля (см. GSG, § 517).

Б. PRAESENS-FUTURUM

§ 1. «Я — его (соц.-акт.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R-en*:

- 1) ki-lam-gál-la-gim na-an-si-ig-en¹ (ELA 177, 190) «Точно имеющего цену (т. е. раба) я поражу его»;
- 2) [ki-lam-gál-la-gi]m na-an-si-ig-en... líl-e nam-mi-ni-in-dib-bé-en (ELA 488—491) «Точно имеющего цену я поражу его... на ветер(?) брошу его».

б) глагольная форма построена по модели *i-b-R-en*:

en-na lú-bi lú-lu₆-hé-a im-ma-ab-za-a-an² dingir-hé-a im-ma-ab-za-a-an² (GLL 93) «Когда же человека этого, будь он (смертный) человек, я схвачу, будь он бог, я схвачу!» (перевод предложения предположительно).

в) глагольная форма построена по модели *i-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

...[ama]-ù-tud-en nu-zu a-a-dim₄-ma-mi nu-zu (GLL 148) «...Матери, родившей меня, я не знаю; отца, зачавшего меня, я не знаю».

§ 2. «Я — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-b-R-en*:

а) Простой глагол требует прямого объекта:

- 1) uru-bi³ kas-sag^{mušen}-gim giš-bi-ta na-an-na-ra-ab-dal-en⁴ mušen-gim gùd-ús-sa-bi-a nam-bí-ib-dal-le(?)⁵-en⁵ (ELA 115—116, 188—189) «Его

¹ Н (и, возможно, D и G): nam-si-si-ge.

² L: a-ba-a-aš вместо im-ma-ab-za-a-an.

³ G: -ni вместо -bi, так же в строке 188.

⁴ H: nam-?-dal-le-en; в строке 188: [n]a-ra-a[b-dal-en].

⁵ H, возможно, дает: n[am-bí-ib]-?-en; в строке 189: na-an-bí-l[b-djal]-[le(?)]-en.

- город, как диких голубей с их дерева, я сгоню его, точно птиц в их гнездах я схвачу его»;
- 2) *uru-gul-gul-lu-gim sahar nam-bí-ib-ḡa-za-en*¹ (ELA 118, 191). «Как (в) разрушенном городе прах я воистину собираю!»;
- 3) *ki bí-in-gul-la-gim ki(?) nam-ga-bí-ib-gul-e*² (ELA 120, 193). «Точно место, которое он (Энки?) разрушил, место(?) воистину я разрушу!»;
- 4) *saḡar b[i-in-su-a-gim sa]ḡar nam-ga-bí-ib-su-su-up*³ (ELA 123, 196) «Подобно пыли, которую она (Инанна?) собрала, пыль воистину я тоже собираю!»;
- 5) *kin-ḡi-a inim mu-ra-bé-en*⁴... *dé-a ṣa-ra-ab-galam-e-en* (ELA 263—264) «Гонец, слово я тебе сказал... сделай его хитроумным!»;
- 6) *uru-ni kas-sag^{musen}-gim ḡiṣ-bi-ta na-an-TAR-ta-ta-an*⁵ (ELA 488) «Его город как диких голубей с дерева я сгоню (?)!».

β) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта (?):

má-e lú-ba⁶ḡiḡi ba-ni-du-a⁷ ṣag₁ mu-ni-ib-dib-bé⁸ (GLL 98) «Я, который посмотрел на этого человека, боюсь (составной глагол *ṣag₁...dib(?)*, *mu-ni-ib-dib-bé* < **mu-ni-b-dib-e(n)*; перевод предложения спорен).

б) глагольная форма построена по модели *i-R-en*:

В роли прямого объекта выступает именная часть составного глагола:

uru-gim nam-tur-má ḡu ṣi-im-ma-gá-gá-an (ELA 294) «Как мой город в ничтожестве моем я склоняюсь!».

§ 3. «Ты — тебя(?)?)»

Глагольные формы построены по модели *i-e-R-e(n)*:

hur nam-ba-e-idim-e ṣag₁ nam-ba-e-sig-ge (DG A 37)⁹. Букв. «печень ты себя пусть не отяжелишь, сердце пусть ты себя не разобьешь!»

(приведенный пример — единственный, засвидетельствованный в наших текстах, и притом сомнительный).

¹ Н: *nam-ḡa-za-e*; в строке 191: *na-an-bí-[ib-ḡa-za]-en*.

² Также Н, А дает *-en* вместо *-e*; в строке 193: *nam-ga-bí-ib-gul-en*.

³ В строке 123: *nam-ga-bí-ib-su-su*.

⁴ Е опускает *-en*. Глагольный корень «е» («говорить») с префиксом *-b* обычно на письме передается одним знаком (*bé*).

⁵ Вызывает сомнение глагольная форма, которую, по-видимому, следует рассматривать как *na-nta-ra-da!-da!-an*, ср. строки 115 и 188; *-da!-da!-*, возможно, редупликация основы *da!*.

⁶ F: *-bi*.

⁷ F: *mu-dé-e*.

⁸ F опускает *-ib-*.

⁹ *nam-ba-e-idim-e* < **nam-ba-e-idim-en*, *nam-ba-e-sig-ge* < **nam-ba-e-sig-en*. Примеры того, что части тела воспринимаются как сам человек и отмечаются в глаголе с помощью префиксов того же лица, что и субъект, известны и в других языках. Однако *ba-e-...* в данном случае может быть просто написанием префикса *ba-*.

§ 4. «Ты — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-b-R-en*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) a-na ma-ab-bé-en-na-bi [ù-mu-e-dug₁] (ELA 209, 527) «То, что ты мне скажешь — скажи!» (ma-ab-bé-en-na-bi < *mu-a-b-e-en-a-bi);
- 2) inlm-gal-dInanna-gal-zu-inlm-ma-ke, me-a ÷u-mu-na-ab-tùm(?)-en(!) (ELA 107) «Великие слова мудрой Инанны туда пусть ты ему понесешь!».

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

lugal-mu za-e lú-ba¹ lgi nu-mu-ni-du₈-a² šag₁ nu-mu-ni-ib-dib-bé³ (GLL 97) «Мой господин, ты, который на этого человека не смотрел, не боишься» (составной глагол šag₁-...-dib).б) глагольная форма построена по модели *i-R-en*:

Именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта (?):

nam... níg-?-nam-ti-la-ke₄⁴ šag₁-hul nam-ba-ba-e⁵
 (DG A 36). Перевод предложения вызывает затруднения;
 букв. «...из-за (такого предсказания о) жизни ты не
 сердись» (составной глагол šag₁-hul-...ba «сердце для
 зла открывать», ср. šag₁-hul-...gl₁ (GLL 24) «сердце
 к злу обращать»); nam-ba-ba-e, судя по контексту,
 < *nam-ba-ba-en.

§ 5. «Он (соц.-акт.) — его (соц.-акт.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-n-R-e*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

Ag-ga lú-kar-ra úr-ra bí-in-túm-mu (GA 106) «Ага беглого человека к лону приносит».

б) составной глагол вместе с именной частью имеет в целом переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

- 1) šu mu-un-tag-ge (GLL 73) «Он трогает его» (составной глагол šu-...tag);
- 2) šag₁-bi-a ki-sikil-lil-lá-ke, é im-ma-ni-lu-zal⁶ a-ri-a-ri-eš šu ba-an-kar-kar-re⁷ (GH 96—97) «В его (дерева) стволе у девушки Лилит дом он разорил и в пустыню ее похищает» (составной глагол šu-...kar).

¹ F: -bi.² L вставляет -in- перед -du₈; в F глагол читается mu-dé.³ F опускает nu- и дает -in- вместо -ib-; -e < *-en.⁴ SEM 28: -ka вместо -ke₁.⁵ SEM 28, кажется, опускает nam-.⁶ F: im-ma-ni-ib-za₁-le-ne.⁷ G и D: šu(!) ba-an-kar-kar-re-eš.

б) глагольная форма построена по модели *i-n-R-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

ege¹-na mu¹-un-ku₅ pam-mu-un-gá-gá (ELA 281) «Среди людей сборщика податей(!) пусть он поставит!».

Перевод предположителен: mu-un-ku₅, возможно, представляет собой эмесальную (женскую) форму слова enku(d) «сборщик полевых налогов», см. А. Falkenstein, *Sumerische Götterlieder*, I. Heidelberg, 1959, S. 92 (сокр. SG). Написание un-ku, предлагаемое вариантом, можно рассматривать как фонетическое написание для enku(d) (обычно пишется составной идеограммой (ZAG.𒂗)).

§ 6. «Он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-b-R-e*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) in¹m mu-na-ab-daḥ-e (ELA 158, 339) «Слово он прибавляет»;
- 2) kin-gi₄-a en-Aratta^{ki}-ra mu-na-ab-bal-e (ELA 177, 515) «Гонец верховному жрецу Аратты (слово) говорит»;
- 3) ur ḥu-mu-ra-ab-sum-mu (ELA 460) «Собаку пусть он тебе даст!»;
- 4) gi¹ssu-bi kal[am-ma] [ḥa-ma]-ni-ib-lá-lá-e (ELA 495) «Тень его над страной пусть он распространит!»;
- 5) kug-d¹anna-ra gi¹ṣgu-za-ni-šè mu-na-ab-sum-mu gi¹ṣná-ni-šè mu-na-ab-sum-mu e-ne úr-bi gi¹ṣellag-a-ni-šè ba-ab-dim-e pa-bi gi¹ṣ[E. A.]G-ma-ni-šè ba-ab-dim-e (GH 100—103) «Святой Инанне для ее трона он его (дерево) отдает, для ложа ее отдает. Он сам корень его в барабан (?) превращает, ветви его в палочки (?) превращает»;
- 6) má-úr-má-úr-ḥur-sag-gá-ka mu-ni-ib-túm-túm-mu² (GLL 145) «...он приносит»;
- 7) búr-ra-bi in¹m-ṣag₄-ga-na bi-ib-be³ (ELA 175, 378, 514) «Содержание своего поручения излагает» (bi-ib-bé < *bi-b-e-e);
- 8) lugal-mu-na-ab-[bé]-a (ELA 187) «Мой господин — вот то, что он сказал»;
- 9) ḥur-gim ḥu-mu-na-ab-bé-a-ka (ELA 219, 228, 295, 348, 390, 413, 463, 537; GLL 165) «После того как он ему так говорит» (ḥu-mu-na-ab-bé-a-ka < *ḥé-mu-na-b-e-e-a-ak-a);
- 10) za-mí mu-na-ab-bé (GA 56) «Хвалу он ему говорит»;
- 11) gub-ba nu-ub-sig₁₀-ge tuš-a nu-ub-sig₁₀-ge a-nir im-gá-gá ú-kú mu-[ub-sig₁₀]-ge a-nag nu-ub-sig₁₀-ge a-nir im-gá-gá (DG A 70—71) «Стоящий не молчит, сидящий не молчит, плач заводит, тот, кто ест овощи, не молчит, тот, кто пьет воду, не молчит, плач заводит».

Пример представляет большой интерес, так как глагольная форма в нем, имеющая непереходное значение (прямой объект отсутствует, и его нельзя выявить из контекста), построена по той же модели, что и глагольные формы в приведенных выше примерах с несомнен-

¹ L опускает mu-.

² В варианте строка читается: má-úr(!)-má-úr(!)-ḥur-sag-gá(!)-ke, e-ne bi-in-tu-mu.

³ J, очевидно, дает im-[mel].

но переходным значением. Может быть, *nu-ub-sig₁₀-ge* букв. «молчание он не производит»?

Если судить по глагольной форме, очевидно, в этот же раздел нужно отнести и следующее предложение: *en-tukun-še lul-da LI-a hē-ni-ib-dib-e* (ELA 479). Смысл этого предложения неясен, ср. *Aratta^{ki}-a lul-e me-a hē-en-dē-dib-e* (ELA 451).

β) именная часть составного глагола играет роль прямого объекта:

...KA-GABA-kur-ra-ka igi mu-ni-ib-il-il-i (ELA 466) «К... горы глазá он поднимает» (составной глагол *igi-... il*).

γ) составной глагол вместе со своей именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

- 1) *šu-kin... kin b[i-i]b-ag-e* (ELA 441) «Поручение он выполняет» (составной глагол *kin-...ag*);
- 2) *a-SAL-bar-bi IM...-ra šu [ha-ma-ni]-ib-tag-tag-ge* (ELA 494) «(Что-то)... пусть он мне украсит!» (составной глагол *šu-...tag*).

б) глагольные формы построены по модели *i-b-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) ...-a-ni En-me-er-kár barag-gi₄ mu-un-da-ab-si (ELA 595) «Свой... Энмеркар в корзины насыпает»;
- 2) *Ag-ga mušen-kar-ra še bí-ib-si-si* (GA 104) «Ага улетающую птицу зерном насыщает»;
- 3) *ka-ni im-a bí-ib-zí-zí-zí¹* (ELA 416) «Лицо свое к туче он поднимает» (*bí-ib-zí-zí-zí*, очевидно, описка вместо *bí-ib-zí-zí-gi* < **bí-b-zí(g)-zíg-e*);
- 4) *gldri-mul-mul-la-bi èš-É-an-na-ke₂ kug-^dInanna-ke₂ ní im-ši-ib-te-en-te* (ELA 343—344, 385—386) «Этот сверкающий скипетр святая Инанна в святилище Эанна почитает» (*im-ši-ib-te-en-te*, возможно, ошибочно вместо **im-ši-ib-te-en-te-en-e*).

β) именная часть составного глагола играет роль прямого объекта:

arad-da-ni En-ki-du₁₀-e inim mu-un-ni-ib-gi₄-gi₄ (GLL 8) «Слуга его Энкиду ему отвечает». (составной глагол *inim-...gi₄*; ту же форму имеет этот глагол в ELA 229; GA 10, 24; GLL 19, 74, 96, 156).

в) глагольные формы построены по модели *i-m-R-e*:

- 1) *en-Aratta^{ki}-ke₂ im-šu-RIN-na-ni igi im-bar-bar-re* (ELA 542) «Верховный жрец Аратты его обожженную глину рассматривает»;

¹ J вставляет -i- перед последним -zi.

² J: -ка.

- 2) NI-ge-en-Arattaki... im-me¹ (ELA 308) «О богатстве Аратты... говорит»;
- 3) inim ka-še nu-gar-ra im-me (ELA 393) «Слово, для уст неподобающее (букв. „для уст не лежащее“) он говорит»;
- 4) še-bi kur-kur-ra nam-il-e (ELA 280) «Это зерно в горы пусть он поднимет».

г) глагольные формы построены по модели *i-m-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

- 1) Arattaki šag₄-gar-ra-ni am-lá-[lá] (ELA 361) «Голод Аратты он насыщает»;
- 2) a-nir im-gá-gá (DG A 71) «Плач он заводит».

д) глагольные формы построены по модели *i-n-R-e*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) še barag-ga nam-mu-un-si-si-ig-ge (ELA 279) «Зерно в корзины пусть он насыплет!».

Очевидно, сюда же можно отнести следующий пример, перевод которого, правда, спорен: ^dEn-[il-lugal-kur]-kur-ra-ke₄ ŋi-mu-un-kár-re ní-ba (ELA 617) «Энлил, господин всех стран, (воду) пусть ему даст (?) по своей воле».

- 2) ur na-an-gig-ge ur na-an-babbar-re ur na-an-si-e ur na-an-SÍG(?)e... (ELA 458—460) «Собаку(?) пусть он сделает не черной, собаку(?) пусть он сделает не белой, собаку (?) пусть он сделает не коричневой, собаку (?) пусть он сделает не желтой» и т. д.;
- 3) túg na-an-gig-ge túg na-an-babbar-re túg na-an-si-e túg na-an-SÍG-e... (ELA 472—474) «Одежду пусть он сделает не черной, одежду пусть он сделает не белой, одежду пусть он сделает не коричневой, одежду пусть он сделает не желтой».

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

En-me-er-kár-dumu-^dUtu-ke₄ dūg mu-un-bad-bad-du (ELA 317). «Энмеркар, сын бога Уту, быстро шагает» (составной глагол dūg...bad).

е) глагольные формы построены по модели *i-n-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

а) простой глагол требует прямого объекта:

mu-giš pa-an-sa₄-sa₄ (ELA 399) «Название дерева пусть он не назовет!».

б) именная часть составного глагола выполняет роль прямого объекта:

é-gal-an-na-ka tur₅-ra-ni geštúg mu-un-gá-gá (ELA 323) «В храм Ана он вошел, размышляет» (составной глагол geštúg...gá-gá).

¹ Глагольный корень е «говорить» вместе с префиксом -ш- на письме переданы одним знаком ме.

ж) глагольные формы построены по модели *i-R-e*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) gaba-ri i-pád-dè¹ (ELA 239) «Ответ он избирает»;
- 2) inlm i-kin-kin-e (GA 4, 19) «Речь он держит»;
- 3) nam-tar i-kú-e (GLL 158) «Судьбу он пожирает»;
- 4) DU-a-ni ...gán-nun ha-ma-dù-e (ELA 492—493) «Когда он пойдет..., и „ганнын“ для меня пусть построят!»;
- 5) muš tu₆(?) nu-zu-e (GH 40, 82, 93) «Змея заклятья не знает»;
- 6) galga-ni hé-bir-re (GA 46, 58) «Рассудок свой пусть он растеряет!»;
- 7) tóg-eš-tab-ba lú nu-kud-dè... (GLL 107—108) «Одежду... человек не отрежет»;
- 8) erén-bi al-tur a-ga-bi-ta al-bir-re (GA 38) «Войско их мало, задние ряды его он рассеет».

Вполне возможно, что al-bir-re представляет собой форму непереходного глагола с суффиксом -e(d), подробнее см. стр. 38, § 4.2.

- 9) hur-sag... mu-un-da-ha-ha-e (ELA 547) «Гору... он разбивает».

По этой же модели построена глагольная форма в примере Aratta^{ki}-a lul-e me-a hé-en-dè-dib-e (ELA 451), но как переводить ее — неясно.

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

- 1) En-me-er-kár dumu-^dUtu-ra gù mu-na-dé-e (ELA 68) «Энмеркару, сыну Уту, она (богиня Инанна) говорит» (составной глагол gù...dé).

Аналогичных примеров в исследуемых текстах заведительствовано довольно много, и всюду глагол имеет одинаковую форму. Поэтому мы ограничимся приведением по одному примеру из каждого текста: en-Aratta^{ki}-ke₄ kin-gl₄-a-ar gù mu-na-dé-e (ELA 557) «Верховный жрец Аратты гонцу говорит»; ^dGilgameš-en-Kul-aba^{ki}-ke₄ ur-sag-bi-ne-er gù mu-na-dé-e (GA 51—52) «Гильгамеш, верховный жрец Кулаба, своим героям говорит»; [...^dInanna(?)-ke₄ [^dGilgameš]-ra gù mu-na-dé-e (GH 48—49) «Инанна Гильгамешу говорит»; Hu-wa-wa En-ki-du₁₀-ra gù mu-na-dé-e (GLL 162) «Хувава Энкиду говорит».

- 2) [^dUtu Igi-húl-la hé-im-ši-bar-bar-re² (ELA 64, 95) «Уту радостно пусть посмотрит!» (составной глагол Igi-húl...bar);
- 3) kin-gl₄-a mušen-gim á-dub i-ag-e ur-bar-ra maš-e-ús-sa-gim giru₅-ús i-búr-búr-re (ELA 508—509) «Гонец как птица крыльями машет, как волк, преследующий козленка... ломает» (составной глагол á-dub...ag, значение составного глагола giru₅-ús...búr неясно, см. SGI, S. 31).

Очевидно, к данной группе относится и следующее предложение, где составной глагол, скорее всего, имеет переходное значение (утверждать это трудно, так как смысл предложения плохо понятен): al-me-da-aš šu al-tag-tag-i-a (ELA 432) «Для „альмеда“, который он хочет украсить»; но префикс al- употребляется, как правило, с непереходными глаголами.

¹ J:lm-, K: in- вместо i-.

² В варианте E глагол, очевидно, читается hu-mu-ši-bar-bar-re; в строке 95: hé-mu-e-ši-bar-bar-re.

з) глагольные формы построены по модели *i-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) ur-mi ur-ra-ni a-da-man hé-im-da-e (ELA 461, 476) «Мой герой его герою единоборство пусть скажет!»;
- 2) ...[im]-da-LU-LU Aratta^{ki}-aš ganam-da sila₄-bi ...[im]-da-LU-LU Aratta^{ki}-aš uz-da máš-bi (ELA 597—598) «Берет он в Аратту с козой ее козленка, берет он в Аратту с овцой ее ягненка»;

- 3) nam-tar nu-zu-zu (GLL 158) «Судьбу он не знает».

Возможно, к этой же группе относится и следующий пример:

Ni-ge-en-Aratta^{ki}?-sum-ma im-ma-zu (ELA 308) «О бо-
гатстве Аратты... сообщает»; однако неясный контекст
затрудняет анализ глагольной формы.

б) именная часть составного глагола выступает в роли
прямого объекта:

En-me-er-kár dumu-^dUtu-ke₁...kug-^dInanna-ra ù-gul mi-un-[na-gá]-gá (ELA 37) «Энмеркар, сын Уту... святой Инанне молится» (составной глагол ù-gul-...gá-gá).

Возможно, сюда же можно отнести и следующий
пример: sag mi-un-na-tuku₁-tuku₄ sag nam-da-BU-BU gù
mi-un-na-dé-a ka nam-ma-BU... (GLL 123—124) «Он ему
хочет кивнуть, головой он не может покачать, то, что
он ему хочет сказать, рот не...». Перевод предложе-
ния предположителен. Очевидно, здесь употребляются
составные глаголы sag-...tuku₄ sag-...BU, ka-...BU,
значение которых неизвестно.

г) составной глагол вместе с именной частью получил пе-
реходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

muš-kàr-kurup-na é-gar₅-na šu im-ta-du₇-du₇¹ (GLL 143) «Змею... со-
стены он сбрасывает» (составной глагол šu-...du₇).

и) глагольная форма построена по модели *i-R* (глагольный
корень оканчивается на согласный):

gaba-rí ì-kín-kín (ELA 238) «Ответ он ищет».

Суффикс -е после глагольного корня, оканчиваю-
щегося на согласный, опущен. В исследуемых текстах
подобные случаи встречаются крайне редко.

§ 7. «Он (соц.-акт.) — их»

а) глагольная форма построена по модели *i-b-R* (глаголь-
ный корень оканчивается на гласный).

Составной глагол вместе с именной частью получил пере-
ходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

¹ G: -du-du.

kin-gi₄-a Aratta^{ki}-aš DU-ni... na₄-tur-tur-ḫur-sag-gá-ke₄ suḫ-suḫ mi-un-da-ab-za (ELA 349—351) «Гонец, идущий в Аратту, маленькие горные камешки разбрасывает» (составной глагол suḫ-suḫ...za).

Единственный пример на рассматриваемое соотношение.

б) глагольные формы построены по модели *i-n-R-e*:

guškin k[ub]abbar sù-du-am-bi ^dInanna nin-É-an-na-ra kisa!-Arat[ta^{ki}-a-k[a gur₇-šè hu-mu-un-dub-dub-bu (ELA 484—486). «Золото, серебро, драгоценные камни для Инанны, госпожи Эанны, во дворе Аратты у житницы пусть он ссылет!».

Вероятно, сюда же относится предложение kur-kur... mi-u-tuk₄-tuk₄-e (ELA 546) «Горы... он колеблет», толкование которого из-за фрагментарности спорно.

§ 8. «Он (соц.-пасс.) — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-b-R-e*:

1) adda a-a-íd i(?)-ib(?)-dirig-ge (GLL 26) «Из-за трупов вода в реке поднимается» (букв. «трупы воды реки увеличивают»(?); из-за фрагментарности текста перевод этого предложения сомнителен);

2) é... kur-me-sikil-la-ke₄¹... g^{iš}taškarin-gim ḫi-li ḫa-ma-ab-ag-e (ELA 131) «Страна чистых обрядов... храм... для меня пусть сделает прекрасным, как самшит».

б) глагольные формы построены по модели *i-b-R*:

з) простой глагол требует прямого объекта (глагольный корень оканчивается на согласный):

é... kur-me-sikil-la-ke₄¹... g^{iš}taškarin-gim ḫi-li ḫa-ma-ab-ag (ELA 204) «Страна чистых обрядов... храм... для меня пусть сделает прекрасным, как самшит».

Суффикс -e после глагольного корня, оканчивающегося на согласный, не отмечен на письме. Очевидно, здесь просто ошибка писца, ср. § 8(а), 2.

β) Составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта (глагольный корень оканчивается на гласный):

é... kur-me-sikil-la-ke₄¹... ^dUtu-gán-nun-ta-è-a-gim si-múš ḫa-ma-ab-si₄-si₄ (ELA 132, 205) «Страна чистых обрядов... храм... пусть сделает сияющим, как солнце, выходящее из „ганнуна“» (составной глагол si-múš-... si₄-si₄; прямой объект é «храм»).

в) глагольная форма построена по модели *i-m-R-e*:

g^{iš}tukul-mé ...ní-gal me-lám-ma hé-lm-dím-dím-e (GA 44—45) «Оружие битвы блеск славы пусть создает!».

¹ Е дает -šè вместо -la-ke₄:

г) глагольная форма построена по модели *i-n-R-e*:

šà-bí Arattaki ha-ma-an-galam-e (ELA 46) «Его середину (храма) (страна) Аратта пусть для меня сделает роскошной!».

д) глагольная форма построена по модели *i-R-e*:

é... kur-me-sikil-la-ke₄ ha-ma-dù-e (ELA 130, 203) «Страна чистых обрядов... храм... для меня пусть построят!».

е) глагольные формы построены по модели *i-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

а) простой глагол требует прямого объекта:

sag-ki-ní giš-gí bí-kú-a (GLL 102) «Его лицо, которое пожирает заросли тростника».

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

- 1) Arattaki [Unu^{ki}-šè] gú giš ha-ma-[gá-gá] (ELA 48, 79) «Аратта пусть покорится Урук!» (составной глагол gú-giš-...gá-gá);
- 2) Arattaki Unu^{ki}-šè gú a-gim i-gá-gá (ELA 226) «Как может Аратта покориться Урук!» (составной глагол gú-... gá-gá);
- 3) Unu^{ki}-zig-ga hur-sag-?-šè sag a-gim i-gá-gá (ELA 253) «Поднявшийся Урук как может идти против горы...?» (составной глагол sag-...gá-gá).

§ 9. «Он (соц.-пасс.) — их»

а) глагольная форма построена по модели *i-n-R-e*:

Arattaki... guškin kubabbar ha-ma-an-galam-e (ELA 39) «(Страна) Аратта для меня искусно пусть обрабатывает золото и серебро!».

б) глагольная форма построена по модели *i-R-e*:

Составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

kur-me-sikil-la-ke₄... zag-du₈-zag-du₈-bí urí ha-ma-mul-e (ELA 133, 206) «Страна чистых обрядов... его (храма) пороги пусть сделает блестящими!» (составной глагол urí-...mul).

§ 10. «Мы — его (соц.-пасс.)»

Глагольные формы построены по модели *i-R-enden*¹:

а) простой глагол требует прямого объекта:

¹ Следует заметить, что в некоторых случаях варианты дают глагольные формы, построенные по моделям *i-b-R-enden*, *i-n-R-enden*.

en-Kul-abaki-ra^{na}gug lul-la-me-a mu-na-ku-ru-dè-en-dè-en¹ (ELA 454) «Для верховного жреца Кулаба сердолик... мы вернем» (mu-na-ku-ru-dè-en-dè-en < *mu-na-ku-ed-enden). Т. Якобсен переводит иначе (RA, LVIII, 1964, 4, p. 158).

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

é-Kiši^{ki}-šè gú nam-ba-gá-gá-an-dè-en² (GA 8, 14) «К дому Киша мы да не склонимся!» (составной глагол gú...gá-gá).

γ) составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

giš^{tukul} nam-ba-sig-ge-en-dè-en³ (GA 14, 8) «Оружием да не поразим его!» (составной глагол giš^{tukul}...sig, прямой объект, очевидно, é-Kiši^{ki} «дом Киша»).

§ 11. «Вы — его (соц.-пасс.)»

Глагольные формы построены по модели *i-n-R-enzen*:

а) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

- 1) é-Kiši^{ki}-šè gú nam-ba-an-gar-re-en-zé-en⁴ (GA 23) «К дому Киша вы не склонитесь!»
- 2) é-Kiši^{ki}-a gú nam-ba-an-gar-re-en-zé-en (GA 29) «К дому Киша вы не склонитесь!»

§ 12. «Они — его (соц.-акт.)»

Глагольная форма построена по модели *i-b-R-e*:

ama-ugu-zu tillà-uru-za-ka-šè na-ni-ib-sar-re (GLL 83) «Мать, родившую тебя, по улицам города твоего пусть не гонят!» (перевод предположения условен).

§ 13. «Они — его (соц.-пасс.)»

а) глагольные формы построены по модели *i-b-R-ene*:

- 1) ra-bi... úr-ḥur-sag-gá-ke, mu-ni-ib-nú-ù-ne (GLL 141) «Ветви его... у подножия горы они кладут»;
- 2) ...mu-ni-ib-gi₁-gi₁-ne (DG A 82) «...они возвращают»;

¹ После lul-la-me-a вариант Q дает: gú mu-na-ab-du₆-dè-en; -ku-ru-, возможно, написание вместо gur «возвращать» ср. A. Falkenstein, *Das Sumerische*, S. 27, § 10, 2.

² А вставляет -an- после -ba-; в С глагол читается: nam-ba-an-gar-re-en-dè-en.

³ А: ga-àm-ma-sig-ge-en-dè-en, для строки 8 вариант дает: nam-ba-an-sig-ge-en-dè-en.

- 3) *mu-ni-ib-ra-ra-ne mu-ni-ib-sig-sig-ge-ne Bir-hur-tur-re uzud-du-ni mu-ni-in-gum-gum-ne* (GA 82—83) «Они его истязают, они его бьют, тело Бирхуртура рвут».

В приведенном примере писцу, очевидно, было неясно, что является прямым объектом — Бирхуртур — (имя соц.-акт. класса), или его тело — (имя соц.-пасс. класса), поэтому одинаковые по значению глагольные формы он построил по разным моделям.

б) глагольные формы построены по модели *i-n-R-ene*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) *pa, za-gin-a ur-ba mu-un-bur-re-ne giušub pa-ba mu-un-...-e-ne* ^dInanna nin-Ē-an-na-ra kisal-Ē-an-na-ka gur, šè mu-un-dub-dub-bu-ne (ELA 623—626) «Лазурит в его месторождениях для нее они собирают... у его ветвей ...-ют, для Инанны, госпожи Эанны, во дворе Эанны ссыпают»;
- 2) *mu-ni-ib-ra-ra-ne mu-ni-ib-sig-sig-ge-ne Bir-hur-tur-re uzud-du-ni mu-ni-in-gum-gum-ne* (GA 82—83) «Они его бьют, они его истязают, тело Бирхуртура рвут».

б) именная часть составного глагола выступает в роли прямого объекта:

nam(!)-ni im-ma-an-tar-ru-ne (GLL 166) «Судьбу(!) его они решают» (составной глагол *nam-...tar*).

Вероятно, к этой же группе относится предложение *pa-bi i-tar-ru-ne KA ba-an-sir-re-ne* (GLL 140) «Ветви его они отрезают и связывают(?)» (составной глагол *KA-...sir(?)*). Перевод второй части предложения спорен.

в) глагольные формы построены по модели *i-R-ene*:

- 1) *pa-bi i-tar-ru-ne* (GLL 140) «Ветви его они обрезают»;
- 2) *dimi-uru-na mu-un-da-sig-eš-ām pa¹ mu-un-ši-tar-ru-ne²* (GH 99) «Сыновья его города, которые с ним шли, ветви (деревя) обрезают»;
- 3) *[hur]-sag-diš-kam-ma in-ti-bal-e-ne?... (GLL 61)* «Первую гору они переходят».

г) глагольные формы построены по модели *i-b-R-e*:

Составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

nam-lú-lu^{lu}-[Ar]atta^{ki}-[ke₄]... unú-gal-unú-[dingir-re-e-ne-ke₄ pa]-è [ha]-ma-ab-ag-e me-mu Kul-abaki-[a] si ha-ma-ni-ib-sá-e abzu kur-kù-gim ha-ma-ab-mú-mú Ereduki hur-sag-gim ha-ma-ab-sikil-e èš-abzu-kù ki in-dar-ra-gim pa-è ha-ma-ab-ag-e (ELA 49—56, 80—87) «Люди Аратты... великое святилище, святилище богов, для меня искусно пусть построят, мои обряды в Кулабе правильно пусть выполнят, „абзу“ наподобие светлой (голой) горы для меня пусть установят, „эреду“ наподобие (лесистой) горы для меня пусть очистят, светлое святилище „абзу“ пусть построят искусно наподобие (мировой) бездны!» (составные глаголы *pa-è-... ag* и *si-... sá*).

¹ D и G добавляют -bi после pa.

² D и G: i-tar-ru-ne; G добавляет KA ba-an-sir-re-ne.

д) глагольные формы построены по модели *i-b-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

nam-lú-lu^{lu}-[Ar]atta^{ki}-[ke]₄ na₄-hur-sag-gá kur-[bi] ha-ma-ab-e₁₁... abzu kur-kù-gim ha-ma-ab-mú-mú (ELA 49—50; 54; 80—81; 85) «Люди Аратты горные камни (из) страны своей пусть мне принесут... „абзу“ наподобие священной горы пусть для меня возведут!».

е) глагольная форма построена по модели *i-m-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

Составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта:

[tur-tu]r-bi... [gal-gal-bi]... ^dEn-ki-ra a-[gi^{is}]má-eger-ra-ke₄ [ur-m]ah-gim sag-gi^s im-ra-ra (GH 24—25, 66—67) «Эти маленькие... эти большие... у Энки воду лодки позади, точно львы, разбивают» (составной глагол sag-gi^s—... ra).

ж) глагольные формы построены по модели *i-n-R-e*:

- 1) ...-e-ěš-gal-la-ke₄ gi₆-pár-ra hu-mu-un¹-túm-mu... e-gi₆-pár-ra-ke₄ ẽš-gal-la hu-mu-un¹-túm-mu (ELA 61—62, 92—93) «... (Что-то) большого святилища в „гипар“ пусть принесут, ... (что-то) „гипара“ в большое святилище пусть принесут!»;
- 2) ...[n]a₄ urudu an-na ^{na}lagab-za-gin-na... [ku]r-bi-ta ur-bi nu-mu-un-e₁₁-dẽ (ELA 17—18) «... Камни, бронзу, свинец, куски лазурита... из своих гор вместе они выносят» (перевод глагольных форм множественным числом дается по контексту).

з) глагольные формы построены по модели *i-n-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

- 1) en-ra é-sikil-bi hu-mu-un-gá-gá (ELA 376) «Для верховного жреца этот чистый храм пусть возведут!»;
- 2) e-ne-da-nu-me-a i^{gi}-bi-a ud nam-ba-an-gá-gá (DG A 32) «Без него перед ними свет пусть установят!» (перевод глагольных форм множественным числом дается по контексту).

и) глагольные формы построены по модели *i-R-e*:

а) простой глагол требует прямого объекта:

- 1) nam-lú-lu^{lu}-[Ar]atta^{ki}-[ke]₄... ẽš-gal ha-ma-dù-e (ELA 49—51) «Люди Аратты... большое святилище пусть для меня построят!»;
- 2) nam-lú-lu^{lu}-Aratta^{ki}-[ke]₄... ẽš-gal ha-ra-dù-e (ELA 80—82) «Люди Аратты... большое святилище для тебя пусть построят!»;
- 3) ...-il bala nu-ag-e²...-il nam-garaš nu-ag-e² (ELA 15—16) «...перевозки не совершают... плавания (по морю) не совершают» (перевод глагольных форм множественным числом дается по контексту).

¹ Е опускает -un-.

² Вариант опускает -e.

СПРЯЖЕНИЕ ПЕРЕХОДНОГО ГЛАГОЛА (PRAESENS-FUTURUM)

	меня	тебя	его (соц.-акт.)	его (соц.-пасс.)	наш ²	вас	их
я			i-n-R-en (3) i-b-R-en (2) i-R (2)	i-b-R-en (12) i-R-en (1)			
ты				i-b-R-en (3) i-R-en (1)			
он (соц.-акт.)			i-n-R-e (3) i-n-R (1)	i-b-R-e (27) i-b-R (12) i-m-R-e (4) i-m-R (2) i-n-R-e (15) i-n-R (2) i-R-e (23) i-R (11)			i-b-R (1) i-n-R-R-e (1)

	меня	тебя	его (соц.-акт.)	его (соц.-пасс.)	нас	вас	их
он (соц.-пасс.)				i-b-R-e (2) i-b-R (2) i-m-R-e (1) i-n-R-e (1) i-R-e (1) i-R (5)			i-n-R-e (1) i-R-e (2)
мы				i-R-enden (4) i-n-R-enden (2) i-b-R-enden (1)			
вы				i-n-R-enzen (2) (i-R-enzen) (1)			
они			i-n-R-ene (1) i-b-R-e (1)	i-b-R-ene (4) i-n-R-ene (6) i-R-ene (3) i-b-R-e (8) i-b-R (4) i-m-R (1) i-n-R-e (4) i-n-R (2) i-R-e (3) i-R (4)			

β) составной глагол вместе с именной частью получил переходное значение и требует дополнительно прямого объекта: tur-tur-bi... gal-gal-bi... lugal-ra a-[^{ki}ma]—sag-gá-ke₄ ur-bar-ra-gim[u]r mu-na-kú-e (GH 22—23, 64—65) «Эти маленькие... и эти большие... у господина воду лодки впереди, точно волки, лакают» (составной глагол ur-... kú).

к) глагольные формы построены по модели *i-R-R* (глагольный корень оканчивается на гласный):

- 1) pam-lú-lu₆^{lu}-[Ar]atta^{ki}-[ke₄]... u[nú]-gal ha-ma-gá-gá (ELA 49, 51) «Люди Аратты... большой храм для меня пусть возведут!»;
- 2) pam-lú-lu₆^{lu}-Aratta^{ki}-ke₄... unú-gal ha-ra-gá-gá (ELA 80, 82) «Люди Аратты... большой храм для тебя пусть возведут!»;
- 3) [pam-lú-lu₆] u₆-dùg-ge-eš hé-mu-e-e (ELA 94, 63) «Люди о великолепном зрелище пусть говорят!»;
- 4) pam-lú-lu₆^[u]-Unug(?)^{ki}-gá(?)—ke₄... ú-gum nu-gá-gá (DG B 34—35) «Люди Урука (?)... имущество не кладут».

Возможно, к этой же группе относится и следующий пример: tur-tur-bi na₄-šu-k[am] gal-gal-bi na₄-zig-ga(?)—ud(?)—da-[a-kam] úr-má-tur-re ^dAm-an-ki-ga-kam še-en-KA+LI-na ud-du₇-ám i-šú-šú (GH 18—21, 60—63) «Эти маленькие, камни рук это были, эти большие, камни... дневные (?) это были, на дно маленькой лодки Энки... сбрасывают (?)» (перевод предложения предположителен).

ИССЛЕДОВАНИЕ И ВЫВОДЫ

На основе рассмотренных примеров можно вывести следующую парадигму (цифры в скобках означают количество примеров, см. стр. 72—73).

Теперь, пользуясь полученной парадигмой, попытаемся установить показатели субъекта и прямого объекта в Praesens-Futurum. С этой целью составим следующую таблицу (в таблице приводятся только те модели, которые содержат в себе оба показателя, см. стр. 75).

Как видим, во всех моделях присутствуют префиксы -n- и -b-. Если исходить только из данных таблицы (одно и то же соотношение строится по совершенно идентичным моделям, но одни модели содержат префикс -n-, а другие префикс -b-), эти префиксы выполняют одинаковую функцию. Поскольку же в таблице прямой объект всюду представлен именем соц.-пасс. класса, префиксы -n- и -b-, общие для всех моделей, могут быть только показателями прямого объекта. В таком случае суффиксы приведенных моделей должны отражать в глаголе субъект, а именно: суффикс -en — субъект 1 и 2 л. ед. ч., суффикс -e — субъект 3 л. ед. ч. соц.-акт. и соц.-пасс. ассов, суффикс -enden — субъект 1 л. мн. ч., суффикс

субъект	прямой объект	модель
я	его (соц.-пасс.)	i-b-R-en
ты	его (соц.-пасс.)	i-b-R-en
он (соц.-акт.)	его (соц.-пасс.)	i-b-R-e i-n-R-e
он (соц.-пасс.)	его (соц.-пасс.)	i-b-R-e i-n-R-e
мы	его (соц.-пасс.)	i-n-R-enden i-b-R-enden
вы	его (соц.-пасс.)	i-n-R-enzen
они	его (соц.-пасс.)	i-b-R-ene i-n-R-ene i-b-R-e i-n-R-e

-enzen — субъект 2 л. мн. ч. и, наконец, суффиксы -ene и -e — субъект 3 л. мн. ч.

Но коль скоро один и тот же суффикс -e мог отмечать в глаголе субъект 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса и субъект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса, напрашивается вывод, что в Praesens-Futurum, в противоположность Praeteritum, в 3 л. ед. ч. не было деления показателей субъекта по классам.

В Praesens-Futurum, как и в Praeteritum, показатель субъекта 3 л. ед. ч. в ряде случаев выступал в роли показателя субъекта 3 л. мн. ч. Это общее для обоих видов явление объясняется своеобразным понятием множества в шумерском языке (по представлениям шумерийцев один из типов множества, а именно множество коллективное, представлял собой как бы одно действующее лицо и отражался в глаголе с помощью показателя единственного числа).

Приведенная выше таблица дала пока возможность установить лишь показатель прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса. Для того чтобы определить другие показатели, обратимся к следующей таблице, также составленной на основе парадигмы:

субъект	прямой объект	модель
я	его (соц.-акт.)	$\dot{\text{i}}\text{-n-R-ep}$ $\dot{\text{i}}\text{-b-R-ep}$
он (соц.-акт.)	его (соц.-акт.)	$\dot{\text{i}}\text{-n-R-e}$
они	его (соц.-акт.)	$\dot{\text{i}}\text{-n-R-ene}$ $\dot{\text{i}}\text{-b-R-e}$

Грамматическими формантами, повторяющимися во всех моделях, и здесь являются префиксы -п- и -b-, и если, как и в предыдущем случае, судить только по таблице, то эти префиксы равнозначны. Далее, во всех соотношениях, приведенных в таблице, им соответствует прямой объект соц.-акт. класса, и, следовательно, префиксы -п- и -b- являются показателями прямого объекта.

Что касается показателей субъекта, то в их роли выступают суффиксы, а именно: суффикс -ep — показатель субъекта 1 л. ед. ч., суффикс -e — показатель субъекта 3 л. ед. ч. и мн. ч. и суффикс -ene — показатель субъекта 3 л. мн. ч.

Таким образом, в отношении показателей субъекта данная таблица полностью подтверждает ранее сделанные выводы.

Если единственный засвидетельствованный пример действительно истолкован выше (стр. 60) правильно, то можно определить и показатель прямого объекта 2 л. ед. ч. Приняв суффикс -ep за показатель субъекта 2 л. ед. ч., а искомый показатель — за x, из соотношения «ты — тебя», построенного по модели $\dot{\text{i}}\text{-e-R-ep} = (\dot{\text{i}}\text{-x-R-ep})$, получаем показатель прямого объекта 2 л. ед. ч. — x = -e-. Однако этот единственный пример более чем сомнителен.

В составленной нами парадигме имеются еще соотношения с прямым объектом 3 л. мн. ч. Для того чтобы установить его показатель, сведем эти соотношения в таблицу:

субъект	прямой объект	модель
он (соц.-акт.)	их	$\dot{\text{i}}\text{-n-R-e}$ $\dot{\text{i}}\text{-b-R-(e)}$
он (соц.-пасс.)	их	$\dot{\text{i}}\text{-n-R-e}$

Поскольку суффикс -е отмечает в глаголе субъект 3 л. ед. ч., показателями прямого объекта будут префиксы -п- и -b-, т. е. те же показатели, что и для прямого объекта 3 л. ед. ч. Подобное явление наблюдалось уже в *Praeteritum* (см. стр. 576), и, так же как и в *Praeteritum*, его следует объяснить вышеупомянутым представлением шумерийцев о множестве.

Итак, если судить по материалам текстов эпоса, показателями прямого объекта в *Praesens-Futurum* были: во 2 л. ед. ч. префикс -е(??), в 3 л. ед. ч. соц.-акт. и соц.-пасс. классов — префиксы -п- и -b-. В 3 л. мн. ч. — те же префиксы -п- и -b-.

Перечисленные показатели прямого объекта представляют собой субъектные показатели единственного числа *Praeteritum*.

Как уже отмечалось выше, в исследуемых текстах в 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса *Praeteritum* были засвидетельствованы, наряду с формами, построенными по модели i-p-R, формы с моделью i-b-R. Иначе говоря, в *Praeteritum* в одних и тех же формах наблюдалось чередование префиксов -п- и -b-. В *Praesens-Futurum* префиксы -п- и -b- являются показателями прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса и 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса, и в формах, при которых стоят названные прямые объекты, тоже наблюдается чередование этих показателей.

Формы *Praeteritum* 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса с префиксом -b- для наших текстов мы определили как случаи исторического написания. Основанием для такого вывода послужило крайне незначительное число этих форм, засвидетельствованных в текстах эпоса (в материалах, относящихся к предшествующим периодам развития шумерского языка, число обнаруженных форм с префиксом -b- почти равно числу форм с префиксом -п-).

В *Praesens-Futurum* формы с префиксом -b- в качестве показателя прямого объекта соц.-акт. класса и формы с префиксом -п- в качестве показателя прямого объекта соц.-пасс. класса встречаются чаще: префикс -b- засвидетельствован в 3 случаях (против 8 с префиксом -п-), однако из-за неточного перевода все три случая представляют спорными, поэтому пользоваться ими приходится с осторожностью.

Префикс -п- — показатель прямого объекта соц.-пасс. класса — обнаружен в 34 случаях (против 76 с префиксом -b-). Из этого числа, по-видимому, следует исключить половину примеров, где префикс -п-, по всей вероятности, представляет собой сокращенную форму написания локативного префикса -пi- или префикса дательного падежа -па-. Подобное предположе-

ние делается на том основании, что, во-первых, во всех этих примерах есть имена в локативном или в дательном падежах, которые, как правило, должны были бы находить отражение в глаголе. Во-вторых, в текстах эпоса обнаружены параллельные формы с префиксами -ni-, -pa- и с их сокращенным написанием -n-, например, *ni-mu-e-da-an-zi-zi-i* (DG A 8) и *ni-mu-un-pa-zi-zi-i* (GLL 73), или *mu-un-gá-gá* (ELA 323) и *mu-un-pa-gá-gá* (ELA 435; на случаи графической передачи префиксов -ni- и -pa- с помощью префикса -n- указывал еще А. Фалькенштейн в своей грамматике, см. GSGL I § 10 4 е).

Остальные примеры с префиксом -n- в качестве показателя прямого объекта соц.-пасс. класса объяснить трудно. Может быть, подобно формам *Praeteritum* 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса с префиксом -b-, их следует отнести к случаям исторического написания, ибо как в *Praeteritum*, так и в *Praesens-Futurum* речь идет об одних и тех же префиксах -n- и -b-, но в *Praet.* они показатели субъекта, а в *Praes.-Fut.* — прямого объекта.

Вместе с тем префикс -n- в рассматриваемых случаях может быть истолкован и как показатель каузатива — так как почти во всех предложениях глаголы, имеющие по своей природе непереходное значение, в данном контексте получают переходное значение (например, *gig* «черный» — в тексте «делать черным», *raḡ* «белый» — в тексте «делать белым», *sig* «молчать» — в тексте «делать (?) молчание» и т. п.). Но поскольку из наших текстов известны другие аналогичные по значению глаголы, и в них префиксы -n- и -b- рассматриваются как показатели субъекта (*Praeteritum*) или прямого объекта (*Praesens-Futurum*), то только одного этого обстоятельства оказывается недостаточно. Поэтому, очевидно, правильное всего будет просто отметить употребление в ряде случаев в *Praesens-Futurum* в глагольных формах с прямым объектом соц.-акт. класса — префикса -b-, а в глагольных формах с прямым объектом соц.-пасс. класса — префикса -n- и указать, что материалы исследуемых текстов не позволяют выяснить причину этого явления.

Итак, в результате исследования текстов шумерского героического эпоса устанавливаются следующие показатели субъекта и прямого объекта в *Praesens-Futurum*:

Показатели субъекта

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	-enden
2 л.	-en	2 л.	-enzen
3 л.	-e	3 л.	-ene
			-e

Таким образом, показатели субъекта (за исключением суффикса -е, как показателя субъекта 3 л. мн. ч.) тождественны соответствующим показателям, обнаруженным А. Пибелем и А. Фалькенштейном, и субъектным показателям в *inachevé* Р. Жестена.

Показатели прямого объекта

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	не засвид.	1 л. }	не засвид.
2 л.	-е-(??)	2 л. }	
3 л. соц.-акт.	-п- (-b-)	3 л. -b- (-p-)	
3 л. соц.-пасс.	(-b-) (-p-)		

Как видим, в ед. ч. *Praesens-Futurum* в роли показателей прямого объекта выступали субъектные показатели *Praeteritum*. Прямой объект 3 л. мн. ч. отмечался в *Praesens-Futurum* глагола посредством префиксов -b- (-p-). Глагольные формы *Praesens-Futurum* с прямым объектом 1 и 2 л. мн. ч. в текстах эпоса не обнаружены. Поэтому установить их показатели не удастся. Префиксы -е-, -п-, -b- в роли показателей прямого объекта засвидетельствованы также в глагольных формах с префиксом наклонения *ga-*. (Для -е-, 2 л., см. ELA 627,69).

В ряде примеров, взятых из текстов эпоса, показатель субъекта или прямого объекта в глагольных формах *Praesens-Futurum* отсутствует. В тех случаях, когда это касается показателей субъекта, в глагольных формах исследуемых текстов не отмечается только суффикс -е как показатель субъекта 3 л. ед. и мн. ч. Но поскольку этот суффикс опускается, как правило, лишь после глагольных корней, оканчивающихся на гласный, его исчезновение можно объяснить и фонетическими причинами, а именно поглощением предшествующим гласным корня.

Теперь об отсутствии показателей прямого объекта. Речь здесь идет о префиксах -п- и -b-, и поэтому формы *Praesens-Futurum*, в которых префиксы -п- и -b- не стоят (как и формы *Praeteritum* без субъектных показателей -п- и -b-), очевидно, следует принять за случаи исторического написания, см. стр. 57.

III. СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Выделение в особый раздел глаголов движения объясняется рядом особенностей их спряжения. На первый взгляд, гла-

голы движения, непреходные по своей природе, должны были бы спрягаться по непреходному типу (разумеется, за исключением глаголов движения в каузативном смысле, например «возвратить», «повернуть», «вывести» и т. д., т. е. глаголов, получивших переходное значение и спрягающихся по переходному типу). Однако, по материалам эпоса, дело обстояло не совсем так. Засвидетельствованные в текстах глаголы движения (кроме вышеперечисленных) оказалось возможным разделить на три группы: а) глаголы, спрягающиеся только по непреходному типу; б) глаголы, спрягающиеся как по непреходному, так и по переходному типам; в) глаголы, спрягающиеся только по переходному типу.

Следует иметь в виду, что предлагаемое здесь деление основано только на материале доступных нам текстов шумерского героического эпоса. Не исключено, что при большем количестве текстов глаголы первой и третьей групп также были бы засвидетельствованы и в переходных и в непреходных формах, т. е. оказалось бы, что все глаголы движения с непреходным значением в текстах эпоса могли спрягаться как по переходному, так и по непреходному типу.

А. ГЛАГОЛЫ, СПРЯГАЮЩИЕСЯ ТОЛЬКО ПО НЕПЕРЕХОДНОМУ ТИПУ

§ 1. «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R*:

- 1) á-a-ma-ru ba-úr-ra-ta (ELA 573) «После того как потоп наступил» (букв. «После того как сила потопа вошла»);
- 2) ba-u₅-a-ba ba-u₅-a-ba a-a kur-šè ba-u₅-a-ba ^dEn-ki kur-šè ba-u₅-a-ba (GH 13—15) «После того как отправился, после того как отправился, после того как отец в подземный мир отправился, после того как Энки в подземный мир отправился».

§ 2. «Мы»

Глагольные формы построены по модели *i-R-enden*:

- 1) tukum-bi im-ši-su₃-dè-[en]¹ (GLL 116) «Если к нему мы войдем...»;
- 2) nig-ša-za gá-nam-ma ga-ám-su₃-[dè-en] (GLL 119) «Даже если ты боишься (букв. „в твоём страхе“), пусть мы войдем!».

§ 3. «Они»

Глагольные формы построены по модели *i-R-eš*:

¹ F, очевидно, дает: ga-an-ši-su₃-?-dè-eš(?).

- 1) ¹nam-lú-lu₆-Aratta^{ki}-ke, anš_u-bára-lá-e u₅-dī-dè-lm-ma-súg-súg-ge-eš (ELA 354—355) «Люди Аратты к вьючным ослам с восхищением пошли»;
- 2) lú-kin-gi₁-a-Ag-ga dumu En-me-bára-gi₁-e-si-ke, Kiš_iki-ta ^dGilgameš-ra Uru^{ki}-še mu-un-ši-súg-eš (GA 1—2) «Гонцы Аги, сына Энмебаргеси, из Киша к Гильгамешу в Урук пришли»;
- 3) dumu-uru-na mu-un-da-súg-eš-ám ra mu-un-ši-tar-ru-ne (GH 99; GLL 58, 70, 139) «Сыновья его города, которые с ним шли, ветви (дерева) отрезают».

Б. ГЛАГОЛЫ, СПРЯГАЮЩИЕСЯ КАК ПО НЕПЕРЕХОДНОМУ, ТАК И ПО ПЕРЕХОДНОМУ ТИПАМ

А) ГЛАГОЛЫ ИМЕЮТ НЕПЕРЕХОДНЫЙ ТИП СПРЯЖЕНИЯ

§ 1. «Ты»

Глагольные формы построены по модели *i-R-en*:

- 1) za-e uru-ama-tu-da-za nu-ub-ši-gur-ru-dè-en (GLL 161) «Ты в город матери, родительницы своей, не сможешь вернуться»;
- 2) hur-sag-gal-gal IM.BA.LU.A sahar-ra hu-mu-na-da-nigin-e¹ (ELA 112 сл.) «Через большие горы... в пыли к нему пусть ты направишься!».

§ 2. «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R*:

- 1) En-ki-du₁₀ mušen-dib-ba ki-bi-še ha-ba-DU (GLL 155) «Энкиду, пойманная птица к своему месту пусть отправится (букв. „пусть пойдет“)!»;
- 2) gi₆-ù-na-ka mul-àm lm-DU an-ne-GÁN-ka ^dUtu-an-na-ra mu-un-dè-DU (ELA 162—163) «Ночью по звездам он шел, днем по солнцу небесному он шел»;
- 3) Aratta^{ki}-aš ba-te (ELA 511) «К Аратте приблизился»;
- 4) ni-te-a-ni imin-kam-ma mu-na-ti-la-ta da-ga-na ba-te (GLL 142) «После того как он сам седьмой (кедр) вырвал (букв. „кончил“), к... приблизился»;
- 5) ^{ki}tukul-mé á-zu-še hé-im-mi-gi₄ (GA 44) «Оружие битвы на твой бок пусть вернется!»;
- 6) gurus-dib-ba ur-ama-ni-še hé-gi₁-gi₁ (GLL 155) «Пойманный молодец к лону своей матери пусть возвратится!»;
- 7) Bir-hur-tur-re ká-gal-la ba-ra-è (GA 59) «Бирхуртур через большие ворота вышел»;
- 8) ^dEn-líl-le tira-a-ni a-ab-ta ba-ra-è (GLL 169) «Слуга Энлиля из моря вышел».

¹ То же самое дает вариант G, А опускает -e. hu-mu-na-da-nigin-e < *hu-mu-na-da-nigin-en, судя по контексту.

В) ГЛАГОЛЫ ИМЕЮТ ПЕРЕХОДНЫЙ ТИП СПРЯЖЕНИЯ

Praeteritum

§ 1. «Он (соц.-акт.)»

Глагольные формы построены по модели *i-n-R*:

- 1) ^dUtu úr-ama-ni ^dNin-gal-la-[šè] sag-íl-la mu-un-DU (GLL 79) «Уту к коленям своей матери Нингаль с поднятой головой пошел»;
- 2) ním-saḥar-ra-gim tír-u₄-zal-le-na mu-un-DU (ELA 298) «Как пыльная муха (?), в темноте и при свете он шел»;
- 3) ensi-na mu-un-DU (ELA 440) «К энси он подошел»;
- 4) Bír-ḥur-tur-re... igl Ag-ga-šè mu-ni-in-te (GA 63) «Бирхуртур... к Аге приблизился»;
- 5) sup-gim ḥaš-a-na mu-un-gur (ELA 298) «Как дикая корова, вокруг своего бедра он повернулся»;
- 6) En-ki-du₁₀ sig₄ (?) -kalag (?) -e ti-la sag-aš-bi-šè la-ba-ra-an-è-a (GLL 4, 30) «О Энкиду, так как предсказание о жизни на кирпиче... не было указано» (букв. «так как кирпич... для тайны жизни не вышел»). Пример представляется спорным из-за неточного перевода;
- 7) kin-gi₄-a ú-lum a-lam mu-un-DU (ELA 464) «Гонец через буйные травы и высокие воды прошел».

Так как *ú-lum* и *a-lam* стоят в абсолютном падеже (падеже прямого объекта), не исключена возможность, что глагол имеет здесь переходное значение, и переводить следует: «Гонец буйные травы и высокие воды прошел».

§ 2. «Он (соц.-пасс.)»

Глагольные формы построены по модели *i-b-R*:

AN-TUŠ-bi-a ba-da-ab-gi₄-a-gi[m] (ELA 360) «Подобно тому, кто возвращается в свой „антуш“(?)».

Praesens-Futurum

§ 1. «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R-e*:

- 1) ḥur-sag-gal-gal IM.BA.[LU].A saḥar-ra ḥu-mu-na-da-[ni]gin-e (ELA 77—78) «Через большие горы... в пыли к нему пусть он направится!»;
- 2) u₄-ta gissu-šè àm-è-e gissu-ta u₄-šè àm-è-e (ELA 428—429) «Со света в тень он выходит, из тени на свет он выходит».

В. ГЛАГОЛЫ, СПРЯГАЮЩИЕСЯ ТОЛЬКО ПО ПЕРЕХОДНОМУ ТИПУ

Praeteritum

§ 1. «Он (соц.-акт.)»

Глагольные формы построены по модели *i-n-R*:

а) простой глагол:

- 1) eger-bi ^dInanna ba-ši-in-zī (ELA 121, 194) «Против нее (Аратты) Инанна восстала»;
- 2) sag-ki-ni giš-gi bī-kú-a lú nu-mu-da-an-kar-re(!)-dè (GLL 102) «От его лица, которое пожирает заросли тростника, никто не может спастись».

Возможно, сюда же следует отнести и пример *má-tur-ra bān-da-mu ...-šè(?) kur-ra ħu-mu-ra-ni-in-tu-ra-ām* (GLL 136) «...мой маленький... в гору воистину он вошел», вызывающий сомнения из-за фрагментарности текста.

б) составной глагол:

- 1) lú ú-gu ba-an-dé (GLL 24) «Люди ушли» (составной глагол *ú-gu...dé*);
- 1) udu-sig-sù udu... -du₇-du₇-gim du₁₀-ús-[a]š(?) mu-un-dib (ELA 417) «Точно баран с длинной шерстью, баран... быстро он бежал» (составной глагол du₁₀-us-aša... dib, ср. SG I S. 102).

§ 2. «Он (соц.-акт.)»

Глагольная форма построена по модели *i-b-R*:

kisal-maḥ-e kisal-gú-en-na-ka kīn-gi₄-a i-fb-búr¹ (ELA 301) «В большой двор, во двор тронного зала гонец поспешил».

Praesens-Futurum

§ 1. «Я»

Глагольные формы построены по модели *i-R-en*:

^dUtu kur-šè i-in-tu-tu-dè-en á-taḥ-mu ħé-me-en kur-gi^šeren-kud-šè i-in-tu-tu-dè-en á-taḥ-mu ħé-me-en (GLL 17—18) «О Уту, в гору пусть я войду, моим помощником пусть ты станешь, в гору, чтобы срубить кедр, пусть я войду, моим помощником пусть ты станешь!».

Глагольную форму *i-in-tu-tu-dè-en* считаем переходной только из-за префикса -n-, который в исследуемых эпических текстах, как правило, стоит при переходных формах (подробнее см. стр. 86).

§ 2. «Ты»

Глагольные формы построены по модели *i-R-en*:

- 1) lugal-mu tukum-bi kur-ra i-in-tu-tu-dè-en² (GLL 9) «Мой господин, если в гору ты войдешь...»;
- 2) kīri₆-gi-[rin-kug]-^dInanna-šè im-ma-ni-in-tu-re-en³ (GH 33—34, 75—76) «В сад „гирин“, к святой Инанне ты (дерево) войдешь, (она сказала)»;

¹ Вариант дает -im-.

² Вариант дает: i-ni-in-tu-tu-dè-en.

³ В строке 76 глагольная форма читается: im-ma-ni-in-tu-re, но вариант Е несомненно дает: im-ma-ni-in-tu-re-en.

- 3) *hur-sag-GAM-ka hé-bí-lín-e₁₁-dè-en hur-sag-GAM-ta hé-lm-ma-da-ra-an-e₁₁-dè-en* (ELA 108—109) «На сверкающую (?) гору пусть ты взойдешь, со сверкающей (?) горы пусть ты сойдешь».

§ 3. «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R-e*:

а) простой глагол:

- 1) *hur-sag-GAM-sè hé-bí-lín-e₁₁-dè hur-sag-GAM-ta hé-lm-ma-da-ra-e₁₁-dè* (ELA 73—74) «На сверкающую(?) гору пусть он взойдет, со сверкающей (?) горы пусть он сойдет!»;
- 2) *hur-sag-GAM-sè bí-lín-e₁₁-dè hur-sag-GAM-ta im-da-ra-ab-e₁₁-dè* (ELA 165—166) «На сверкающую(?) гору он восходит, со сверкающей(?) горы он сходит»;
- 3) *Zabar-[dib-Unu^{ki}]-ga-ke₄ bàd-sè im-me(?) -e₁₁-dè* (GA 65) «Забардибунуга на стену поднимается»;
- 4) *Gilgameš bàd-sè im-?-e₁₁-dè* (GA 84) «Гильгамеш на стену поднимается»;
- 5) *e-ne sípa-bí-gim eger-bí hé-lm-ús-e* (ELA 481) «Он сам позади них как пастух пусть следует!»;
- 6) *šà-tuku hé-en-zí-zí-l* (GA 54) «Храбрый пусть встанет!»;
- 7) *ni-mi-un-na-zí-zí-l* GLL 73) «Он не встает».

Возможно, сюда же относится и следующий пример: *HUR ni-mi-e-da-an-zí-zí-l* (DG A 68) «Он(?) не встанет (?)». Однако из-за не вполне ясного HUR перед глаголом пример представляется спорным.

б) составной глагол:

- 1) *En-me-er-kár dumu-^dUtu-ke₄ dùg mi-un-bad-bad-du* (ELA 317) «Энмеркар, сын бога Уту, быстро шагает» (составной глагол *dùg... bad*);
- 2) *inim-ma še-anšu-kú-a-gim gir mí-ní-lb-nigin-e* (ELA 394) «Вокруг слов, как около зерна, когда его жрет осел, он ходит» (составной глагол *gir... nigin*);
- 3) *anšu-eden-na bar-rím-ma rím-dí-gim gir ì-tag-tag-ge* (ELA 415) «Как степной осел, бегущий, скачущий, он мчится» (составной глагол *gir... tag*).

ИССЛЕДОВАНИЕ И ВЫВОДЫ

Изложенное выше дает основание для ряда наблюдений:

1. К группе А относятся глаголы: *u₆* «отправляться в путь» (4 аналогичных примера), *ùr* «входить» (1 пример), *súg* (*su₆*) «приходить, подходить» (8 примеров).

На основе примеров для глаголов этой группы можно составить следующую парадигму спряжения:

ед. ч.	мн. ч.
1 л. не засвид.	1 л. -(en)den
2 л. не засвид.	2 л. не засвид.
3 л. -ø	3 л. -eš

2. К группе Б можно отнести глаголы *du* «идти» (в 2 примерах имеет непереходную форму, в 5 примерах переходную); *te* «приближаться» (в 4 примерах имеет непереходную форму, в одном примере — переходную); *gi*₄ «возвращаться» (в двух случаях имеет непереходную форму, в одном переходную); *gig* «поворачиваться, возвращаться» (в одном случае имеет непереходную форму и в одном — переходную); *è* «выходить» (в 4 примерах имеет непереходную форму в одном — переходную), *piḡin* «проходить через» (в одном примере имеет непереходную форму, в одном переходную).

Выводим парадигму для глаголов с непереходным типом спряжения:

ед. ч.	мн. ч.
1 л. не засвид.	1 л. } не засвид.
2 л. -en	2 л. }
3 л. -ø	3 л. }

Примеры употребления глаголов этой группы с переходным типом спряжения позволяют составить следующие парадигмы:

PRAETERITUM

ед. ч.	мн. ч.
1 л. } не засвид.	1 л. } не засвид.
2 л. }	2 л. }
3 л. соц.-акт. -п-	3 л. }
3 л. соц.-пасс. -b-	

PRAESENS-FUTURUM

ед. ч.	мн. ч.
1 л. } не засвид.	1 л. } не засвид.
2 л. }	2 л. }
3 л. -e	3 л. }

3. В группу В входят глаголы *zi* «подниматься» (4 примера); *ús* «следовать» (1 пример), *búg* «спешить» (1 пример), *e*₁₁ «выходить, сходить, восходить» (8 примеров); *tu(r)* «входить» (5 примеров); *kaḡ* «спасаться бегством» (1 пример) и составные глаголы движения¹: *düg...bad* «быстро шагать» (1 пример); *giḡr...niḡin* «кружить» (1 пример); *giḡr...tag* «мчаться» (1 пример); *ú-gu...dé* «идти, уходить» (1 пример); *du*₁₀-*ús-aš...-dib* «быстро бежать» (1 пример).

¹ Переходный тип спряжения составных глаголов, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что именная часть глагола продолжает у них выполнять роль формального прямого объекта.

Их парадигмы:

PRAETERITUM

ед. ч.			мн. ч.		
1 л. }		не засвид.	1 л. }		не засвид.
2 л. }			2 л. }		
3 л. соц.-акт.	-п- (-b-)		3 л. }		
3 л. соц.-пасс.	не засвид.				

PRAESENS-FUTURUM

ед. ч.			мн. ч.		
1 л. -еп		не засвид.	1 л. }		
2 л. -еп			2 л. }		
3 л. -е			3 л. }		

Как уже можно было заметить, в глаголах третьей группы в Praesens-Futurum иногда, а именно перед глагольными корнями *e*₁₁, *zi* и *tu(r)*, появляется префикс *-п-*. Объяснение этого префикса представляет известную трудность.

Поскольку глаголы по содержанию непереходные, префикс *-п-* едва ли следует рассматривать в качестве показателя каузатива. Скорее его можно было бы объяснить как сокращенную форму префикса дательного падежа *-па-* или локативного падежа *-пи-* (тем более что в большинстве предложений глаголы управляют именем в локативном падеже), если бы не два примера, где *-п-* и *-пи-* стоят одновременно в глагольной форме: *im-ta-pi-in-tu-ge-en* (GH 34) и *i-pi-in-tu-tu-dè-en* (GLL 9).

Но в таком случае нельзя ли предположить, что префикс *-п-* развился здесь в общий признак переходного типа спряжения (тогда объяснимо, почему этот префикс отмечался даже в формах 3 л. ед. числа, где суффикс *-е*, казалось бы, уже достаточно точно определял тип спряжения)? В исследуемых эпических текстах только глаголы движения при непереходном значении имеют переходный тип спряжения и только при этих глаголах встречается префикс *-п-* в данном значении.

Чем же объяснить факт, что в исследуемых эпических текстах, относящихся к ранней ступени позднешумерского периода, некоторые глаголы движения спрягаются по переходному типу? Не воспринимались ли эти глаголы шумерийцами как переходные и не имели ли они переходный тип спряжения во все периоды развития шумерского языка?

В связи с этим рассмотрим спряжение шумерских глаголов движения на материале предшествующих эпох¹.

¹ Исследованы тексты, приведенные Ф. Тюр-Данженом (SAKI), А. Фалькенштейном (GSL I, II; далее также «Гудеа»).

§ 1. «Я»

Глагольная форма построена по модели *i-R-e(n)*:

i-gin-e (GSGL I S. 174) «я пойду».

§ 2. «Ты»

Глагольные формы построены по модели *i-R-e(n)*:

- 2) *nin-tu ba-zí-ge* (GSGL I S. 174) «Моя госпожа, пусть ты возвысишься!».

§ 3 «Он»

Глагольные формы построены по модели *i-R* (субъектный показатель отсутствует)¹:

- 1) *Gù-dé-a i-zí* (Гудеа, цил. А XII 12) «Гудеа поднялся»;
- 2) *ⁿNin-gir-su ú-a mi-ni-zí* (Гудеа, цил. В VI 7) «Нингирсу поднялся в величии»;
- 3) *ki a nu-e₁₁-da* (Гудеа, цил. А XI 14) «Место, к которому не шла вода»;
- 4) *ⁿLama-ša-ga-ni eger-ni im-ús* (Гудеа, цил. В II 10) «Его добрая ламассу за ним следовала»;
- 5) *ⁿEn-líl-ra ⁿNin-maḫ tu-ni-ús* (Гудеа, цил. В XIX 21) «За Энлилем Нинмах следовала»;
- 6) *Ur-lum-ma ba-da-kar* (SAKI S. 38) «Урлумма убежал»;
- 7) *é-a ḫul-la i-na-ni-tu* (Гудеа, цил. А VII 30) «В дом радостно к нему он вошел»;
- 8) *gu₄-gim sag-il-la mu-tu-tu* (Гудеа, цил. А XVII 17) «Как бык, с поднятой головой он вступил»;
- 9) *Uš-ensí-Umma^{ki}-ke₄... eden-Lagaša^{ki}-še i-DU* (SAKI, S. 38) «Уш, энси Уммы... в степь Лагаша вошел»;
- 10) *Umma^{ki} gú-eden-na ba-DU-a* (SAKI, S. 21) «(Люди) Уммы, которые вошли в Гуэден»;
- 11) *ḫé-gál ḫé-da-DU* (Гудеа, цил. А XI 11) «Изобилие пусть придет!»;
- 12) *sag-il tu-DU* (Гудеа, цил. А XVIII 13) «С поднятой головой он шел»;
- 13) *ú-dug₄-ša-ni igi-še tu-na-DU* (Гудеа, цил. В II 9) «Его добрый дух-покровитель перед ним шел»;
- 14) *ba-gará é-l₇-gibil-lá-e im-ti-a-ta* (Гудеа, цил. А II 7) «После того как к Багаре, к дому нового канала, он приблизился»;

¹ Говоря об отсутствии в глагольных формах субъектного показателя, следует иметь в виду, что в периоды, предшествующие позднешумерскому, грамматические показатели вообще не всегда четко фиксировались на письме (ср., например, приведенные выше примеры для 1 и 2 л. ед. ч.). Поэтому существует постоянная опасность принять факт графического опущения субъектных показателей за их отсутствие вообще. Но поскольку все же (и это единственный критерий) не засвидетельствовано ни одного примера с глаголом движения в несомненной переходной форме, мы позволяем себе предположить, что в это время они спрягались по переходному типу.

- 15) šag₄-^dEn-líl-lá gú-bé nam-gi₄ (Гудеа, цил. А I 5; 7) «Поток Энлиля к своим берегам вернулся»;
- 16) im-an-na hē-da-a-gi₄ a-ki-a hē-da-a-gi₄ (Гудеа, цил. В IX 19; 20) «Небесный дождь пусть от него уйдет, вода земли пусть от него уйдет!» (букв. «пусть отвернется!»);
- 17) Utu ki-šar-ra ma-ta-è (Гудеа, цил. А VI 22) «Солнце от горизонта поднялось»;
- 18) lú la-ba-ta-è (Гудеа, цил. А IX 27) «Никто не уйдет».

При рассмотрении текстов, дошедших до нас от более ранних эпох развития шумерского языка, обнаруживается, таким образом, что глаголы *zì, e₁₁, ús, tu, ka₉* в контекстах, аналогичных взятым из шумерского героического эпоса, спрягаются по непереходному типу. Более того, глаголы *DU, tu, gi₄, è*, которые в текстах эпоса встречаются как в переходных, так и в непереходных формах, имеют здесь лишь непереходные (§ 3, №№ 7—18) и, следовательно, предположение о существовании в древнюю эпоху переходного типа спряжения шумерского глагола движения не подтверждается. Изменение типа спряжения глаголов этой группы в позднешумерский период (часть глаголов при этом могла иметь и переходные и непереходные формы) следует, вероятно, объяснить влиянием аккадского языка, в котором глаголы движения, как правило, управляют винительным падежом.

Итак, как показало исследование материалов шумерского героического эпоса, спряжение глаголов движения отличалось от спряжения прочих непереходных глаголов: некоторые из них при непереходном значении наряду с непереходными формами могли иметь и переходные (формы с префиксом *-n-* и суффиксом *-e*). Глаголами движения в текстах шумерского героического эпоса исчерпываются случаи переходного спряжения непереходных глаголов. Остальные непереходные глаголы сохраняют свой особый тип спряжения.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Попытаемся теперь сделать выводы из фактов, установленных в результате исследования спряжения глаголов шумерских героико-эпических текстов (порядок изложения мы будем строить соответственно пунктам разногласий, имеющих в настоящее время по данному вопросу, см. выше, стр. 31—32).

Итак, материалы эпоса подтвердили мнение А. Пибеля и А. Фалькенштейна о существовании формального различия между переходными и непереходными глаголами и опровергли точку зрения Р. Жестена, Э. Сольберже и В. Кристиана,

согласно которой в шумерском языке были только две формы спряжения, общие для переходных и непереходных глаголов.

Формальное различие между переходными и непереходными глаголами состояло в следующем: непереходный глагол в противоположность переходному имел только одну форму спряжения, и в данном случае материалы эпоса не подтвердили положение А. Пибеля о наличии у непереходного глагола двух форм спряжения — *Praesens-Futurum* и *Praeteritum*. По А. Пибелю, в «ранний послешумерский» период *Praesens-Futurum* непереходного глагола отличался от *Praeteritum* непереходного глагола вставкой после глагольного корня во всех лицах суффикса *-ed-* и присоединением в 3 л. ед. ч. субъектного показателя *-e*, а в 3 л. мн. ч. *-ene* (в *Praeteritum* *-eš*); в «поздний послешумерский период» суффикс *-ed-* теряет свое значение и опускается. Отныне различие между *Praesens-Futurum* и *Praeteritum* заключается только в том, что в 3 л. *Praeteritum* субъектными показателями являются в ед. ч. *-n-*, во мн. ч. *-n...-eš*, а в *Praesens-Futurum* соответственно *-e* и *-ene*.

Как показало исследование текстов героического эпоса, обособление спряжения форм с суффиксом *-ed-* не имеет смысла. Во-первых, формы непереходного глагола могли выражать незавершенное состояние и без суффикса *-ed-*. Во-вторых, поскольку у переходных глаголов этот суффикс стоял как в *Praesens-Futurum*, так и в *Praeteritum* и, следовательно, не указывал на особый вид спряжения, естественнее предположить точно такое же состояние дел и при непереходных глаголах. Роль суффикса *-ed-*, к сожалению, до сих пор точно не выяснена. Предполагают, что он придавал глаголу значение долженствования или возможности.

Далее, в рассмотренных нами эпических текстах обнаружено 32 примера на непереходный глагол в 3 л. ед. ч. Из них только в двух после глагольного корня находится суффикс *-e* (см. примеры на стр. 38, § 4). В обеих глагольных формах, судя по контексту, стоит в действительности суффикс *-ed-*, который в исходе слова согласно правилу дал *-e* (ср. GSGL I § 54, 2). В остальных 30 случаях непереходные глаголы в 3 л. ед. ч. не имеют субъектных показателей. Для 3 л. мн. ч. засвидетельствовано 8 примеров, и во всех субъектным показателем является суффикс *-eš*.

Таким образом, эпические тексты подтверждают существование формального различия между переходными и непереходными глаголами. Но тем самым они вынуждают нас отбросить как неверное (в отношении языка данных памятников) положение А. Пибеля о переходе в «послешумерский период» непереходных глаголов к спряжению по переходному типу.

Высказывание А. Пибеля об ассимиляции спряжения переходного глагола спряжению переходного оказывается верным в рассматриваемых текстах только по отношению к глаголам движения, поскольку некоторые из них наряду с переходными формами имеют переходные; так, в 3 л. ед. ч. помимо форм без субъектного показателя встречаются формы с суффиксом -е и префиксом -п- и -b-. Наличие внутри известной группы глаголов движения в эпических текстах как переходных, так и непереходных форм, с одной стороны, и, по всей вероятности, отсутствие подобных соотношений в языке предшествующих периодов — с другой, позволяют сделать вывод о том, что процесс ассимиляции спряжения непереходного глагола спряжению переходного только начинался и происходил, очевидно, под влиянием аккадского языка.

В вопросе о спряжении переходных глаголов данные эпических текстов также подтвердили теорию А. Пибеля и А. Фалькенштейна: переходный глагол имел две формы спряжения — *Praesens-Futurum* и *Praeteritum*; в переходном глаголе мог отмечаться как субъект, так и прямой объект; показатели субъекта переходного глагола в *Praesens-Futurum* и *Praeteritum*, установленные на основе исследуемых текстов эпоса, полностью совпали с показателями, обнаруженными А. Пибелем и А. Фалькенштейном.

Материалы текстов помогли нам в решении трудного вопроса о показателях прямого объекта у переходного глагола (ср. выше, стр. 31—32) и позволили установить, что у переходного глагола в *Praeteritum* и *Praesens-Futurum* показатели прямого объекта были различными. Для *Praeteritum* нами засвидетельствованы такие показатели прямого объекта:

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	} не засвид.
2 л.	не засвид.	2 л.	
3 л. соц.-акт.	-ø	3 л.	-eš
3 л. соц.-пасс.	-ø		-ø

При этом показатели прямого объекта совпали с субъектными показателями непереходного глагола, и вся система показателей прямого объекта в *Praeteritum* восстанавливается следующим образом (восстановленные показатели даются в квадратных скобках):

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	-en	1 л.	[-enden]
2 л.	[-en]	2 л.	[-enzen]
3 л. соц.-акт.	-ø	3 л.	-eš
3 л. соц.-пасс.	-ø		-ø

Показатели прямого объекта для Praesens-Futurum:

ед. ч.		мн. ч.	
1 л.	не засвид.	1 л. }	не засвид.
2 л.	-е- (??)	2 л. }	
3 л. соц.-акт.	-п- (-b-)	3 л. -b- (-п-)	
3 л. соц.-пасс.	-b- (-п-)		

В ед. ч. показатели прямого объекта в Praesens-Futurum тождественны показателям субъекта в Praeteritum. Во мн. ч. показатель прямого объекта известен только для 3 л., им является префикс -b- (-п-), причем -b- тоже совпадает с показателем субъекта 3 л. мн. ч. Praeteritum (см. стр. 57). Таким образом, не исключено, что и во мн. ч. показателями прямого объекта в Praesens-Futurum служили субъектные показатели в Praeteritum.

Эти же показатели прямого объекта ед. числа есть в формах с префиксом наклонения ga- (отражающем также субъект 1 л.): „я — его (соц.-акт.)“, модель ga-n-R; „я — его (соц.-пасс.)“, модель ga-b-R (и ga-n-R, 1 случай), возможно, „я — тебя“, модель ga-e-R (?):

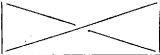
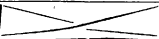
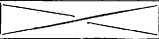
lugal-mu gá-ni na ga-e-ri (ELA 627,69) «Мой господин, дай я тебя научу!»

Однако этот пример сомнителен, ср. па-...ri с косв. падежом SSA, р. 101,1:Šuruppak-e dūmu-ni-ra na pa-ti-un-ri-ri „Шуруппак дает совет своему сыну“.

Однако субъектный показатель 1 л. мн. ч. Praeteritum до сих пор в текстах не засвидетельствован и был восстановлен А. Пибелем на основе силлабария, записанного на так называемой «табличке Бертини» (GSG § 443). С помощью той же таблички А. Пибель, правда — весьма предположительно, реконструировал и показатель субъекта 2 л. мн. ч. Praeteritum в виде префикса -ene- (GSG § 447). Иную форму для показателя субъекта 2 л. мн. ч. -e-...-a(e)ne и только на основании двух примеров дает А. Фалькенштейн (GSGL I § 50 2 а 6). Учитывая вышеизложенное, мы считаем оба показателя субъекта в Praeteritum окончательно не установленными.

Теперь, пользуясь принципом, предложенным Д. О. Эдцардом (см. стр. 26—27), попытаемся с помощью полученных данных составить сводные парадигмы спряжения шумерского глагола в Praeteritum и Praesens-Futurum.

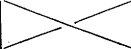
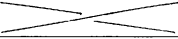
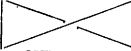
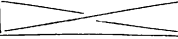
СВОДНАЯ ПАРАДИГМА СПРЯ

Субъект Объект	1 л.	2 л.	3 л. соц.-акт.
1 л.		i-e-R-en	i-n-R-en
2 л.	[i-ʔ-R-en]		[i-n-R-en]
3 л. акт.	[i-ʔ-R]	[i-e-R]	i-n-R
3 л. пасс.	[i-ʔ-R]	i-e-R	i-n-R i-b-R
1 л.		[i-e-R-enden]	[i-n-R-enden]
2 л.	[i-ʔ-R-enzen]		[i-n-R-enzen]
3 л.	[i-ʔ-eʃ] [i-ʔ-R]	[i-e-R-eʃ] [i-e-R]	i-n-R-eʃ i-n-R

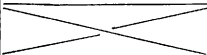
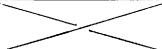
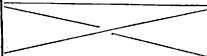
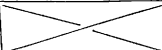
СВОДНАЯ ПАРАДИГМА СПРЯ

Субъект Объект	1/2 л.	3 л.
1 л.	[i-ʔ-R-en]	[i-ʔ-R-e]
2 л.	i-e-R-en	[i-e-R-e]
3 л. акт.	i-n-R-en	i-n-R-e
3 л. пасс.	i-b-R-en	i-b-R-e
1 л.	(i-me-R-en)	(i-me-R-e)
2 л.	(i-ene-R-en) (i-e-R-a-(e)ne-en)	(i-ene-R-e) (i-e-R-a-(e)ne-e)
3 л.	[i-b-R-en]	i-b-R-e

ЖЕНИЯ PRAETERITUM

3 л. соц.-пасс.	1 л.	2 л.	3 л.
[i-b-R-en]		(i-ene-R-en) (i-e-R-a-(e)ne-en)	[i-b-R-en]
[i-b-R-en]	(i-me-R-en)		[i-b-R-en]
i-b-R	(i-me-R)	(i-ene-R) (i-e-R-a-(e)ne)	i-n-R-eš i-b-R
i-b-R	(i-me-R)	(i-ene-R) (i-e-R-a-(e)ne)	i-n-R-eš [i-b-R]
[i-b-R-enden]		(i-ene-R-enden) (i-e-R-a-(e)ne-enden)	[i-b-R-enden]
[i-b-R-enzen]	(i-me-R-enzen)		[i-b-R-enzen]
[i-b-R-eš] [i-b-R] i-R-R	(i-me-R-eš) (i-me-R)	(i-ene-R-eš) (i-ene-R) (i-e-R-a-e(ne)-eš (i-e-R-a-e(ne))	[i-b-R-eš] [i-b-R] [i-n-R-eš]

ЖЕНИЯ PRAESENS-FUTURUM

1 л.	2 л.	3 л.
	[i-?-R-enzen]	[i-?-R-ene] [i-?-R-e]
[i-e-R-enden]		[i-e-R-ene] [i-e-R-e]
[i-n-R-enden]	[i-n-R-enzen]	i-n-R-ene [i-n-R-e]
i-b-R-enden	[i-b-R-enzen]	i-b-R-ene i-b-R-e
	(i-me-R-enzen)	(i-me-R-ene) (i-me-R-e)
(i-ene-R-enden) (i-e-R-a-e(ne)-enden)		(i-ene-R-ene/e) (-i-e-R-a-e(ne)-ene/e)
[i-b-R-enden]	[i-b-R-enzen]	[i-b-R-ene] [i-b-R-e]

Пояснения к парадигмам

1. Показатели прямого объекта выделены курсивом.
2. Перечеркнутыми клетками отмечены случаи, когда субъект и прямой объект встречаются в одном лице.
3. В квадратных скобках заключены модели, не засвидетельствованные в наших текстах.
4. В круглых скобках приведены сомнительные формы.
5. Если в *Praeteritum* субъектом, а в *Praesens-Futurum* прямым объектом является местоимение 2 л. мн. ч., то в парадигме приводятся две модели — одна с показателем, восстанавливаемым для этого лица А. Пелбелем (первая), другая с показателем, предлагаемым А. Фалькенштейном (вторая).
6. При составлении парадигм сделано следующее допущение: во всех случаях, где из-за показателя -п-... -её могли возникнуть громоздкие формы, он заменяется префиксом -b-.

Итак, если строить глагольные формы по приведенным в парадигмах моделям, громоздкие конструкции получаются в *Praeteritum* в соотношениях «вы — меня», «вы — нас», «вы — их», в *Praesens-Futurum* — в соотношениях «я/ты — вас», «мы — вас», «они — вас», т. е. когда субъектом (*Praeteritum*) или прямым объектом (*Praesens-Futurum*) является местоимение 2 л. мн. ч., а в качестве показателя этого субъекта или прямого объекта берется формант, предлагаемый А. Фалькенштейном. Однако показатель субъекта 2 л. мн. ч. считается нами окончательно не установленным. Поэтому говорить что-либо о самих формах бесполезно, и в парадигмах они приводятся лишь постольку, поскольку какие-то, хотя и предположительные, показатели субъекта 2 л. мн. ч. все-таки должны быть. То же относится и к глагольным формам *Praeteritum* с показателем субъекта 1 л. мн. ч. и *Praesens-Futurum* с показателем прямого объекта 1 л. мн. ч. В парадигмах указанные формы специально отмечаются как сомнительные.

В настоящее время, как указывалось выше, существуют разногласия по вопросу о роли префиксов -п- и -b- в *Praeteritum* и *Praesens-Futurum*.

В исследуемых текстах в *Praeteritum* засвидетельствовано около 140 глагольных форм, содержащих префикс -п-. Во всех 140 случаях префикс -п- является показателем субъекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса. Кроме того, обнаружено 19 глагольных форм, построенных по модели i-b-R, и в 11 случаях префикс -b- отмечает в глаголе субъект 3 л. ед. ч. соц.-пасс. класса. В остальных 8 формах засвидетельствовано соотношение «он (соц.-акт.) — его (соц.-пасс.)». Но в 120 случаях на такое соотношение глагольные формы строятся по модели i-p-R и только в 8 упомянутых — по модели i-b-R.

Возникает вопрос, что здесь, собственно, отмечает в глаголе префикс -b-?

Возможны следующие предположения: префикс -b- отмечает либо прямой объект, либо каузатив, либо субъект.

Показателем прямого объекта префикс -b- быть не мог: по нашим данным, прямой объект соц.-пасс. класса имел нулевой показатель. Также приходится отбросить предположение о префиксе -b- как показателе каузатива, ибо, судя по контексту и вариантам, глагольные формы с префиксом -n- семантически равнозначны формам с префиксом -b-. Следовательно, остается лишь допустить, что префикс -b- наряду с префиксом -n- отмечал в глаголе субъект 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса. Однако из-за недостаточного количества материала считать этот вывод окончательным представляется преждевременным.

В Praesens-Futurum с префиксом -n- обнаружено 42 глагольные формы: в 8 из них префикс -n- представляет собой показатель прямого объекта 3 л. ед. ч. соц.-акт. класса; примерно в 20 случаях его, по всей вероятности, нужно рассматривать как сокращенную форму написания пространственных префиксов -n_i- и -n_a- (см. стр. 77 — 78); в остальных приблизительно 20 формах прямым объектом являются имена соц.-пасс. класса.

Глагольных форм Praesens-Futurum с префиксом -b- засвидетельствовано 79; в 76 случаях префикс -b- отмечает в глаголе прямой объект, выраженный именем соц.-пасс. класса, в 3 — прямой объект представляет собой имя соц.-акт. класса.

Как и при разборе форм Praeteritum, здесь могут возникнуть следующие предположения: либо префикс -n- отмечал в глаголе прямой объект соц.-пасс. класса, а префикс -b- прямой объект соц.-акт. класса, либо префиксы -n- и -b- там, где они непонятны, являются показателями каузатива.

Последнее сразу же отбрасывается по причине, изложенной при рассмотрении форм Praeteritum, и, таким образом, напрашивается вывод, что префиксы -n- и -b- в качестве показателей прямого объекта не делились по классам. Однако и здесь этот вывод не следует считать окончательным. Поэтому правильнее всего, очевидно, просто отметить уже обнаруженное другими исследователями чередование префиксов -n- и -b- в семантически однозначных формах Praeteritum и Praesens-Futurum.

В исследуемых текстах, как уже говорилось, нами обнаружены случаи, когда в глагольных формах показатели субъекта или прямого объекта отсутствуют. Приведенная ниже таблица показывает, что такие случаи были редки:

показатели субъекта			показатели пр. объекта	
имеются		отсутствуют	имеются	отсутствуют
Praeteritum	184 ¹	34	16	—
Praesens-Futurum	≈ 140	≈ 50 ²	≈ 120	60

Примечания к таблице

1. В Praeteritum зафиксировано 11 случаев, в которых префикс -b- перешел в -m-; в Praesens-Futurum встретились 8 аналогичных случаев.
2. Почти все факты отсутствия показателя субъекта в Praesens-Futurum приходятся на глагольные корни, оканчивающиеся на гласный — очевидно, случаи поглощения -е.

Формы, где субъект или прямой объект не отмечались в глаголе, отнесены нами к случаям исторического написания: отсутствие в глагольных формах показателей субъекта или прямого объекта легко объясняется действием фонетических законов и графических правил, характерных для предшествующих эпох, но совершенно утративших силу в позднешумерский период, то есть ко времени составления наших текстов.

Итак, все изложенное выше приводит нас к утверждению, что тексты шумерского героического эпоса содержат ценный дополнительный материал, который оказывает значительную помощь в разработке ряда спорных проблем, касающихся спряжения шумерского глагола. Если на основе представляемого эпосом материала не всегда удавалось решить эти проблемы, то во всяком случае представлялась возможность проверить справедливость теорий, выдвинутых по данному вопросу исследователями шумерского языка.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРАГМЕНТ ХЕТТСКОЙ ИЕРОГЛИФИЧЕСКОЙ НАДПИСИ (СН XXIII С)¹

Еще в 1893 г., на заре развития хеттологии, в одном парижском журнале была опубликована очень несовершенная автография фрагмента хеттской иероглифической надписи на черном базальте². Фрагмент этот хранился в то время в Католической армянской семинарии в г. Мараш (Турция), и монахи показывали его ученым с великой неохотой и чинили препятствия попыткам его скопировать. Поэтому, когда Л. Мессершмидт готовил свой «Корпус хеттских (иероглифических) надписей», ему пришлось ограничиться только воспроизведением упомянутой копии и передачей весьма неполных, а возможно, и неточных сведений об интересующем нас фрагменте³. И хотя Мессершмидт оставляет вопрос о том, где был найден фрагмент, открытым, Мараш и поныне принято считать местом его происхождения, поскольку ученые впервые познакомились с ним именно здесь. Так, А. Г. Сэйс приводит в 1903 г. фотографию фрагмента⁴ с подписью «Hittite inscription on a monument found at Merash» («Хеттская надпись на памятнике, найденном в Мараше»). За Сэйсом в этом отношении следует П. Мериджи⁵, а также и Х. Т. Боссерт⁶.

¹ Сообщение о фрагменте см. в сб. в честь 70-летия члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской, вып. II (в печати).

² W. M. Ramsay and D. G. Hogarth, *Pre-Hellinic Monuments of Cappadocia*, III (Recueil de travaux relatifs à la philologie et l'archéologie Egyptiennes et Assyriennes, Paris) 1893, p. 97, pl. II B.

³ L. Messerschmidt, *Corpus inscriptionum Hettitarum I, II*, — «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft», Berlin, 1900, Bd. 4, 5, № XXIII C (коп. СИ).

⁴ A. H. Sayce, *The Decipherment of the Hittite Inscriptions*, — «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology», vol. XXV, 1903, p. 284.

⁵ P. Meriggi, *Neue bildhethitische Fragmente aus Syrien*, — «Festschrift Johannes Friedrich», Heidelberg, 1959, S. 334—335, Abb. 3a.

⁶ H. Th. Bossert, *Reisebericht aus Anatolien, II*, — «Orientalia», XXIX, 1960, 2, p. 220; idem., *Ist die B.-L. Schrift im wesentlichen entziffert?*, — «Orientalia», XXIX, 1960, 4, p. 437.

До самого последнего времени оставалось также неизвестным, где находится сам фрагмент, и полагали, что он утрачен. Между тем, как выяснилось, он хранится в Ленинграде, в собрании Государственного Эрмитажа, и экспонирован на выставке «Культура и искусство Вавилонии, Ассирии и соседних стран» (зал № 15). Первоначально интересующий нас памятник принадлежал к коллекции акад. Н. П. Лихачева, переданной им в Институт истории АН СССР, а затем, с 18 марта 1938 г., пополнившей фонды Государственного Эрмитажа. Очевидно, Н. П. Лихачев приобрел нашу надпись в начале века в Стамбуле.

Даже беглого сравнения Ленинградского фрагмента со всеми воспроизведениями надписи XXIII C (по Мессершмидту) достаточно для их отождествления. Ленинградский фрагмент и фотография в издании Сэйса сходны до мельчайших деталей. Однако при этом: 1) контуры на фотографии несколько отличаются от контуров фрагмента (на фотографии памятник как бы меньше: у него срезаны края); 2) фотография воспроизводит надпись в зеркальном изображении, и следовательно, фотографировали не самый фрагмент, а эстампаж с него⁷. В то же время копия, опубликованная Рамсеем и вслед за ним Мессершмидтом, делалась с подлинника и ориентирована правильно⁸.

Итак, надпись XXIII C (по Мессершмидту) открыта вторично — в Ленинграде (музейный № □ 18589). Сам фрагмент не является новинкой для хеттологов — надпись очень рано вошла в число известных ученым памятников хеттской иероглифики. Но затем она надолго была забыта. Однако теперь, когда мы располагаем подлинником фрагмента, открываются новые возможности в его изучении, тем более что в связи с недавней публикацией Мериджи к этой забытой надписи вновь пробудился живой интерес, выражением которого явились, в частности, новая автография, транскрипция и попытка перевода, предложенные Боссертом.

Ленинградский фрагмент состоит из двух строк, причем верхняя (первая) размещена на плоской поверхности, а нижняя

⁷ Это обстоятельство отмечено Х. Т. Боссертом, причем сначала он считал зеркальной копию, опубликованную Мессершмидтом (*Reisebericht...*, р. 220), и лишь при дальнейшем, более углубленном изучении надписи установил, что зеркальным является воспроизведение эстампажа у Сэйса. Соответственно в статье *Ist die B.-L. Schrift... entziffert?*, р. 435, Боссерт дает правильно ориентированную автографию.

⁸ Вопрос о правильной ориентации копии — будь это автография или фотография — приобретает принципиальное значение особенно при поисках «стыка» фрагмента и попыток воссоединить фрагмент с надписью или частями надписи, к которой он относится.

(вторая) — на скругленной (выпуклой). Обе строки представляют собой врезанные в камень горизонтальные графы с рельефными знаками и рельефной же горизонтальной линией между графами. Выступающие края камня ограничивают первую графу слева и сверху, и, следовательно, перед нами левый верхний угол надписи. Не исключено, что, как указывается в нашем сообщении об этом фрагменте, она была высечена на скульптуре. В таком случае сам фрагмент может быть обломком крупа или задней ноги скульптурного изображения льва. (См. приложение табл. I и Ia).

Первая строка читается справа налево (сохранился конец строки), а вторая — слева направо (сохранилось начало строки). В первой строке один поврежденный столбец (сохранилась лишь часть одного знака) и 6 целых, во второй строке — начало 8 столбцов (сохранилось по 1—2 знака в каждом столбце, в том числе несколько сильно поврежденных). Знаки по своему характеру, как показал еще Рамсей⁹, совпадают со знаками каркемишских надписей¹⁰. Общее число знаков — 33: в первой строке — 18 (один сильно поврежденный), во второй — 15 (пять сильно поврежденных). Так как столбцы читаются сверху вниз, а от второй строки сохранились лишь начальные знаки столбцов, чтение этой строки в настоящее время невозможно. (См. табл. Ia).

Результаты попыток чтения первой строки пока противоречивы.

Остановимся на транскрипции Мериджи:

...]-à-i *DUMU*-la-i š.g-[l]i-nu-nu-ha i 22-i-s a-la×i-ta

Здесь прежде всего нужно отметить ошибочное восстановление [l]i — первого знака в четвертом столбце справа (считая за первый столбец часть поврежденного знака на правом краю); знак не вполне отчетлив, может допускать колебания между фонетическим чтением ha и определением как детерминатив «женщина», но чтение li исключено. Остался незамеченным Мериджи «язык, торчащий изо рта» в первом знаке последнего столбца¹¹. Между тем это серьезно меняет

⁹ W. M. Ramsay and D. G. Hogarth, *Pre-Hellenic Monuments...*, p. 97.

¹⁰ На это обстоятельство вновь обратил внимание И. Дж. Гельб, видевший Ленинградский фрагмент в 1960 г.

¹¹ E. Laroche, *Les hiéroglyphes hittites*, I, Paris, 1960 (сокр. LHN), p. 16, № 22. Впрочем, эту ошибку Мериджи исправил в своем словаре, см. P. Meriggi, *Hiéroglyphisch-hethitisches Glossar*, Zweite, voll. umgearb. Aufl., Wiesbaden, 1962; сокр. NHG), где на стр. 183 он принял чтение Босцетта, хотя и не согласился с переводом последнего: «20-la×i-ta Prt. 3: „sagte(n) an“ oder „wurde angesagt“? XXIII C 1 E. Subjekt (? Objekt) ist 22-i-s „Streit“».

дело: знак не читается *a*, а обозначает логограмму «говорить», входящую здесь в написание глагола говорения, точное значение которого неизвестно [«объявлять» (?), «провозглашать» (?), «произносить» (?)].

Далее вызывает сомнение перемещение у Мериджи знаков из столбца в столбец, невзирая на достаточно отчетливое размещение знаков по вертикали; так, последний знак (лигатура) в 4-м столбце справа — *s-g* в транслитерации Мериджи — перемещен им в третий столбец, а последний знак пятого столбца — *ha* — в четвертый. Естественно, что полученное таким образом чтение не может дать связного текста и отдельные, правильно интерпретированные слова [^kDUMU^k-la-i «den Brüdern», 22-i-s «Streit» — Sg. N. (A. ?)] друг с другом никак не согласуются.

Рассмотрим теперь транскрипцию Боссерта:

[...] 11-à-za DUMU-la-ⁿza^{SAL} na-na-sa + ra-ⁿza-ha asala-za-s^{EME} la + za-da¹²

Сомнительно прежде всего предлагаемое Боссертом чтение *za/i* вместо *i* и *i* (по Ларошу¹³ и Мериджи¹⁴), которое для интерпретации данного отрывка специфического значения не имеет и должно быть предметом специального обсуждения. Если же, следуя за Ларошем и Мериджи, отвлечься от индивидуальных особенностей транслитерации Боссерта и привести данный отрывок для удобства сравнения в передаче Мериджи, то он примет вид: [...] 11-à-i DUMU-la-i^{SAL} n.-n.-š¹-r-i-ha 22-i-s²⁰ la × i-ta.

В отношении соблюдения порядка знаков в столбцах Боссерт вполне последователен. Нельзя не согласиться, как только что говорилось, и с его предложением читать первый знак последнего столбца как *EME* (логограмма или детерминатив «говорить»; № 20 по Мериджи, № 22 по Ларошу) вместо *a*; однако Боссерт, по-видимому, ошибается, принимая его нижнюю часть за правую часть знака, иногда употреблявшегося в качестве показателя логограммы (№ 410 по Ларошу — ср. автографию Боссерта); на явном недоразумении основано и также связанное с недостаточной отчетливостью эстампажа чтение числа 11: судя по сохранившейся у отбитого правого края надписи части знака, это мог быть знак «СОСУД» (№ 337 по Ларошу).

Убедительно чтение третьего и четвертого столбцов — ^{SAL}n.-n.-š¹-r-i-ha и его сопоставление с лувийским *nanaš(a)ri(ya)-

¹² H. Th. Bossert, *Ist die B.-L. Schrift... entziffert?*, p. 434.

¹³ LHN, pp. 199—200, № 376, 377.

¹⁴ HNG, S. 90, 243.

«sœur»¹⁵ (-ha — давно установленный суффиксальный союз «и»). Зато приведенное Боссертом фонетическое чтение (asala-) логограммы (№ 22 по Мериджи, № 24 по Ларошу) недостаточно обоснованно. Интерпретация глагола 20-la-xi-ta, по Боссерту [EME la-za-da «er war gut» («он был добр»)], тоже вызывает сомнение, так как, с одной стороны, выводится из сравнения с хеттским клинописным прилагательным lazzai- «хороший; счастливый» и, стало быть, предполагает доказанным весьма сомнительное чтение za вместо i, а с другой — опирается на пример из билингвы, где хеттское иероглифическое ag + ha-ha-wā la+za-pu-ha (в чтении Боссерта) обычно переводится в соответствии с финикийским — jhw, дословно «я оживил» и толкуется как каузативная форма от глагола 20-la+za-ta, который соответственно переводится Боссертом «glücklich/gut sein», «in Ordnung bringen» («быть счастливым, добрым», «приводить в порядок»).

В итоге связный перевод первой строки Ленинградского фрагмента, предлагаемый Боссертом, звучит довольно странно: «[meine ?] 11 Brüder und Schwestern brachte die 'Vergeltung' in Ordnung». «[моих ?] 11 братьев и сестер 'воздаяние' привело в порядок».

Если даже отвлечься от приведенных возражений, касающихся толкования отдельных слов фразы, сомнительна уже сама по себе трактовка падежа на -ī (по Боссерту, на -za) как вин. пад. мн. ч., поскольку -ī может обозначать либо дательный-местный падеж мн. ч. (что в данном случае и имеет место), либо вин. пад. ед. ч. ср. р. (в нашем примере исключается). На аналогичную ошибку Боссерта при чтении билингвы из Каратепа указал в свое время И. Дж. Гельб¹⁶.

Дательный-местный падеж мн. ч. имен существительных 45-la-ī¹⁷ «братьям» и ⁷⁹pa-na-s(a)-g-i-ha¹⁸ «сестрам» хорошо согласуется в данном контексте с вин. пад. ед. ч. имени существительного, обозначаемого логограммой № 24 (№ 22

¹⁵ E. Laroche, *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959, p. 73.

¹⁶ I. J. Gelb, *The Contribution of the Cilician Bilinguals to the Decipherment of Hieroglyphic Hittite*, Chicago, 1950, p. 27: «It may be rather bold of me to say but it seems that Bossert finds himself at present, with all the help from the Karatepe inscriptions, in a stage which, as far as the h.H. grammar is concerned, may be considered a step backward from that reached in 1942 in *Hittite Hieroglyphs III*. Here are some specific examples: Noun, neuter sg. acc. in -ī interpreted as acc. pl., neuter pl. nom. in -ā interpreted as dat.-loc. sg.; dat.-loc. pl. in -ī misunderstood...».

¹⁷ Здесь и ниже я пользуюсь транслитерацией Лароша LHN, которую я обычно употребляю, так как мне кажется, что в дальнейшем она станет наиболее распространенной.

¹⁸ Знак № 79 (по Ларошу) — детерминатив «женщина».

по Мериджи): 24-i-s. «спор, столкновение» («Streit»¹⁹), «гнев» (harsala- «colère») — глагол того же корня harsalai- как раз управляет дат. пад. лица, к которому относится²⁰, и аналогичное управление весьма вероятно и для имени существительного с тем же значением.

Подводя итог сказанному, для первой строки Ленинградского фрагмента—[...]-à-ī 45-la-ī ⁷⁹па-па-s(a)-г(a)-ī-ha 24-ī-s 22-la + i-ta, — можно предложить следующий перевод: «(по отношению к) [...]ым²¹ братьям и сестрам гнев был объявлен».

Перевод фразы, вырванной из контекста (а именно с такой фразой мы здесь имеем дело), следует, разумеется, считать лишь предварительным. Для окончательного суждения нужен более полный контекст. Как знать, может быть, дальнейшие поиски приведут к его обнаружению, а настоящая (вторая) заметка о Ленинградском фрагменте поможет в этих поисках, так как содержит сведения историколингвистического характера, рассеивает укоренившееся заблуждение относительно происхождения надписи²² и ее формы, а также дает транслитерацию и перевод, в некоторых отношениях отличающиеся от предла- гавшихся ранее.

¹⁹ HNG, S. 184.

²⁰ LNH, p. 18.

²¹ Слово повреждено: это может быть прилагательное, согласованное с существительным «братья» и «сестры».

²² Мнение, будто надпись происходит из Мараша, во всяком случае спорно: скорей же всего, судя по палеографическим особенностям, местом ее происхождения является Каркемиш.

А. Г. Периханян

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ АРМЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

*Посвящается
1600-летию юбилею
Месропа Маштоца,
изобретателя армянской
письменности*

Надписи на арамейском языке, обнаруживаемые по сей день в разных уголках Передней Азии, свидетельствуют о том, что арамейский язык продолжал сохранять здесь свое значение *lingua franca* и в послеахеменидский период. В Армении арамейские памятники представлены надписями первой половины II в. до н. э. (с письмом, примыкающим к письму арамейских памятников малоазиатского круга) и надписью из Гарни (II—III вв. н. э.), связанной с северомесопотамской арамейской письменной традицией (см. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1964, № 3). Таким образом, использование в делопроизводстве арамейского языка и письма в Армении, в условиях отсутствия письменности на родном языке, засвидетельствовано документально в рамках почти пяти столетий, вплоть до победы в стране христианства, когда на смену уже мертвому канцелярскому языку в качестве одного из официальных языков государства и церкви пришел живой сирийский язык.

Находка гарнийской надписи, связанной с арамейской письменной традицией, шедшей из Северной Месопотамии, проливает некоторый свет и на вопрос о происхождении армянской письменности.

Согласно армянской исторической традиции армянское письмо было создано Месропом Маштоцем, сыном Вардана, уроженцем деревни Хацекац Таронской области. Данные о жизни и деятельности Маштоца известны нам по биографии, написанной в середине V в. его учеником Корюном, одним из переводчиков Библии на армянский язык, и свидетельствам

ряда историков (особенно Лазаря Парбского)¹. Маштоц родился около 361 г. и в отроческие годы был отправлен в Антиохию для получения эллинского образования². В антиохийской школе, в которой преподавал известный ритор Либаний, учился в это время и Теодор из Мопсуэстии, с которым Маштоц сдружился; впоследствии Теодор из Мопсуэстии написал для Маштоца трактат о религии магов. В царствование Хосрова IV (385—388) Маштоц прибывает в Валааршапат и поступает на службу писцом-архивариусом (dpir) в царскую канцелярию при хазарапете Армении Араване; как сообщает Лазарь Парбский, делопроизводство в царской канцелярии велось в это время на греческом и сирийском языках. Служба в канцелярии оказалась недолгой: Маштоц принимает через несколько лет духовный сан и отправляется в область Гохти для проповеднической деятельности. Здесь он особенно остро ощущает необходимость создания письменности на родном языке для христианского просветительства. По возвращении из Гохтна Маштоц делится своими планами о создании армянской письменности с католикосом Сааким и находит полную под-

¹ О Маштоце и его деятельности упоминают также Езник (V в.), константинопольский патриарх Прокл (390—446 гг.), Моисей Хоренский, католикос Авраам (VI в.), анонимный греческий автор VII в., Себеос (VII в.), агиографическое произведение «Житие Нерсеса» и др. Литература, посвященная этим источникам, обширна, отмечу только несколько исследований: Г. Халатьян, *Армянские Аршакиды в Истории Армении Моисея Хоренского*, М., 1903, стр. 306—335; J. Marquart, *Über den Ursprung des armenischen Alphabets in Verbindung mit der Biographie des heil. Maštoč*, Wien, 1917; Н. Адонц, *Неизвестные страницы из жизни Маштоца и его учеников по неармянским источникам*, — «Handès Amsōreay», 1925, № 5—12 (на арм. яз.); Г. Ачарян, *Армянская письменность*, Вена, 1928; Я. А. Манандян, *Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность*, Ереван, 1941; его же, *Критический обзор*, стр. 243—275.

² Биография Маштоца излагается мною в общих чертах и в соответствии с исследованиями Н. Г. Адонца и Я. А. Манандяна (см. предыдущ. прим.). Следует, однако, оговорить, что тут не все бесспорно и при нынешнем состоянии наших источников у историков не может быть единства во мнениях в данном вопросе. Так, например, дата изобретения Маштоцом армянского алфавита (≈392—393 гг.), устанавливаемая Н. Г. Адонцом и Я. А. Манандяном, основана на имеющейся у Корюна датировке пятым годом царствования Врамшапуха и на отождествлении Н. Г. Адонцом Руфина армянских источников с Руфином — учеником Теодора Мопсуэстийского (весьма вероятно, но не доказанном). Некоторыми исследователями эта дата отодвигается на десяток лет вперед (в этом случае снимается и упомянутое отождествление, так как Руфин в конце девяностых годов IV в. находился уже в Риме). Для задач, стоящих в центре внимания данной статьи, перенос датировки изобретения Маштоца на десяток лет в ту или иную сторону не имеет никакого значения, как и некоторые другие спорные детали в его биографии. Датировка 392—393 гг. предлагается мною читателю как условная.

держку; последнему удастся также заинтересовать этой задачей царя Армении Врамшапуха (388—414), который сообщает им, что, по имеющимся у него сведениям, у сирийского епископа Даниила случайно оказались «армянские письмена». За этими письменами посылают к упомянутому Даниилу³ и доставляют их в Валаршапат; однако попытка Месропа Маштоца приспособить эти «письмена» для передачи армянского текста кончается неудачей, ибо, как сообщает Корюн, они (в количестве 22 знаков⁴) оказываются «недостаточными для передачи слогов (т. е. в них отсутствовали гласные. — А. П.) и (звуковых) сочетаний („связей“), армянского языка, поскольку письмена эти, из чужой письменности, были заброшены („захоронены“) и случайно оказались воскрешенными». Моисей Хоренский также говорит о недостаточности «данииловых» письмен для точной передачи звукового состава армянского языка. После этого Маштоц по приказу Врамшапуха отправляется с группой учеников-отроков «в страну Арам» в города Эдессу и Амид. Учеников делят на две группы — одну оставляют в Эдессе для получения сирийского образования, другую отправляют в Самосату для прохождения греческой школы. Сам же Маштоц остается в Месопотамии (в Амиде), где около 392—393 гг. и изобретает армянскую азбуку⁵. Корюн, который, как и подобает христианскому автору V в., приписывает это божественной благодати и деснице господя, пишет, что Маштоц «изобрел письмена со слогами (т. е. приспособленные для передачи слогов. — А. П.), дав им названия и порядок». По версии, сохранившейся у Вардана, в пятый год его (Врамшапуха) и в первый год Шапуха, сына Арташира, святой Месроп изобрел армянскую письменность; двадцать два знака, от старых времен, найденные у сирийца Даниила, вследствие негодности для передачи (звукового) богатства нашего языка были оставлены предками, довольствовавшимися греческими, сирийскими и персидскими письменами».

³ В сирийских синодальных списках упоминаются два епископа, носивших это имя, которые были современниками Маштоца и могут быть поэтому отождествлены с сирийским епископом Даниилом текста Корюна: Даниил, епископ Арзанены (Beð Arzon), участник соборов 410 и 424 гг., Даниил, епископ Моксены (Beð Moksayē), участник собора 410 г. (см. J.-B. Chabot, *Synodicon Orientale*, Paris, 1902, pp. 272, 274, 285, 617). Поскольку Арзанена играла более важную роль в культурно-историческом отношении, чем Моксена, в ней естественнее также видеть и хранительницу той письменной традиции, о которой сообщает Корюн.

⁴ Эту цифру сообщает Вардан (XIII в.), пользовавшийся, видимо, более ранней и аутентичной редакцией сочинения Корюна, чем та, которая до нас дошла.

⁵ См. Н. Адонц, *Неизвестные страницы...*, № 9—10, 11—12; Я. А. Манандян, *Критический обзор...*, стр. 259—266.

Из Амида Маштоц направляется в Самосату к каллиграфу Руфину (в армянских источниках: Ռօր'անոս, Րփ'ինոս, Րփ'անոս), ученику Теодора из Мопсуэстии. Руфин, по словам Корюна, помог Маштоцу в изобретенных им письменах «установить и увязать окончательно (знаки. — А. П.) тончайшие, короткие и длинные, отдельные и сдвоенные», подверг их графической отделке. После этого Маштоц со своими двумя учениками, Иоанном из Акилисены и Иосифом из Паланакана (Палина), приступил к переводу первого текста, записанного армянским письмом, — «Притч Соломона», — каллиграфический список которого был изготовлен Руфином. Далее в источниках рассказывается о том, как Маштоц при содействии духовных и светских властей развивает вместе со своими учениками просветительскую деятельность по введению школьного обучения на армянской письменности и переводу библейских книг, сначала в Восточной Армении, а затем и в западной ее части, входившей в это время в состав Византии, а также о его активном участии в изобретении грузинского и албанского письма. Умер Маштоц в старости 13 мехекана (17 февраля) 440 г. Такова в общих чертах история изобретения армянского письма по дошедшей до нас литературно-исторической традиции.

В научной литературе относительно происхождения армянского письма, его источника, высказывались различные точки зрения, но вопрос продолжает оставаться открытым. По Р. Лепсиусу и П. де Лагарду⁶, в основе алфавита Маштоца лежит греческое письмо с добавлением четырех коптских знаков и двух сирийских. Полностью из греческого письма производили армянское письмо В. Гардтхаузен⁷ и ряд других исследователей. На мысль о греческом происхождении наводила, безусловно, греческая система, направление письма, порядок букв и способы передачи дифтонгов армянским письмом, однако попытки доказать происхождение армянских букв от греческих представляют насилие над палеографией и пренебрежение элементарными нормами методики подобных исследований — вряд ли их можно принимать всерьез⁸.

⁶ R. Lepsius, *Standard Alphabet for Reducing Unwritten Languages to a Uniform Orthography*, Berlin, 1855, p. 133; P. de Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*, Leipzig, 1866, S. IX, X; idem, *Armenische Studien*, S. 2.

⁷ W. Gardthausen, *Ueber den griechischen Ursprung der armenischen Schrift*, — ZDMG, 1876, XXX, S. 62 sq.; из других исследователей, высказывавшихся в пользу греческого происхождения армянского письма, отмечу Г. Ачаряна (см. *Армянская письменность*).

⁸ Приведу для иллюстрации образцы такого рода производства армянских букв из труда А. Г. Абрамяна, *История армянского письма*, Ереван, 1959, стр. 59—61 (на арм. яз.). Армянский знак для г (q) про-

Гораздо большего внимания заслуживают попытки объяснить отдельные армянские буквы происхождением из семитических письменностей на арамейской основе. Первая такая попытка принадлежит Ф. Мюллеру, который выводил армянские буквы из староарамейского, сирийского, пальмирского, сасанидского лапидарного (*парсик*) и авестийского письма⁹. Однако неразработанность как арамейской, так и иранской эпиграфики и палеографии в прошлом веке, недостаток сравнительного материала, методические ошибки, как, например, поиски прототипов армянских букв в письменностях, уже хронологически далеко отстоящих друг от друга (легенды на киликийских монетах V—IV вв. до н. э. — авестийское письмо VI в. н. э.), и др. послужили причиной того, что точка зрения Мюллера (в которой были, как я постараюсь показать ниже, и рациональные моменты) оказалась чрезвычайно слабо аргументированной.

В 1883 г. И. Тэйлор выступил с гипотезой о происхождении армянского письма из пехлевийского курсива: пехлевийским знакам, по его мнению, была придана форма прямого унциального письма, само же пехлевийское письмо представляло более древнюю незасвидетельствованную форму, развившуюся, как предполагал Тэйлор, из того типа арамейского письма, из которого возникли знаки письма *кхарошти*, сопоставляемые им с армянскими¹⁰. При этом для трех знаков (i, p', k') он признает греческое происхождение. В настоящее время, когда нам известен целый ряд среднеиранских письменностей и разных их пошибов (в том числе среднеперсидское письмо III в. н. э. из Дур-Эвропос и старый пошиб IV—V вв., бывший в ходу у христиан Ирана в течение столетий, — ср. пехлевийская Псалтырь из Турфана, — и выпавший, очевидно, став конфессиональным, из общей линии развития пехлевийского письма), тэйлоровский треугольник *пехлеви*—*кхарошти*—*армянский* потерял свое право на существование даже в качестве рабочей гипотезы. Теория иранского (с различными вариациями) происхождения армянского письма получила дальнейшее развитие в работах И. Маркварта и

изводится из греческой *гаммы* следующим образом: «спереди (к углу) гаммы прибавлен кружок»; для производства армянского k (*կ*) из греческой *каппы* у последней ампутируется нижняя половина ствола и половина верхнего правого крыла, а нижнее правое крыло, очевидно, выпрямляется; армянское y (*յ*) выводится из греческой *омеги* поворотом ее на 90° влево (и это — при направлении письма слева направо!).

⁹ F. Müller, *Ueber den Ursprung der armenischen Schrift*, — SBAWW, 1864, 48, S. 431—438; idem., *Zur Geschichte der armenischen Schrift*, — WZKM, 1890, IV, S. 284—288.

¹⁰ См. I. Taylor, *The Alphabet*, II, London, 1883, p. 268 sq.

Г. Юнкера. И. Маркварт¹¹ выводит одни знаки из парфянского лапидарного (*пахлавик*) письма (знаки для а, о, š, г, d, b, s), другие — из сасанидского лапидарного (*парсик*), как, например, знаки для h, n, p (удвоенное p *парсик*), g (=парсик p), y (удвоенное y *парсик*), третьи — из «книжного» *пехлеви* — знаки для t, ç, χ (последний — из лигатуры 𐭪𐭫 = /hm/). Ряд знаков, по Маркварту, взят из *эстрангело* (для с, ç, m; k — из конечного *каф* 'a;l), греческого (для t', p', k', e, i, w) и, возможно, коптского (č). Если Маркварт в поисках прототипов армянских букв в иранских и иных письменностях исходил исключительно из элементов внешнего сходства (подчас довольно отдаленного или случайного), не стремясь уложить привлекаемый материал в рамки какой-нибудь системы, то другой исследователь, Г. Юнкер, напротив, пытается вывести армянские (а также грузинские) буквы из парфянского и среднеперсидского лапидарного письма (с заимствованием некоторых знаков авестийского письма). Исходя из созданной им же теории возникновения авестийского письма и системы его знаков, Г. Юнкер считает, что авестийский алфавит является продуктом очень длительного развития. Первоначально, по его мнению, Авеста была записана северо-восточным ирано-арамейским типом письма, с которым генетически связано и *кхарошти*. Затем, с продвижением Авесты на запад (через Парфию в Мидию), она была «перетранскрибирована» парфянским, или мидийским письмом, а в начале сасанидского периода — сасанидским *парсик*; наконец, в IV в. н. э. была создана система авестийских знаков для гласных под влиянием греческой системы письма. Таким образом, авестийский алфавит, по Юнкеру, — смешанный, исторически развившийся образец синтеза культур севера Ирана, его юга и греческой. При этом в авестийском алфавите Юнкер устанавливает строгую систему синтеза: знаки для передачи авестийских переднеязычных глухих согласных и соответствующего ряда спирантов производятся им от знаков для p, t, k парфянского лапидарного письма (*пахлавик*), а знаки переднеязычных звонких согласных, и, соответственно, звонких спирантов — от знаков для b, d, g сасанидского лапидарного письма (*парсик*) и т. д. Между тем одно членение звуков и их графических эквивалентов по строгому фонетическому принципу уже перечеркивает теорию Юнкера об историческом развитии авестийского алфавита: такое членение слишком искусственно и не могло произойти стихийно, в ходе исторического развития, — оно было бы возможно только при искусственном создании алфа-

¹¹ J. Marquart, *Über den Ursprung...*, S. 47—58.

вита, при его изобретении. Трудно понять логически и самый принцип отбора: ведь оба ряда переднеязычных согласных, и глухие и звонкие, имеют свое графическое выражение в каждой из использованных, по мнению Юнкера, письменностей: зачем понадобился подобный «заем»? Иное дело, когда знак для выражения той или иной фонемы отсутствует в исходной письменности: в таких случаях возможны заимствования знаков (или их комбинаций), даже отличных по своему фонетическому содержанию (как чисто графических символов), из другой (разумеется ходовой) письменности. Малоубедительны теории происхождения знаков авестийского письма из лапидарного *пахлавица* и *парсика* также в палеографическом отношении: натяжки тут почти в каждом знаке, как и при выведении из лапидарного парфянского и сасанидского письма знаков армянского и грузинского алфавитов, имеющих, с точки зрения Юнкера, такое же смешанное происхождение. Между тем авестийские буквы либо совершенно тождественны соответствующим знакам развитого пехлевийского курсива позднесасанидского периода, либо представляют их графические вариации, комбинации и лигатуры. Авестийский алфавит является поздним изобретением, не ранее VI в. н. э., как это показал еще К. Залеман¹², точка зрения которого господствует среди иранистов и в наши дни¹³. Вопрос о влиянии авестийского письма на создание армянского (а также грузинского) письма снимается уже по хронологическим причинам.

При выяснении происхождения армянского письма решающее слово, несомненно, остается за палеографией. Не следует, однако, пренебрегать данными, поставляемыми армянской исторической традицией, тем более что она, вопреки высказываниям некоторых исследователей, в целом вполне доброкачественна. Согласно этой традиции, как было изложено выше, Месроп Маштоц был изобретателем армянского алфавита, но до этого изобретения в его распоряжении имелся алфавит, состоявший из 22 знаков¹⁴, который Корюн и Лазарь Парбский называют «армянскими письменами». Это свидетельство о «да-

¹² C. Salemann, *Über eine Parsenhandschrift der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg*, Leiden, 1878, S. 18 sq.

¹³ G. Morgenstierne, *Orthography and sound-system of the Avesta*, — NTSV, XII, 1942, p. 31 sq.; H. W. Bailey, *Zoroastrian Problems in the Ninth Century Texts*, Oxford, 1943, p. 191; W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 52.

¹⁴ К свидетельству Давида Харкского (VII в.) о том, что взятый у Даниила алфавит состоял из 24 или 29 букв, следует относиться скептически, так как это явно поздний домысел (возможно, интерполяция), основанный на подгонке под число букв греческого (24) и арабского (29) алфавитов.

ниловом» алфавите как об армянском было принято рядом исследователей как подтверждение существования домесроповской армянской письменности и литературы¹⁵. В качестве довода в пользу этой гипотезы приводилось то обстоятельство, что армянские литературные памятники V в., появившиеся сразу же по изобретении месроповского письма, написаны весьма богатым, стилистически отделанным литературным языком, который не мог бы возникнуть в течение двух-трех десятилетий у бесписьменного народа. Большинство исследователей, однако, гипотеза о домесроповской армянской письменности не принимается¹⁶, и, как мне кажется, совершенно справедливо. Ведь в противном случае предпринимались бы более ранние (до V в.) попытки перевода Библии на армянский язык, существовали бы надписи и памятники если не языческой¹⁷, то христианской армянской литературы предыдущего столетия, или во всяком случае были бы обнаружены их следы в византийских и сирийских источниках. Однако вместо всего этого мы имеем весьма определенное указание источников на отсутствие письменности на родном языке до изобретения Маштоца и использование в стране греческого, сирийского и среднеперсидского языков и письменностей для составления государственных и гражданских актов и делопроизводства (ср., напр., Лазарь Парбский. I, 10: *vasn zi asori ew uoyu grov varēin yaun žam zgorc t'agaworačn* *Наյոս արկ'ուն ժրկ'ն, շւգոսն քւ շհրօւտակաչն*), что подтверждается и данными эпиграфики. Высокий же уровень развития армянского письменного языка и литературы V в. находит объяснение, как правильно отметил Я. А. Манандян, в давности письменной традиции в стране, пусть иноязычной (арамейской, иранской, греческой, сирийской), и ранних связях с центрами сиро-эллинской образованности.

Что же представлял собой использованный Маштоцом алфавит, как сообщает Корюн, «заброшенный» и «случайно» выплывший в Арзне у сирийца Даниила? Уже по количеству знаков, равному двадцати двум, и акцентированной источниками невозможности отразить с его помощью слоги (*zvanks*,

¹⁵ А. М. Гарагашьян, *Критическая история Армении*, III, Тифлис, 1895, стр. 39, 69—71 (на арм. яз.); М. Тер-Мовсесян, *История перевода Библии на армянский язык*, СПб., 1902, стр. 15—27; Н. Я. Марр, *Кавказский культурный мир и Армения*, Пг., 1915, стр. 34; А. Абрамян, *История армянского письма*, стр. 33—46.

¹⁶ Ср., напр., Г. Ачарян, *Армянская письменность*, стр. 106; Я. А. Манандян, *Критический обзор...*, стр. 257—259.

¹⁷ Об уничтожении всего письменного наследия языческих времен в процессе христианизации, разумеется, не может быть и речи. Между тем сторонники данной гипотезы предлагают именно такое объяснение.

zkaps, zsiwłobays), т. е. по недостатку в нем знаков для гласных, ясно, что речь идет об алфавите на арамейской основе¹⁸. Что это не было сирийское письмо (*эстрангело*) или другой распространенный в это время алфавит, например пехлевийский (в котором, кстати, и знаков меньше — 20), можно считать несомненным: а) эти письменности были достаточно хорошо известны и распространены в Армении, чтобы не представлять раритета, как например «данииловы письмена», и получить точное определение в армянских источниках V в.; б) попытка найти прототипы армянских букв в знаках *эстрангело* или среднеиранских письменностей как лапидарных (*пахлавик*, *парсик*), так и курсива (*пехлеви*) давали (исключая, быть может, два-три знака) малоубедительные результаты ввиду неизбежных палеографических натяжек.

Распространенность на территории исторической Армении (как и в Грузии) арамейского письма северомесопотамского типа позволяет, мне кажется, высказать, пока в виде рабочей гипотезы, предположение, что хранившийся в Арзне (?) образец алфавита «чужой письменности», «заброшенной нашими предками», был вариантом северомесопотамского письма, очевидно, очень близким как варианту, характерному для области Тур-Абдин, представленному надписями Сари и Хасан-кефа, так и гарнийско-армазскому. Нам неизвестны начертания знаков того алфавита, который оказался в Арзне (?) у Даниила (письмо было, несомненно, не лапидарное; вряд ли Даниил хранил камень, скорее всего это был кусок кожи или пергамента с азбукой), и у нас нет возможности их восстановить. Однако сравнение ряда знаков самого раннего из дошедших до нас образцов армянского письма — месроповского *еркатагира* последней четверти V в. со знаками известных нам видов северомесопотамского арамейского письма указывает, несмотря на поворот некоторых знаков в связи с переменной направления письма, стилистическую переработку и т. п., на большую их близость и позволяет постулировать генетическую связь большинства знаков армянского письма с одним из вариантов арамейского письма Северной Месопотамии, пока еще не обнаруженным. В таблице, приведенной для наглядности, про-

¹⁸ Как было изложено выше, к этой мысли стали приходить уже 100 лет назад. Между прочим, Г. Ачарян (*Три вопроса, связанные с месроповским алфавитом*, — «Эчмиадзин», 1946, авг. — окт., стр. 38—39), считая «данииловы письмена» не чем иным, как арамейским алфавитом, объясняет определение их в источниках как армянских произведенным в это время переосмыслением, основанным на созвучии слов агатеап, агатеакан «арамейский» и агатеап «Арамов; относящийся к Араму, легендарному предку армян» > «армянский» (что вряд ли убедительно).

	ЗЕФАНТ. ПАПИРУС V до н.э.	АРАБИСКОЕ III-IV вв до н.э.	СЕВАН IV до н.э.	ЗСТРАН- ГЕЛ I до н.э.	ПАЛМИРА	МАНИХЕЙ- СКОЕ ПИСЬМО	ХАТРА	АССУР	САРИ И ХАСАН- КЕФ	ГАРНИ	АРМАЗН, БОРИ
а	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁ	Ⲁⲕ	Ⲁ	Ⲁⲱ	Ⲁ	Ⲁⲱ	Ⲁ	Ⲁⲱ
в	Ⲃ	Ⲃ	ⲂⲂ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ
г	Ⲅ	Ⲅ		Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ
д	Ⲇ	Ⲇ	ⲆⲆⲆ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ		Ⲇ
е	Ⲉ	Ⲉ		Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	ⲈⲈ
у	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	ⲊⲊ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	ⲊⲊ
z	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ		Ⲍ	Ⲍ		Ⲍ	ⲌⲌ	ⲌⲌⲌ
и	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	ⲎⲎ	Ⲏ		Ⲏ
т	Ⲑ	Ⲑ		Ⲑ	Ⲑ	ⲐⲐ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ		ⲐⲐ
ј	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ	ⲒⲒ	Ⲓ	Ⲓ	ⲒⲒ
к	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	ⲔⲔ
л	Ⲗ	Ⲗ	ⲖⲖ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	ⲖⲖ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ
м	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	ⲘⲘ	Ⲙ	Ⲙ	ⲘⲘ
н	Ⲛ	Ⲛ	ⲚⲚ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	ⲚⲚ	Ⲛ		ⲚⲚ
с	Ⲝ	Ⲝ		Ⲝ	Ⲝ	ⲜⲜ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ		ⲜⲜ
р	Ⲟ	Ⲟ		Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ		Ⲟ
ѕ	Ⲡ	Ⲡ		Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ		Ⲡ
q	Ⲣ	ⲢⲢ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	ⲢⲢ		Ⲣ
г	Ⲥ	Ⲥ	ⲤⲤⲤ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	ⲤⲤ	ⲤⲤ
ѕ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ	Ⲧ		ⲦⲦ
т	Ⲩ	Ⲩ	Ⲩ	Ⲩ	ⲨⲨ	Ⲩ	Ⲩ	ⲨⲨ	Ⲩ		Ⲩ

Рис. 1. Сравнительная таблица арамейских алфавитов

тив армянских букв стоят соответствующие знаки, подобранные из разных вариантов северомесопотамского письма первых веков нашей эры: разумеется, ни один из этих знаков, как бы близок он ни был армянской букве, не может рассматриваться как ее конкретный прототип. Рабочим материалом при изобретении армянского письма мог служить только определенный вариант северомесопотамского арамейского письма, имевший хождение на юге Армении в первые века нашей эры, а не сводная таблица синхронных ему алфавитов.

Поскольку новому письму было дано направление, обратное арамейскому, то и некоторые его знаки оказались обращенными вправо: эта общая перемена направления письма неизбежно должна была отразиться и на начертаниях знаков (в том числе и тех, которые сохранили свою первоначальную обращенность влево); правая их половина как бы «утяжеляется». Если у арамейского «п» нижний горизонтальный загиб ствола буквы вправо сравнительно невелик, то у армянской буквы он несколько продолжен в сторону правого угла, т. е. в полном соответствии с новым направлением письма. Новое письмо подверглось также и стилистической обработке, — причем эталоном служило греческое унциальное письмо этого времени, — и унификации. Интересно отметить, что арамейский t отражается в армянском как t и в фонетическом отношении, как и арамейский $\text{t} > \text{arm. t}'$, но мы имеем и нарушение этого соотношения в случае с армянскими k , k' . Армянский знак для k' восходит к арамейскому koḫ'u (но никак не к греческому χ): нижняя часть вертикального ствола армянской буквы перечеркнута горизонтальной линией, образуя форму креста, возможно, по ассоциации с именем Христа — армянским K'ristos . 'Алеф, вав, йод уже в арамейском использовались как *matres lectionis*, и не удивительно поэтому, что они и в армянском дали знаки для соответствующих гласных а, о, у (сонанты; о нем см. ниже).

Прежде чем перейти к другим знакам и особенно отсутствующим в арамейском алфавите, что должно нас неизбежно ввести в «лабораторию» Маштоца, не мешает остановиться на тех общих принципах, которыми он руководствовался. Основной целью (и принципом) Маштоца было создание фонетического армянского письма: эта мысль подчеркивается у Корюна и в других текстах, где налицо противопоставление неполноценности и недостаточности «данииловых писем» необходимости, по замыслу Маштоца (и Саака Партева), отразить в письме полный звуковой состав армянского языка. В выражении Лазаря Парбского $\text{zat'ut'ayicn gatap'ar est ansayt'ak'ut'ean yunin}$ слово ansayt'ak'ut'iwn Г. Юнкер вслед за И. Марквартом переводит «неизменяемость» («Unwandelbarkeit»)

ФОНЕТ. ЗНАЧ.	ВАРИАНТЫ СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКОГО АРАМЕЙСКОГО ПИСЬМА	АРМЯНСКОЕ ПИСЬМО КОНЦА V в. н. э.	ФОНЕТ. ЗНАЧ.
ʔ	𐤀 Хатра 𐤁 Гарни 𐤂 Армази	ա	а
b	𐤃 Пальмира 𐤄 Хатра	բ բ	б
g	𐤅 эстрангело 𐤆 Пальмира } Гарни	գ	г
d	𐤇 Хасан-кеф, Хатра, Ассур 𐤈 Пальмира	դ	д
h/h	𐤉 Ассур 𐤊 Хасан-кеф, Армази, Гарни	հ	х
w	𐤋 эстрангело (раннее)	ո	о
h/h	𐤌 Пальмира 𐤍 эстрангело (раннее)	հ	h
t	𐤎 Хатра, Ассур 𐤏 Пальмира, Армази	տ	т
k	𐤐 Пальмира	կ	к
l	𐤑 Ассур, Хатра 𐤒 Пальмира	լ լ	л
m	𐤓 Борн, Гарни и др.	մ մ	м
n	𐤔 Пальмира 𐤕 Хатра, Ассур 𐤖 Х-к, Сари 𐤗 Армази, Борн	ն ն	н
p	𐤘 эстрангело 𐤙 Пальмира	փ փ	р
q	𐤚 эстрангело 𐤛 Сари, Хасан-кеф	զ զ	к'
r	𐤜 Ассур, Хатра, Х-к 𐤝 Гарни	ր ռ	р
š	𐤞 Ассур, Хатра	շ շ	š
t	𐤟 эстрангело 𐤠 Хатра 𐤡 Сари	թ	т'

Рис. 2. Сравнительная таблица знаков северомесопотамского арамейского письма и армянского письма V в. н. э.

и трактует его следующим образом: «местное письмо было создано по образцу неизменяемости греческих знаков, что может быть понято только как противопоставление унциаль-

ного письма курсиву с лигатурами и различным написанием букв в конце и в начале слова»¹⁹. Не говоря уже о том, что унциальный характер письма вряд ли мог определяться как исключительная и характерная особенность греческой системы, самый перевод несколько неточен. В тексте Лазаря говорится о том, что Маштоц создал «модель письма (at'ut'ayk', буквы, но также и «связь между ними, письмо») по подобию устойчивости»²⁰ греческого».

Здесь действительно можно усмотреть «противопоставление», но не унциального письма курсиву, а двух систем, двух концепций письма, греческой и сиро-арамейской, имевших действительно принципиальное различие. Согласно сирийской концепции письма, хорошо известной по трудам сирийских грамматиков, буква, составляя часть писаного слова, представляет не просто согласный звук, а согласный, сопровождаемый гласным, т. е. силлабическую единицу, в которой основным элементом является согласный и только он обычно и представлен в письме. Гласные сирийцами рассматриваются как «движения» между согласными и называются у них «движущимися, дрожащими, трясущимися» (zu'a), не имеющими точного отражения в письме²¹. Этой концепции, естественно, противостоит греческая система строго фонетического письма, которая и представлялась образцом получившему греческое образование Маштоцу. В пользу такого понимания выражения Лазаря говорит и параллельное место (III, 53) в тексте Моисея Хоренского (перифраза?): ...zhayerēn at'ut'aysn ēst ansayt'ak'ut'ean siwḡabayiḥn hellenaḥwoḥ, где вместо «устойчивости греческого» мы имеем: «устойчивость слогов (siwḡabay) эллинов».

Для выяснения исходных принципов Маштоца очень интересно определение (уже приводившееся выше), каким воспользовался Корюн для характеристики изобретенных Маштоцом армянских письмен, которые тот привез Руфину для окончательной графической доработки. Весь набор письмен Корюн подразделяет на «тончайшие» (nrbagoyn), «короткие» (karč) и

¹⁹ См. J. Marquart, *Über den Ursprung...*, S. 33—34; H. Junker, *Das Avestaalphabet und der Ursprung der armenischen und georgischen Schrift*, — «Caucasica», 1925, 2, S. 5—6. Г. В. Церетели, излагая положения Юнкера, пишет о «неповоротливости» знаков армянского письма (см. *Армасское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита*, — ЭВ, 1949, III, стр. 62), видимо, спутав два немецких глагола — wandeln и wenden.

²⁰ Арм. ansayt'ak'ut'iwn, букв. «отсутствие скольжения», в перен. смысле «отсутствие колебания», «устойчивость».

²¹ См. J. B. Segal, *The Diacritical Point and the Accents in Syriac*, Oxford, 1953, p. 6 sq.

«длинные» (երկայն), «отдельные» (աճախյին) и «двойные» (или «удвоенные», կրկնադր). Эти определения приводят нас к источнику, несомненно, являвшемуся одним из важных элементов в греческом образовании Маштоца и, что особенно важно, безусловно влиявшему на его представления о фонетике и письме.

Этот источник — «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского — сочинение, пользовавшееся широкой известностью и усиленно комментировавшееся. В греческих академиях интересующей нас эпохи это произведение составляло один из основных пунктов программы; не удивительно поэтому, что «Искусство грамматики» Дионисия Фракийского оказалось наряду с сочинениями Филона Еврея одним из первых ученых трудов, переведенных с греческого на армянский язык представителями так называемой «грекофильской школы»²². В главе «О букве» этого труда (Dionys. Thrac., *Ars gramm.*, § 6) дана классификация букв (resp. звуков), идентичная той, которую Корюн приписывает Маштоцу, и являвшаяся, безусловно, прототипом этой последней. По Дионисию Фракийскому, буква (resp. звук) может быть «короткой», βραχύς (= арм. karč) или «длинной», μακρός (= арм. еркаун), «тонкой», ψιλός (арм. пурб, ср. степ. քbagoyն) или «густой, плотной», δασύς (в тексте Корюна отсутствует, но упоминается ее антипод, քbagoyն), а также «двойной», διπλοῦς (арм. կրկնադր), или же, напротив, «отдельной» (арм. աճախյին). Что классификация, сохранившаяся в тексте Корюна, не является интерполяцией, внесенной из древнеармянского перевода «Грамматики» Дионисия, следует как из того, что в древнеармянском переводе Дионисия терминология эта выражена иными однозначными словами²³, так и из факта использования Маштоцом (это будет показано ниже) системы Дионисия Фракийского при выделении им фонем древнеармянского языка и «выкраивании» для них знаков. В этой связи особенный интерес вызывает представление о «двойном», или «удвоенном», звуке, resp. букве. По Дионисию, их — три (ζ, ξ, ψ) и являются они «двойными», так как состоят из двух звуков. У армянского переводчика Дионисия число их (применительно к армянскому языку) значительно больше, восемь (q, l, lu, z, z', z'', n, g). Представление греческих грамматиков о том, что «буква», τὸ στοιχεῖον, есть «звук», ἡ ἐκφώνησις, было присуще и древнеармянским толкователям

²² См. Н. Адонц, *Дионисий Фракийский и армянские толкователи*, Пг., 1915.

²³ В армянском переводе Дионисия βραχύς передается словом suł, ψιλός — purb, τέρκ — կրկնադր, δασύς — stuar, yoyr, t'aw.

Дионисия, разделявшим также и общие взгляды греческого грамматика на соотношение между письмом и речью²⁴. Не удивительно поэтому не только выделение Маштоцом в армянском языке «двойных» фонем, но и проведение им этого принципа при создании их графических эквивалентов, отсутствовавших в арамейской письменности.

Изучение знаков армянского письма показывает, что северомесопотамский алфавит, использованный Маштоцом в качестве «рабочей письменности», не был единственным его источником. Из греческого (унциального) письма, видимо, были заимствованы прототипы для гласных е, і (седьмой знак армянского алфавита, возможно, является модификацией пятого) и для губного придыхательного р', что соответствует фонетическому отражению греческого звука в древнеармянском языке. Нелегкую проблему представляли аффрикаты и шипящие, отсутствовавшие в греческом и в арамейском, как и велярное ɬ. Между тем некоторые из этих звуков существовали в хорошо знакомом верхушечным слоям армянского общества того времени среднеперсидском языке, но передавались в среднеперсидском письме одним знаком, происшедшим от арам. *цаде*. Эта буква могла служить графическим эквивалентом иран. č, ç, j, z. Маштоц использовал знак курсивного пехлеви, придав ему противоположное направление, для передачи арм. č, и, с некоторой модификацией, — арм. j. Прототипом армянской буквы, передающей велярное ɬ, послужил *ламед* пехлевийского курсива (сев.-месоп. *ламед*, как мы видели, был использован Маштоцом для передачи простого і), а для выделенной им фонемы ɰ (w) из того же письма был заимствован *вав*²⁵. При этом вертикальный ствол пехл. *вав*'а был продлен вниз, возможно, во избежание слияния этого знака с арм. і, также имеющим очертания прямого угла и обращенным в ту же сторону. Для ряда фонем, которые Маштоц считал «двойными» (в частности, у, рассматривавшегося им как двойное і, «раскатистого» ɣ, разлагавшегося им на ɣ+ɣ, или v, представлявшегося ему в виде удвоенного w (ɰ), и т. д.), знаки изобретались путем сдвигания соответствующей «отдельной» (aṭanjin) буквы. «Рабочей» формой для арм. č (ɟ) послужил «схематизированный» вариант сдвоенного пехлевийского знака (с этой и с другими «рабочими» формами Маштоца мы встретимся и в дальнейшем

²⁴ Н. Адонц, *Дионисий Фракийский*..., стр. CLIII—CLV.

²⁵ Ср. написания этого знака в среднеперсидских письмах из Дур-Эвропос (III в. н. э.) и в пехлевийской Псалтири. *Вав* северомесопотамский имел иное начертание и был использован Маштоцом в качестве знака для о.

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	« РАБОЧАЯ » ФОРМА	АРМЯНСКАЯ БУКВА V В.
ГРЕЧ. Ε (e)		Ե (e)
ГРЕЧ. Φ (ph)		Փ (p ^с)
ПЕХЛ. Ϛ (č, ĵ, ž, z)		Շ (č)
— " —		Չ (j)
ПЕХЛ. ϛ (ℓ/r)		Ն (ℓ)
ПЕХЛ. Լ, Լ (w)		Լ (u=w)
АРАМ. ܝ (y)	(i + i)	Յ (y)
ДРЕВ. АРМ. Դ (r, из АРАМ)	(r + r)	Դ (r)
ПЕХЛ. Լ (w)	(w + w)	Վ (v)
ПЕХЛ. Ϛ (č, ĵ, ž, z)	(č + č)	Ջ (ĵ)
— " —	(č + č)	Շ (č)
— " —	(č + č)	Շ (c)

Рис. 3. Предположительное происхождение некоторых знаков армянского письма.

в связи с грузинским и албанским письмом). Существует известное расхождение в перечне «двойных» согласных, которые армянский переводчик и толкователи Дионисия выделили в древнеармянском языке в подгонку под нормы Дионисия,

с тем рядом «двойных», который выделил Маштоц. Отчасти это можно объяснить большим влиянием на переводчика дионисиева текста греческих норм: так, например, арм. *z* он «разлагает» на *s+d* в точном соответствии с греч. *дзетой*; арм. *š* рассматривается им как «двойной», очевидно, не без воздействия того факта, что буква эта в армянском алфавите занимает место греч. *кси*.

Таким образом, используя в качестве «рабочей» письменности для создания армянских букв письменность арамейскую — обстоятельство, случайное для Маштоца, человека скорее «грекофильской» формации, но не случайное в плане исторических и культурных традиций его страны, — Маштоц следовал греческим нормам во всем остальном. Это касается и общих принципов фонетики и письма: и его фонетического характера, и направления письма, и способа передачи дифтонгов, и порядка букв алфавита, и их цифрового использования. Армянский гласный и представлен в письме в виде «ложного» дифтонга *оц* (*ու*) по образцу греч. *ОГ*; армянские дифтонги *ац*, *ец* (*աւ*, *եւ*), ср. греч. *АГ*, *ЕГ*.

Рассказывая о подвиге Маштоца, армянские авторы подчеркивают, что он установил изобретенные буквы в определенном (= алфавитном) порядке (*кагеас*) и дал им название (*пшапакеас*). В расположении букв Маштоц следовал порядку греческого алфавита, но так как армянских знаков было 36 против 24 греческих, то дополнительные знаки он расположил вразбивку между теми, которые соответствовали буквам греческого алфавита. При этом армянское великое *і* оказалось в позиции между *k* и *m*, т. е. на месте греч. *лямбды* = *l*, которую оно и отражает в греческих заимствованиях. По этому же принципу и армянский знак для *k'* оказался на последнем месте, выступая как отражение греч. *χ*. Буквы и их порядок, по аналогии с греческими, приобрели цифровое значение: десятая буква армянского алфавита *ž* стала обозначать первый десяток и т. д. Названия букв были придуманы самим Маштоцом; интересно отметить, однако, что в ряде случаев названия букв использованного им арамейского письма были им оставлены с очень небольшим «редактированием»: так, «*гим*» (= *гимел*), «*зай*» (= *зайн*), «*ну*» (= *нун*), «*вев*» (= *вав*).

Выше уже говорилось о том, что армянская историческая традиция приписывает Месропу Маштоцу активное участие также и в создании грузинской и албанской письменностей. Между тем в научной литературе высказывалось (И. А. Джавахишвили, Г. В. Церетели) более чем скептическое отношение к этому свидетельству армянских источников; при этом подвергалась сомнению и роль Маштоца в создании армян-

ской письменности²⁶. Из приведенного анализа исторических свидетельств и данных системы армянского письма и происхождения его знаков следует, что армянская письменность — не плод стихийного исторического развития, а тщательно продуманное изобретение одного лица, следовавшего известным принципам, характерным для деятеля «грекофильской» школы IV—V вв. н. э. Историчность личности Месропа Маштоца, а также его роль в создании армянской письменности, о чем нам сообщают его же современники, не вызывают сомнения. Таким образом, в части, касающейся происхождения армянской письменности, показания наших исторических источников вполне доброкачественны. Заслуживают ли доверия их показания о происхождении грузинской и албанской письменностей, и в какой мере?

Прежде чем пытаться ответить на этот вопрос, мне хотелось бы остановиться на тех теориях происхождения грузинского письма, которые выдвинули И. А. Джавахишвили и Г. В. Церетели.

В 1926 г. И. А. Джавахишвили опубликовал большую работу по грузинской палеографии²⁷, один раздел которой посвящен проблеме происхождения грузинского письма в ее новом освещении. Армянская версия безоговорочно отвергается. Обоснование: а) разный порядок букв в грузинском и армянском алфавитах; б) законченность очертаний грузинских знаков памятников VI в. предполагает длительный период предистории; в) то обстоятельство, что «новые», т. е. расходящиеся с греческим (и семитическим) алфавитом знаки для передачи фонем, свойственных грузинскому языку, помещены в конце грузинского алфавита, следует рассматривать как доказательство исторической эволюции грузинского алфавита, совершенствовавшегося и пополнявшегося в ходе своего развития новыми, дополнительными знаками. Грузинское письмо, по мнению И. А. Джавахишвили, много древнее армянского. Что касается анализа очертаний знаков грузинского письма, то И. А. Джавахишвили берет отдельные элементы той или иной грузинской буквы (или ее направление) и подыскивает сходные элементы в соответствующем знаке разнообразнейших семитических письменностей разных веков и географических широт. Так, например, груз. *d*, по его мнению, имеет общего предка с греч. *дельтой* и с финик. *да-*

²⁶ «Для нас в настоящее время соображения относительно Маштоца и изобретения им грузинского и даже армянского письма имеют мало значения» (Г. В. Церетели, *Армзское письмо...*, — ЭВ, 1949, III, стр. 62).

²⁷ И. А. Джавахишвили, *Грузинская палеография*, Тбилиси, 1926; изд. 2: Тбилиси, 1949 [на груз. яз.].

летом, т. е. восходит к какой-то раннефиникийской письменности. Общая картина формулируется И. А. Джавахишвили следующим образом: «Элементы сходства в очертании той или иной грузинской буквы мы встречаем то в финикийском и сидоно-пуническом, то в моавитском и в древнейшем еврейском, то в арамейском и пальмирско-набатейском, а иногда в сабейском и химьяритском»²⁸. Представляя, таким образом, грузинское письмо в виде смешения различных семитических письменностей, имевших распространение в разные эпохи (от начала первого тысячелетия до н. э. вплоть до первых веков н. э.) в разных уголках Передней Азии и Средиземноморья вплоть до Аравийского полуострова, и чувствуя, очевидно, слабость своей позиции при производстве одного грузинского знака от столь большого количества прототипов, И. А. Джавахишвили предлагает ограничить круг «прототипов» рубежом IV в. до н. э., полагая за исходный момент развития грузинского письма IX в. до н. э.; элементы же сходства, которое, по его мнению, грузинское письмо V—VI в. н. э. обнаруживает с перечисленными семитическими письменностями, следует объяснить развитием этого письма на грузинской почве, насчитывавшим к VI в. н. э., как полагает И. А. Джавахишвили, уже полуторатысячетную историю. Раздел о возникновении грузинского письма И. А. Джавахишвили заключает следующими словами: «...Оригиналом для грузинской письменности могла послужить только финикийская, сидонская и пуническая, с одной стороны, с другой стороны — древнейшая еврейская вместе с самаританской до IV в. до н. э., и с третьей — арамейская до VII в. до н. э.»²⁹. Теория И. А. Джавахишвили не получила критической оценки со стороны Г. В. Церетели, выступившего в связи с находкой армазских надписей со специальной статьей, посвященной проблеме происхождения грузинского алфавита³⁰. Г. В. Церетели, видимо, не разделяет (во всяком случае полностью) взглядов своего предшественника в этом вопросе, но и для него несомненно существование грузинского письма задолго до армазских памятников (полное отсутствие памятников грузинского письма до V в. н. э. в статье даже не упоминается); более того, он находит возможным говорить о влиянии грузинского письма на армазское. По мнению Г. В. Церетели, «общий стиль армазского письма, загибы стволы и добавочные элементы букв значительно приближаются к грузин-

²⁸ И. А. Джавахишвили, *Грузинская палеография*, изд. 2, стр. 233.

²⁹ Там же, стр. 234.

³⁰ Г. В. Церетели, *Армазское письмо...*, стр. 59—71.

скому». Это утверждение, однако, ничем не обосновывается. Если под «общим стилем» армазского письма разуместь вытянутость линий в вертикальном направлении, то в грузинском письме такой стиль возникает только в позднем средневековом курсиве — *мхедрули* (XI в. н. э.). Что же касается добавочных элементов, то Г. В. Церетели не выделял их в сравниваемых им письменностях и не подвергал анализу. Но даже проделав это, исследователь оказался бы в трудном положении, постулируя влияние добавочных элементов грузинских букв в том виде, в каком эти элементы засвидетельствованы, в лучшем случае, для конца V в.³¹, на добавочные элементы арамейских букв, засвидетельствованные на четыре-пять веков раньше. Казалось, естественнее и логичнее было бы пытаться показать обратное, но тогда пришлось бы отказаться от постулируемой древности грузинского письма.

³¹ Наиболее ранним памятником грузинского письма до недавнего времени считались надписи Болнисского Сиона (493 г. н. э.). В последние годы были открыты новые грузинские надписи в Палестине (очертания знаков этих выполненных мозаикой надписей не отличаются от болнисских). Г. В. Церетели датирует две из них 433 г. н. э., считая, что составитель их — Петр Ивер. В связи с этим Г. В. Церетели, вновь затрагивая вопрос о происхождении грузинского письма, видит в палестинских надписях свидетельство, опровергающее традицию об изобретении грузинского письма в начале V в. (Г. В. Церетели, *Древнейшие грузинские надписи в Палестине*, Тбилиси, 1960; то же в «Беди Картлissa», XI—XII, № 36—37, 1961, стр. 111—130). Следует, однако, отметить, что датировка палестинских надписей, предложенная Г. В. Церетели, отнюдь не может рассматриваться как окончательная, поскольку сами эти надписи найдены в комплексе, относящемся к VI в., причем в этом же комплексе обнаружена еще одна мозаичная надпись, выполненная в точно таком же художественном стиле и имеющая такой же дуктус, что и две другие, но датируемая самим Г. В. Церетели VI в. отождествление Маруана, упоминаемого в надписи, с Петром Ивером вызывает сомнение, поскольку трудно предположить, чтобы в монастырской надписи духовное лицо — Петр Ивер — выступало под своим мирским именем (Маруан). Точно так же Бурзен, выступающий в надписи после Маруана, вряд ли может быть отождествлен с отцом Петра Ивера, носившим имя Бурз-Михр. Имя, идущее после Бурзена, — Бакур — рассматривается Г. В. Церетели как имя грузинского царя, деда Петра Ивера, однако в надписи указано, что Бакур — один из воспитанников Маруана и Бурзена. Если принять датировку Церетели, то выходит, что Петру Иверу во время составления надписи было 24 года — возраст, в котором он вряд ли мог иметь воспитанников, причем в двух поколениях (в надписи упоминаются как воспитанники, так и дети этих воспитанников). Но если даже принять датировку, предложенную Г. В. Церетели, то и тогда палестинские надписи не могут рассматриваться как опровержение свидетельства традиции об изобретении грузинского письма. Для вновь созданной письменности отнюдь не следует предполагать необходимость длительной обработки отдельных знаков — формы букв, отраженные в палестинских надписях, могли быть совершенно идентичны изобретенным в начале V в. (напротив того, изменения в начертаниях знаков могли произойти только в ходе длительного последующего развития).

Кстати, вытянутые в вертикальном направлении линии характерны и для арамейского письма Хатры и Ассура и в известной мере для гарнийского, да и для «добавочных элементов» армазского письма можно найти аналогии в арамейских пошибах Северной Месопотамии.

Между тем для выяснения источника грузинского письма было бы интересно и важно установить сходство в начертании и не одной³², а хотя бы группы грузинских букв со знаками армазского письма, которым пользовались в Грузии за несколько веков до первых памятников грузинского письма. Г. В. Церетели дает три таких сближения (груз. *რ* — армаз. *р*; груз. *ს* — армаз. *с*; груз. *წ* — армаз. *ш*), хотя и в обратном смысле. Однако эта попытка вряд ли удачна: грузинский знак для *რ* совершенно тождествен греч. *φι* и арм. *ր*, с которыми он совпадает также и фонетически, тогда как с армаз. *р* его можно связать лишь с натяжкой (недаром Г. В. Церетели взял только один графический вариант этого армазского знака). Развитие армаз. *самеха* из общеарамейского (ср. знаки *Reichsaramäisch*, Элефантины, Севана) не подлежит сомнению; нижний же загиб длинного ствола этой буквы вправо имеет место (в большей степени) в Гарни и в Сари, тогда как груз. *с асомтаврули*, если только он генетически связан с армазским, пришлось бы свести к вертикальному стволу с загибом (несколько большим в данном случае) армаз. *самеха*, и уж, конечно, очертание армаз. *самеха* не было навечно грузинской буквой. Интереснее в принципе предположение Г. В. Церетели, касающееся происхождения знаков для грузинских шипящих и свистящих аффрикат от арам. *цаде* при помощи различных его модификаций. Такое развитие арам. *цаде* засвидетельствовано в других письменностях, что было отмечено и Г. В. Церетели, и грузинский пример вполне «вошел бы в кадр». Но и тут налицо, как мне кажется, два слабых пункта: во-первых, сопоставление с армазским знаком не древнейшей известной нам формы соответствующих грузинских букв — *асомтаврули хуцури*, — засвидетельствованных как в многочисленных грузинских рукописях, написанных унциальным письмом, так и в самых древних памятниках грузинской эпиграфики — надписях Болнисского Сиона (конец V в. н. э.), а более поздних — грузинского строчного письма *нусхури*; во-вторых, допущение того, что четыре грузинских знака для аффрикат могли быть заимствованы из четырех вариантов *цаде*, относящихся к четырем

³² Сходство в начертании одного знака может быть и случайным.

разновидностям семитической письменности разных эпох и ареалов распространения.

В трех стилях грузинского письма — *асомтаврули хуцური*, *нусхური* и *мхедрули* — Г. В. Церетели склонен усматривать три синхронных ответвления древнейшего незасвидетельствованного грузинского письма (см. ЭВ, III, стр. 71). «Трудно допустить мысль, — пишет он, — что письмо нусхური создано именно в ту эпоху, в которую оно впервые встречается (т. е. вторая половина IX в. н. э. — А. П.)». Между тем такое допущение диктуется не только фактическим положением в известных нам памятниках грузинской письменности, но и совершенно аналогичным параллельным развитием в других письменностях, в частности в армянской, где мы имеем в тот же промежуток времени три последовательно развившихся стиля письма: месроповский *еркатагир* (унциальное письмо), *болоргир* (строчное) и *нотргир*, так называемое «нотариальное», или светское, письмо (при этом первые два стиля письма — армянского и грузинского — настолько похожи внешне, что лицу непосвященному с первого взгляда трудно отличить, к примеру, армянскую рукопись *болоргир* от грузинской *нусхური*). Разумеется, вполне возможно, что *нусхური* возникло не в IX в., а, скажем, в VIII или даже в VII в. — то же справедливо и для *болоргира* — ведь до нас дошли только единичные рукописные памятники до IX в. н. э. Последовательность же развития от *мтаврули* к *нусхური* и от *нусхური* к *мхедрули* прекрасно прослеживается палеографически, что было отмечено еще Броссэ [см. М. F. Brosset, *Chronique géorgienne* (Paris, 1831), p. 129]; это можно видеть и по сводной таблице, приложенной к книге И. А. Джавахишвили, и по атласу грузинской письменности, изданному И. Абуладзе [см. И. Абуладзе, *Образцы грузинского письма*, V—XVIII вв., (Тбилиси, 1949)]. Различия в очертаниях отдельных букв в *мтаврули* и в *нусхური* (как и в *еркатагире* и в *болоргире*) легко объяснимы: в любой письменности при переходе от унциального письма к строчному головки знаков оказываются на линии строки, а другие их части — под строкой или над нею, что сразу меняет соотношения в первоначальной взаимной конфигурации букв и дает первый серьезный толчок к их деформации, за которым идет следующий этап развития, обусловленный появлением курсивности в письме. Новые элементы в букве, равно как изменения в ее общем начертании, как правило, при достаточном количестве сравнительного палеографического материала, находят простое объяснение из указанных выше факторов, сходство же этих вторичных элементов с теми, которые имеются в знаках

их отдаленных (мнимых или даже реальных) прототипов, чисто случайное в плане их генетической близости. Так, например, знак для $\psi(w)$ арм. *болоргира* обнаруживает куда большее сходство со своим отдаленным прототипом, пехлев. *вавом*, чем посредствующее звено, $\psi(w)$ *еркатагира*, из которого он развился; знак для y *болоргира* весьма похож на J европейских алфавитов, с которыми он никак не связан исторически; знак для t *болоргира* удалился от своего прототипа — t *еркатагира*, а буква k' в *нотргире* стала писаться совершенно так же, как писался соответствующий знак в грузинском *мтаврuli*. Пользуясь неисторичным методом сравнения, можно установить «сходства» между знаками каких угодно алфавитов: так, И. А. Джавахишвили, постулировавший финикийско-арамейское происхождение грузинской письменности, находил для начертаний грузинских букв параллели в знаках сабейско-химьяритского письма³³.

Вряд ли поэтому можно согласиться с Г. В. Церетели (см. ЭВ III, стр. 71) в том, что одна часть той же буквы сохранила более архаическое начертание в *мтаврuli*, а другая ее часть — в *нухури*, или принять его рассуждения о том, что добавочный штрих (вернее, зубец) в верхней части буквы ζ , придающий этой ее части зигзагообразную форму, который встречается в грамоте Баграта IV (середина XI в.), является реминисценцией еще финикийской формы *цаде*. Несостоятельна не только методика научной аргументации выдвинутой И. А. Джавахишвили теории финикийского происхождения грузинской письменности³⁴, но даже в качестве сколько-нибудь вероятной гипотезы она не имеет под собой исторической почвы. Полностью отсутствуют памятники грузинской письменности до V в. н. э. (или хотя бы упоминания о них в более древних источниках), которые могли бы оправдать подобную постановку вопроса, — и это несмотря на то, что на территории Грузии вскрыт уже не один археологиче-

³³ Аналогичным пороком обладает и научно-популярная брошюра Г. Севака *Месроп Маштоц. Возникновение армянского письма и словесности*, Ереван, 1962. Брошюра Г. Севака вышла в свет уже после того, как данная статья была подготовлена к печати, и не могла поэтому найти в ней отражения. Как я узнала из этой брошюры (стр. 58—64), Г. Севак первый обратил внимание на связь классификации изобретенных Маштоцом букв у Корюна с «Искусством грамматики» Дионисия Фракийского, не сделав, однако, из этого верного наблюдения дальнейших выводов.

³⁴ Еще в 1928 г. С. Н. Какабадзе в рецензии на «Грузинскую палеографию» И. А. Джавахишвили (см. «Исторический сборник», Тифлис, I, 1928, стр. 146—147, на груз. яз.) справедливо указывал на методологический дефект, обесценивающий эту часть книги.

ский комплекс, относящийся к периоду от начала I тысячелетия до н. э. до V в. н. э.

Таким образом, у нас нет, во всяком случае в настоящее время, никаких положительных данных, дискредитирующих версию изобретения грузинского (как и албанского) письма в начале V в. н. э. Я имею в виду как факты эпиграфики, так и общую оценку исторической обстановки в Армении, Грузии и Албании на рубеже IV—V вв. и взаимоотношения между этими странами, что, безусловно, имеет значение для возможности связывания факта изобретения армянской письменности Месропом Маштоцом с созданием своей письменности в указанных странах в тот же период. Как известно, создание армянской письменности было не только культурно-миссионерской, но и в большой степени политической акцией³⁵, направленной на консолидацию «национальных» сил, возглавлявшихся царем Врамшапухом и церковью, для оказания сопротивления политике расчленения Армении и насильственной ассимиляции, проводившейся в это время двумя великими державами — Ираном и Византией. Не удивительно поэтому то активное участие верховной светской и церковной власти в предприятии Маштоца, которое подчеркивается армянскими источниками V в. Общая обстановка в Грузии и в Албании была примерно такой же; грузинская и албанская церкви в этот период (т. е. до получения грузинской церковью автокефалии) были теснейшим образом связаны с армянской. В этих условиях миссия Маштоца в Грузию, а затем в Албанию, как и поддержка ее грузинскими и албанскими светскими и духовными властями (грузинским царем Бакуром и епископом Грузии Моисеем, царем Албании Арсваленом и албанским епископом Иеремией), о которой нам сообщают армянские тексты, могла иметь и вполне реальный политический смысл. Иной вопрос, мог ли Маштоц выступать в качестве непосредственного изобретателя грузинской и албанской письменностей. На этот вопрос а priori можно дать отрицательный ответ. Создание новой письменности, обслуживающей тот или иной язык, нельзя свести к «буквотворчеству» — это большой и сложный процесс, включающий прежде всего выделение фонем данного языка и предполагающий тонкое знание как фонетики, так и строя языка. Маштоц же не знал ни грузинского, ни албанского языков, и сообщению Корюна о том, что он, Маштоц, там, на месте, собрал све-

³⁵ Эта сторона достаточно полно освещена в работе Я. А. Манандяна, *Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность*.

дения о звуковом составе этих языков, не следует придавать большого значения, так как собранные таким образом сведения никак нельзя считать адекватными для подобного предприятия. Гораздо реальнее и важнее в этом плане упоминания у Корюна и Моисея Хоренского привлеченных Маштоцом лиц — грузина Джалау (Jałau), которого Хоренский характеризует как «переводчика армянского и греческого языков», и албанца Вениамина. В целом можно считать имеющуюся в армянских источниках версию вероятной, хотя еще и не доказанной, сконцентрировав главное внимание на сравнительном изучении доступного нам материала — армянской, грузинской и албанской письменностей, базируясь на данных самых ранних их памятников³⁶.

Гипотеза о греческом происхождении знаков грузинского письма (исключая три-четыре буквы) столь же мало доказуема, как и для письма армянского, и была справедливо отвергнута многими исследователями (Г. Юнкер, И. А. Джавахишвили, Г. В. Церетели). Названия же трех грузинских букв — *he*, *zen*, *šin* и место в алфавите первых двух из них, естественно, должны были навести на мысль об арамейском источнике.

Равным образом и среди дошедших до нас названий албанских букв имеются названия, несомненно восходящие к арамейским, как, например, *yud*, *hēt*, *jaup*, *saç*. Гораздо сложнее, однако, установить непосредственную связь между очереданиями знаков грузинского (а тем более албанского) письма со знаками арамейского алфавита. Прежде всего возникает

³⁶ Письменность кавказских албанцев пока не расшифрована. Она известна по алфавиту из 52 знаков, дошедшему до нас в двух армянских рукописях — XV в. (Матенадаран, № 7117) и XVI в. (коллекция Х. Кюрдяна, США), и по надписям на камне и керамике, в основном найденным при раскопках Мингечаура (V—VII вв. н. э.). Алфавит рукописных списков, как явствует из сравнения его с надписями, и неполный и неточный, хотя, несомненно, подлинный. При реконструкции форм албанских знаков я исходила большей частью из данных эпиграфики, но пользовалась также и рукописным алфавитом. Сближения, которые я провожу, разумеется, предварительные — до расшифровки албанской письменности, выяснения фонетического значения албанских букв и их основных начертаний уверенности в в предлагаемых сближениях быть не может. Материалы см.: А. Г. Шанидзе, *Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки*, «Изв. Ин-та языка, истории и матер. культуры Груз. филиала АН СССР», IV, 1938, стр. 1—62; Н. Kurdian, *The Newly Discovered Alphabet of the Caucasian Albanians*, — JRAS, 1956, 1—2, pp. 81—83; Р. М. Вандов, *Археологическая характеристика эпиграфических памятников Мингечаура*, — «Изв. АН АзербССР», серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 107—120; К. В. Тревер, *Очерки по истории и культуре Кавказской Албании*, М.—Л., 1959, стр. 335—339, табл. 28, 29, 34, 35; А. Г. Шанидзе, *Язык и письмо кавказских албанцев*, — «Вестник отделения обществ. наук АН ГрузССР», 1960, № 1, стр. 168—189.

законный вопрос, какой именно арамейский алфавит можно брать в качестве вероятного прототипа грузинского письма. Поскольку на территории Грузии в эпоху, предшествовавшую первым памятникам грузинского письма, имела хождение разновидность арамейского письма — армазская, то поиски, естественно, должны были пойти в этом направлении. Однако мои попытки установить генетическую связь между очертаниями грузинских знаков с армазским вариантом арамейских букв не принесли желанного результата, исключая, быть может, сближение груз. у с армаз. *йодом* — знаком, который никак нельзя считать характерным, — он имеет примерно одинаковое написание во всех вариантах северомесопотамского арамейского письма. Продуктивнее оказалось сравнение с другими, но не зафиксированными на территории Грузии (раннее *эстрангело*, Пальмира, Хатра, Ассур) известными вариантами северомесопотамского письма, что уже наводит на мысль об арзаненской модели Месропа Маштоца. К варианту северомесопотамского письма, которым, как я пыталась показать выше, пользовался Маштоц при создании армянских букв, можно возвести уже шесть знаков грузинского письма — б, у, қ, х, в (о последнем знаке см. ниже), џ. То, что один и тот же исходный знак получил различное оформление в армянской и в грузинской письменностях (ср. также албанский столбец рис. 4 и 5), свидетельствует в пользу предположения о создании этих алфавитов разными лицами. Сравнительное изучение знаков армянского, грузинского и албанского письма позволяет сделать и другие наблюдения. Как и при создании армянского алфавита, при изобретении грузинского были использованы некоторые греческие буквы. Так, для груз. о — греч. *омикрон* с незначительной модификацией, для груз. р' — греч. *фи* без изменения, а также знаки пехлевийского курсива l, m, č (см. рис. 4). Изобретая армянскую письменность, Маштоц выделял так называемые «двойные» фонемы и конструировал для них знаки путем сдваивания того или иного «отдельного» знака. Аналогичный прием можно представить для начертания ряда знаков грузинского и албанского алфавитов. Так, знак для груз. в (vin), очевидно, был создан путем сдвоения сев.-месоп. арам. *vav'*а (арм. v — из сдвоения пехлев. *vav'*а; сев.-месоп. *vav* был использован Маштоцом для передачи арм. о). Подобно арм. у, соответствующий албанский знак (yayd?) представляет, видимо, сдвоенный арам. *йод* той же «арзаненской» модели. Мы находим также аналогичные армянским модификации и комбинации с пехлев. č в обеих письменностях и даже некоторые «рабочие формы» Маштоца (ср. рис. 4 и 5).

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	« РАБОЧАЯ » ФОРМА	ГРУЗИНСКАЯ БУКВА V В.	АЛБАНСКАЯ БУКВА
АРАМ. 𐤁 (b)	𐤁>𐤅>𐤆	𐄁 (b)	𐌁 (знач.?)
АРАМ. 𐤂 (y)		𐄂 (y)	𐌂 (y?; «yud»)
АРАМ. 𐤃 (q)	𐤃	𐄃 (q)	
АРАМ. 𐤄 (h)	𐤄>𐤈	𐄄 (x)	
ПЕХЛ. 𐭂 (l/r)	𐭂>𐭆	𐄆 (l)	
ПЕХЛ. 𐭃 (m)	𐭃	𐄇 (m)	
ПЕХЛ. 𐭄 (č, j, ž, z)		𐄈 (č)	𐌈 (z? «zim»)
— " —	𐭅		𐌉 (знач.?)
— " —	𐭆>𐭇		𐌊 𐌋 (знач.?)
— " —	𐭇>𐭈	𐄉 (č)	𐌌 («čat»)
— " —			𐌍 («jay»)
АРАМ. 𐤅 (y)	(l+𐤅) 𐭉		𐌎 («yayd»)
АРАМ. 𐤆 (w)	(w+𐤆) 𐭊	𐄊 (v)	𐌏 (v?)
ПЕХЛ. 𐭄 (č, j, ž, z)	(č+č) 𐭋		𐌐 𐌑 𐌒
— " —	(č+č) 𐭋𐭌		𐌓 (знач.?)
— " —	(č+č) 𐭋𐭍	𐄋 (j)	
— " —	(č+č) 𐭎		𐌔 (car)

Рис. 4. Предположительное происхождение некоторых знаков грузинского письма V в. н. э. и албанского письма из знаков арамейской и пехлевийской письменностей

В ряде случаев начертания грузинских и албанских букв обнаруживают настолько большое сходство с армянскими, что использование последних в качестве исходных «рабочих» форм не вызывает сомнения: слишком они далеки от начертаний арамейских моделей, чтобы можно было эти знаки возвести к ним непосредственно. При этом, если развитие армянской буквы от ее арамейского прототипа легко проследить палеографически, и ясно также их фонетическое соотношение, то грузинские и албанские буквы в подобных случаях палеографически могут быть возведены к арамейской только через армянскую форму, фонетическая же их корреляция с арамейской могла оказаться нарушенной, если армянская буква была использована лицами, создавшими эти письменности, как графема, вне связи с ее фонетическим значением в армянском письме. Так, например, из двух арамейских букв — *каф*'а и *коф*'а были созданы соответственно две армянские буквы для простого и придыхательного согласного (арам. *k* > арм. *k*, арам. *q* > арм. *k'*). Для грузинского, в котором имеется также и заднеязычный его вариант, этот последний был передан знаком, произведенным непосредственно от арам. *коф*'а с поворотом его, вызванным противоположным направлением грузинского письма. Для передачи грузинского придыхательного *k'* была использована соответствующая армянская буква с усечением ее правого крыла-головки, так что от арам. *коф*'а остался вертикальный ствол с добавочным элементом уже армянской буквы, придававшим знаку крестовидную форму. Та же армянская буква с очень незначительной модификацией (усечением левой части добавочного элемента) была использована для груз. *с* — она имеется в своем полном виде, но повернутая в обратную сторону, и в албанском письме (возможно, конечно, что при создании албанской буквы повороту подвергся арам. *коф*, к которому был присоединен добавочный элемент армянской буквы; уточнить это можно только после установления фонетического значения албанской буквы). Для грузинского знака для *w* трудно найти другой источник кроме арм. *вев*'а (произведенного в свою очередь от сдвоенного пехлев. *вав*'а), и если у грузинской буквы к концу *V* в. левое крыло сомкнулось со стволом, то албанский знак, видимо, дает нам первоначальный облик этой буквы. Из арам. *вав*'а был создан Маштоцом знак для армянского гласного *о*, форма же армянской буквы была заимствована изобретателем албанского алфавита для передачи албанского гласного *и*, в грузинском алфавите этот знак был использован для согласного *γ*, т. е. уже как графема, безотносительно к своему фонетическому значению в том алфа-

ИСХОДНЫЙ ЗНАК	ГРУЗИНСКАЯ БУКВА V B	АЛБАНСКАЯ БУКВА
АРМ. Կ (k)	ԥ (k)	Կ (ЗНАЧ. ?)
АРМ. ժ (ž)	Ժ (j)	Ժ («Ѣ» из грузинской ?)
АРМ. ք (k')	ԟ (k')	Գ
—	Բ (c)	—
АРМ. Վ (v)	Վ (w)	Վ («irb»)
АРМ. Ո (o)	Ո (y)	Ո («u? «un»)
АРМ. Ե (e)		Ե («o? «odet»)
АРМ. Ժ (w)		Ժ (ЗНАЧ. ?)
АРМ. Ն (n)		Ն («n? «nuc»)
АРМ. Տ (t)		Տ («c? «caw»)
АРМ. Ս (s)		Ս (ЗНАЧ. ?)
АРМ. Խ (x)		Խ («vev»?)
ГРУЗ. ტ (a)†		ტ («a? «alt»?)
ГРУЗ. ჯ (r)		ჯ (ЗНАЧ. ?)
ГРУЗ. დ (d)		დ (ЗНАЧ. ?)
ГРУЗ. ე (e)		ე (ЗНАЧ. ?)
ГРУЗ. ტ (t')		ტ (ЗНАЧ. ?)
ГРУЗ. ჟ (k')		ჟ (ЗНАЧ. ?)

Рис. 5. Происхождение албанского письма

вите, откуда он взят. Следует отметить, что при создании албанского алфавита были использованы знаки не только армянского письма, но и грузинского алфавита, что указывает на хронологическую последовательность создания этих трех

алфавитов. Показательную картину дает в этом отношении и сравнение названий букв. Названия армянских букв были придуманы самим Маштоцом, но некоторые из них, как было показано выше, восходят к его арамейской «рабочей» азбуке. Изобретатели грузинского и албанского алфавитов также сами давали названия новым письменам, но и в их списках просвечивают «арамеизмы»; среди грузинских названий заимствованы два армянских — гае (ср. арм. ԴԵՄ) и ін (арм. ին), а в албанский список проникли как армянские (албанск. zīm, šay, çay, соу, p'lwɾ, tiwɾ, ср. арм. ցիմ, ին, չայ, խայ, соу, p'lwɾ, tiwɾ), так и грузинские (албанск. žil, jil, en, kar, un, çar, ср. груз. ცილ, ილი, ენ, კარ, უნ, წარ) названия букв.

Система грузинского письма совпадает с армянской, т. е. построена по греческому образцу. И тут мы имеем передачу гласного *и* с помощью ложного дифтонга (ou), и использование алфавитного порядка букв для обозначения цифр (по десятичной системе — при двадцатеричной системе счета в грузинском языке!), и ту же стилизацию букв под греческое унциальное письмо³⁷. Есть все основания полагать, что и система албанского письма была такой же; несомненны как направление письма слева направо, так и фонетический его характер (заимствованы и некоторые греческие знаки для гласных — *эпсилон*, *йота* и *омикрон*; шестой и седьмой знаки второй грани надписи на капители, возможно — ou).

Итак, миссия Маштоца в Грузию и в Албанию действительно имела место. Он доставил в эти страны свою арзаненскую арамейскую модель и изобретенную им армянскую азбуку и поделился своим опытом создания новой письменности, общими принципами. Даже итинерарий Маштоца и хронологическая последовательность создания грузинской и ал-

³⁷ Порядок знаков грузинского алфавита, как известно, расходится с порядком букв в армянском: в грузинском знаки для фонем, отсутствующих в греческом, вынесены все под конец алфавита, тогда как в армянском они распределены между теми, которые соответствуют греческим. Возможно, что это не случайно. Вопрос о расхождении в количестве знаков греческого письма и письменностей других народов занимал умы и греческих грамматиков (так, Стефан отмечал этот факт в связи с письменностями армян и египтян, 196, 29). Интересен ответ на этот вопрос применительно к древнеармянскому языку и письму армянского толкователя Дионисия Фраккийского — «грекофила» Давида: «...Но письмен наших множество: во-первых, так как речь безыскусственна (ἀναγνест, ἀτεχνης), язык — варварский; во-вторых, вследствие „густоты“ (= *δαρύτης*) внесены те самые буквы, которые соответствуют речи». См. Н. Адонц, *Дионисий Фраккийский*..., стр. CLV. Быть может, на изобретателя грузинского письма оказывала влияние подобная «грекофильская» концепция, когда он выделял расходящиеся с греческими фонемы (госр. буквы) как «дополнительные».

банской письменностей, сообщаемые армянской традицией, оказываются вполне историчными. Видимо, следует признать достоверными и имена тех лиц, которые положили свой труд и талант на создание письменности для родного языка, — Джалай³⁸, изобретателя грузинской письменности, и Вениамина — изобретателя албанской.

³⁸ Отсутствие упоминания имени Джалай, как и истории изобретения грузинского письма вообще в грузинской исторической традиции, объясняется, видимо, тем, что дошедшая до нас традиция восходит к сравнительно позднему времени, когда в результате раскола армянской и грузинской церквей и обострения отношений между ними взяли верх конфессиональные соображения. В этих условиях образец армяно-грузинского культурного сотрудничества, который являла история Маштоца и Джалай, выглядел достаточно однозвучно. Аналогичная ситуация засвидетельствована и в труде Корюна, который скрывает связи Маштоца с Теодором из Мопсуэстии, известные нам по византийским каналам. Корюн писал свой труд в середине V в., но так как в 431 г. Эфесский вселенский собор осудил Теодора из Мопсуэстии как еретика, то связи с ним Маштоца, безусловно, должны были казаться Корюну компрометирующими его учителя. Даже то, что сохранилось от более ранней грузинской письменной традиции, прошло последующую «конфессиональную» редакцию (достаточно показательна в этом плане и история перевода Библии, см. Н. Я. Марр, *Из поездки на Афон*, — ЖМНП, 1899, март, стр. 10—15; его же, *Заметки по текстам св. Писания в древних переводах армян и грузин*, — ХВ, II, 1913, стр. 163—174). Сохранение оригинальной редакции там, где она противоречит «новому курсу», — случай редкий в любой письменной традиции.

НОВЫЕ НАХОДКИ ДОКУМЕНТОВ В СТАРОЙ НИСЕ

I

Парфянский архив из Старой Нисы насчитывал к 1957 г. более 2100 остраков. Подавляющее большинство их обнаружено при раскопках винных складов *крепости Михрдәткирт* (Mtrdtkrt BYRT') — так именуется в документах укрепленное поселение, где размещались дворцовые, культовые и хозяйственные здания Нисы.

Исследование отдельных серий документов показало, что до сих пор обнаружена только небольшая часть архива царских винохранилищ Михрдәткирта. Следует учесть, что до нас дошли в подавляющем большинстве случаев первичные документы¹, которые составлялись при доставке крупных партий вина, привозившихся (по-видимому, в бурдюках) из *имений*—BN' или *виноградников* (категории) *узбари* (KRM' 'wzbry)².

¹ О составе и типах документов см.: И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э. (предварительные итоги работы)*, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов), стр. 14 и сл. (сокр. ДН); И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. (образцы документов)*, — ВДИ, 1960, № 2, стр. 16 и сл. (далее — ВДИ, 1960, № 2).

² В документах архива засвидетельствованы также варианты написания — 'wzbr и 'wzbry'. Первое отражает, по-видимому, реальное произношение этого слова в I в. до н. э., второе, как и наиболее частое написание 'wzbry, является историческим — др.-иран. *uzbarya- (part. fut. pass., ср. авест. frastairya-, baoirya-, hvarə.darəsyā- и т. п.), см. W. B. Henning, *Mittelliranisch*, — «Handbuch der Orientalistik», I. Abt., 4. Bd: Iranistik, I. Abschn.: Linguistik, Leiden—Köln, 1958, S. 28, Anm. 1; ср. И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из древней Нисы*, М.—Л., 1951 (МЮТАКЭ, вып. 2), стр. 35.

Иное объяснение следует, видимо, искать для вариантного написания mdwbry' (очень редко — mdwbr) вместо обычного mdwbr *доставщик вина*, др.-иран. *madu-baga-. Контекст документов не позволяет видеть в mdwbry' арамейскую форму мн. ч. (упоминается один доставщик вина). Предположение о наличии в др.-парф. параллельной (адъективной) формы на -ya — *madubarya- наряду с *madubara- — кажется маловероятным.

Такие документы, служившие одновременно и учетной записью о доставке вина, и этикеткой, как правило сопровождали сосуд, в котором хранилось вино на складе в течение всего периода, пока вино не было израсходовано или пока этот документ не заменялся краткой этикеткой (*в этом хуме новое вино, в этом хуме старое вино, в этом хуме уксус*). Нередко один и тот же черепок использовался вторично, причем старый текст смывался, часто не полностью, так что прежний текст может быть легко прочитан. Так как почти все документы этого типа датированы, можно установить, что острак использовался для составления нового документа через восемь-десять, иногда даже через двадцать лет, но очень редко в тот же самый год, когда был написан прежний текст.

Формуляр документов данного типа включал в себя, помимо сочетания ΒΗΩΤ' / Η ΖΝΗ *в этом сосуде (хуме)* и обозначения количества вина, также названия виноградики (определенной категории) и имени, имя и звание доставщика вина, дату — год, на который произведен взнос, иногда также определение сорта вина, место происхождения или приписки лица, доставившего вино, и указание на то, кем производилось взимание поставки или кому предназначено вино (LYD ΡΗΤ' / ḫštrp, LYD dyzpty, LYD mrgwpr). На документе в дальнейшем, в течение всего периода хранения вина, делались различные пометы и приписки (*скислое, перелито в другой сосуд, вино оставлено кравчим(и)*)³ и т. д.).

Документы такого типа появляются с начала 160-х годов аршакидской эры, заменив прежние образцы кратких этикеток-справок (*год.., из.., из виноградики...*), и с небольшими изменениями формуляра были в ходу в течение 70 лет, до начала 230-х годов. Они дошли до нас в случайном подборе, выброшенные за ненадобностью и разбросанные по разным помещениям винных складов без какого-либо определенного порядка. Этим прежде всего объясняются и весьма большие колебания в количестве документов, относящихся к разным годам и к разным именам и виноградикам в пределах одного и того же года.

Так, для имени *Φρυιανατικῶν* (pnytykn, pnyptkn) для периода 164—230 гг. аршакидской эры имеется 338 документов с датами, в том числе: 164 г. — 7, 165 — 18, 166 — 14, 167 — 3, 168 — 5, 169 — 3, 160 + ... — 5, 170 — 14, 171 — 10, 172 — 31, 173 — 16, 174 — 5, 175 — 10, 176 — 16, 177 — 3, 178 — 3, 179 — 17, 170 + ... — 6, 180 — 17, 181 — 8, 182 — 5, 183 — 4, 184 — 4,

³ 'ph(r)št ḫwrybr(n) ḤMR

185 — 4, 186 — 6, 187 — 2, 188 — 3, 189 — 2, 180 + ... — 14, 190 — 13, 191 — 6, 192 — 9, 193 — 2, 194 — 13, 195 — 2, 196 — 2, 197 — нет, 198 — 8, 190 + ... — 8, 200 — 205 — нет, 206 — 1, 207 — 4, 208 — 209 — нет, 210 — 1, 211 — 1, 212 — нет, 213 — 1, 214 — нет, 215 — 3, 216 — 1, 217 — 218 — нет, 219 — 1, 220 — 1, 221 — 4, 222 — 229 — нет, 230 — 2. На 53 документах, фиксирующих поступления вина из *Фрийапатикāн*, дата не сохранилась.

Из имения *Михрдāтакāн* (mtrdtkn) для того же периода засвидетельствовано 29 документов с датами, в том числе: 164 г. — 1, 165 — нет, 166 — 1, 167 — 1, 168 — 1, 160 + ... — 1, 170 — 1, 171 — нет, 172 — 1, 173 — 4, 174 — 3, 175 — 1, 176 — 2, 177 — 2, 178 — нет, 179 — 3, 180 — 1, 181 — 182 — нет, 183 — 1, 184 — 186 — нет, 187 — 2, 188 — 1, 189 — нет, 190 — 1, 191 — 192 — нет, 193 — 1, 194 г. и далее — нет. Дата не сохранилась на 15 документах.

Дошедшие до нас документы не дают возможности сколько-нибудь точно определить количество вина, поступавшего каждый год из отдельных имений в царские винохранилища Михрдātкирта. Из имения *Фрийапатикāн* в период 165 — 230 гг. арш. эры доставлялось наибольшее количество вина. *Михрдāтакāн* как самостоятельное имение перестало, возможно, существовать в 190-х годах аршакидской эры, однако поступления из других имений [*Ап(п)адāн* ('pdn, 'pdnk), *Ар-табāнуkāн* ('rtbnwkn), *Артавак* (или *Артōк*? 'rtwk), *Атикāн* ('tykn), *Бурзметан* (brzmytn), *Бурзпашан* (brzpsšn), *Бōдий* (bwdyš), *Кōзар* (kwzr), *Сакāн* (skn), *Сēгабич* (sygbyš), *Фраваш* (*Фравеш?* prwšy, prwyš), *Хампи* (hmpy)] зарегистрированы документами в течение более чем шестидесяти лет.

В ходе раскопок, производившихся Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона, на городище Старая Ниса было вскрыто 9 помещений, в которых хранилось вино. Два винохранилища в Михрдātкирте упоминаются в документе № 1693 — записи, регистрирующей наличие вина, уксуса, а также пустых хумов *в винном хранилище, называемом Новым* (B mdwstn HDT QRY) и *винном хранилище, называемом TW/YB...* (B mdwstn TW/YB... QRY)⁴. Трудно установить, какие из девяти хранилищ, открытых археологами, входили в состав этих двух складов.

В других документах хранилища вина — *мадустāны* (mdw-

⁴ Издание документа см. ДН, стр. III; ВДИ, 1960, № 2, стр. 34. Возможно, что название второго винохранилища, упомянутого в документе, состояло только из трех букв — TWB (в конце строки следы смытых знаков?), идеограмма для парф. bit *другой, следующий*. Чтение TNY маловероятно, равно как и ТВ.

stn) — отмечаются очень редко, причем не имеют специальных названий. В наиболее распространенном типе первичных документов (более $\frac{4}{5}$ дошедшей до нас части архива) указание на доставку вина в mdwstn отмечено только в трех случаях⁵, хотя несомненно, что почти все вино попадало в конечном счете на склады.

О количестве вина, хранившегося на царских складах Михрдаткирта, можно составить известное представление по данным сводных записей (или их черновиков — итоговые документы, по всей вероятности, переписывались на коже). Так, в документе № 1269 упоминается 2521 (II ILP III II C XX I) (*мари*) *молодого вина* (HMR HDT). Точная величина *мари* для восточной Парфии I в. до н. э. неизвестна. Данные античных и армянских источников, упоминающих эту меру (*μάρης*, *μάρης*, *mar*), не позволяют определить ее хотя бы приблизительно, так как цифры, приводимые отдельными авторами, весьма различны⁶.

Как можно судить по документам из Нисы и по археологическим данным, вино хранили в сосудах (хумах) различных размеров, нестандартных по объему. Наиболее часто количество вина, влитого в хум, зафиксированное в первичном учетном документе, составляет 17—20 *мари* (17 *мари* — в 138 из общего числа 1069 документов, сохранивших данные о количестве вина или укуса в хуме; 18 — в 148 документах; 19 — в 118; 20 — в 141). Несколько меньше было хумов объемом 15—16 *мари* (15 — в 114 документах, 16 — в 115); гораздо более редки цифры до 15 и свыше 20 *мари* (10—23 документа, 11—16, 12—33, 13—55, 14—65; 21—83, 22—51, 23—15). При анализе этих данных следует иметь в виду, что при приеме вина на склад и розливе его для хранения хум старались заполнить целиком, чтобы предотвратить раннее скисание вина, — именно так следует объяснять очень частые в документах приписки, обозначающие размер «долива» (MN ptpg — *из запаса...*). Лица, работавшие в винохранилищах Нисы, не боялись сливать в один сосуд вино, доставленное из разных виноградников или от разных лиц (поступления MN NPŠH *от себя* и других категорий) — такая операция (купаж) зафиксирована в документах неоднократно, причем и

⁵ Док. № 42, 49, 90 (ДН, стр. 70—71, 75). По-видимому, HN'Lt (или HN' LW) 'L mdwstn *внесено в винный склад* было равнозначно выраженною HN'Lt(//HN' LW) 'L GNZ' MLK' *внесено в казну царя*.

⁶ См. P. de Lagarde, *Gesammelte Abhandlungen*, Leipzig, 1866, S. 196—197; H. Hübschmann, *Armenische Grammatik*, I, Leipzig, 1895, S. 192. Эта мера упоминается и в эламских табличках персепольской сокровищницы.

в этих случаях общее количество вина в хуме, как правило, не превышает 20—21 *мари*.

Находки в Нисе целых сосудов и археологические реконструкции показывают, что наиболее распространенными в винохранилищах Нисы были хумы, объем которых колебался в пределах 180—220 л. Меньше было сосудов емкостью до 300 л, а также хумчей объемом 105—110 л.

Если сопоставить данные обмеров и реконструкций с количеством вина, указанным в документах, то можно заключить, что 1 *мари* равнялось примерно 11 л ($200 : 18 \approx 11,1$). Таким образом, для хранения 2521 *мари* вина, упоминаемого в документе № 1269, требовалось не менее 135 хумов.

О вместимости винохранилищ Нисы можно судить по документу № 1693, в котором указано, что на складе «Новый» было 168 хумов, а в другом — 332 хума.

Судя по результатам раскопок, винохранилища Старой Нисы значительно различались по размерам — VI, IX и III (стоящее особняком) по площади значительно превышают хранилища I, IV, V, VII и VIII и в несколько раз больше хранилища II⁷. Расчеты показывают, что в царских хранилищах *Михрдәткирта* могло одновременно содержаться очень большое количество вина⁸.

II

Почти все документы, найденные на городище Старая Ниса до 1957 г., были извлечены при раскопках винохранилищ; лишь единичные остраки попали в соседние помещения. Состав архива, характер документов (большинство которых регистрирует ежегодные поступления вина), наконец, условия их находки позволяли надеяться, что на городище будут обнаружены новые остраки, относящиеся к тому же периоду существования *Михрдәткирта*.

В 1959 г. сотрудница ЮТАКЭ Н. И. Крашенинникова начала вскрытие ямы, расположенной к северу от винных хранилищ, параллельно стенам хранилищ VII и IX. В том же

⁷ Полные результаты раскопок винохранилищ Старой Нисы, насколько известно, еще не опубликованы. План винохранилищ см. в статье Н. И. Крашенинниковой, *Отвал битой тары середины I в. до н. э. из винохранилищ Старой Нисы*, — «Изв. АН Туркменской ССР», серия общественных наук, 1963, № 5, стр. 93, рис. 1.

⁸ Из документов, найденных в последние годы, можно заключить, что в *Михрдәткирте* имелись винохранилища, вмещавшие более 6000 *мари* вина (см. ниже, стр. 146, Nov. 164). Для сравнения укажем, что при раскопках Мухеты были вскрыты *марани* — винные погреба II—III вв. н. э., в которых помещались 55 *квеври* общей емкостью около 50 000 л.; см. А. В. Бохочадзе, *Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам* (автореферат диссертации), Тбилиси, 1964, стр. 14.

году здесь было найдено 48 целых и фрагментированных остраков. Работы продолжались в 1960 и 1961 гг. и привели к открытию еще 410 документов, целых и фрагментированных, а также нескольких тысяч черепков без надписей — фрагментов хумов, кувшинов и других сосудов⁹. Документы, извлеченные из ямы, датируются периодом от 100 до 208 г. аршакидской эры. Некоторые фрагменты, найденные в 1959 — 1961 гг., удалось объединить с документами, обнаруженными ранее при раскопках винохранилищ. По-видимому, около 40 г. до н. э. (208 г. аршакидской эры) была произведена генеральная чистка винохранилищ Михрдаткирта — *мадустаны* были очищены от битой тары и первичных учетных документов. Есть все основания предполагать, что подобные чистки производились неоднократно и что на территории, прилегающей к винохранилищам, может быть обнаружено много остраков, выкинутых из *мадустанов* вместе с битыми сосудами для вина.

Среди документов, открытых в 1959 — 1961 гг. (большинство их, к сожалению, плохой сохранности), представлены почти все типы, известные по находкам прежних лет: краткие и полные учетные документы на поступление вина с виноградариков *узбари*, этикетки-справки на вино и на уксус, документы, регистрирующие поступление вина *от себя*, а также взносы вина категорий *вместо* *ptysk*¹⁰, *вместо* *sygr*

⁹ См. Н. И. Крашенинникова, *Отвал битой тары...*, стр. 95 и сл. Эта серия документов обозначается нами Nova (сокр. Nov.).

¹⁰ А. Г. Периханян указала нам на термины 'psyk (apsék) «(налог) на ложе (огня)», букв. «ложе», и 'psyk'wmd (apsékōmand) «подлежащий (налогу) на ложе (огня)» в сасанидском судебнике (MhDA 27, 13—28, 3; 38, 3). Термин 'psyk точно соответствует 'wpsyk (upsék) в нисейском документе № 813 (см. ДН, стр. 97). Парф. *ptysk*, 'wpsyk, ср.-перс. 'psyk восходят к авест. sāu- «лежать, укладывать» (ср. ДН, стр. 43). *Ptysk* и 'wpsyk в документах из Нисы обозначают, по-видимому, налог на поддержание огня, род церковной десятины, взимавшейся, очевидно, частично деньгами, а частично натурой. Частое в документах из Нисы выражение HLP *ptysk вместо ptysk* следует, вероятно, понимать как взнос вина в счет налога на поддержание храма огня. (Ср. HLP KSP' *вместо наличных денег* в документе № 1304). Этот вид побора, очень важный для суждений о характере религии Восточной Парфии I в. до н. э., о взаимоотношениях царского хозяйства с храмом, системе налогового обложения и взимания податей, восходит, вероятно, еще к ахеменидскому времени; ср. авест. прилагательное *dāityō.upasayana-* «относящийся к надлежащему ложу (огня)», выступающее в сочетании с глаголом *bav-* в *Ясне* 62,2 (*dāityō. upasayeni. bav-*), где *dāitya-* — «сделанный в соответствии с (религиозным) законом», *upasayana-* — «ложе»; ср. *dāityō. aēsmi. bav-* (о дровах для поддержания огня), *dāityō. piθwi. bav-* (о ритуальной трапезе), *dāityō. baoiθi. bav-* (о ритуальном окуливании), см. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904, Sp. 728, 730, а также J. Darmesteter, *Études iraniennes*, II, Paris, 1883, p. 316, n. 1. Подробное описание ритуала, основанное на анализе текста *Ясны* 62, а также среднеперсидского и новоперсидского переводов и комментариев, см.: M. N. Dhalla, *The*

(из имений, от отдельных виноградарей и других лиц)¹¹, один-фрагмент документа на поступление вина из виноградников категории pṭbzyk (очень редкий тип)¹², сводные ведомости поступлений, ученические упражнения. Новые документы уже известных по прежним находкам серий позволяют пополнить данные о структуре имений, из которых доставлялось вино, а также о характере сборов. Так, для имения *Кōзар* (kwzr) помимо виноградников *Некēн* (пукун), *Фрадāхичāн* (prdhyšn) и *Семēн* (или *Семйāн*, syṃyn) в новых документах представлен виноградник *Хōмакāн* (hwmkny)¹³, название которого связывается, очевидно, с др.-иран. hauma-. В имении *Сēгабич* помимо виноградников *Ан(п)адāнак* ('pdnk), *Готарзакāн* (gwtrzkn), *Пардēз* (prdyz, prdyzy) и «Новый» (HDT) засвидетельствован и неизвестный ранее виноградник, именуемый «Старый дворец» 'TYQ 'pdn¹⁴.

На учетных документах стандартного формуляра, как было отмечено в последних наших публикациях¹⁵, имеется ряд приписок и помет, относящихся к периоду хранения вина в складе (см. выше, стр. 135). Среди новых документов обнаружена целая группа, содержащая приписку YTKYNt (вар. YTKYNW): 'L'SQW *приготовлено для подогрева*¹⁶. В приписках представлены и неизвестные ранее «раскрытые» (иранские) написания причастных форм. Так, наряду с pṭš(y)ḥt, pṭš(y)ḥtk *перелито*, отмеченными в целом ряде случаев в сочетании pṭš(y)ḥt(k) 'L'ḤRN ḤWT' *перелито в другой хум*, в одном документе выступает причастие от того же иранского корня

Niyaishes or Zoroastrian Litanies, New York, 1908, pp. 155—181; Pūr-i Dāvud, *Yasnā*, Baxš-i duvum, Tehran, 1337 г. х. (на перс. яз).

¹¹ Значение этого термина остается неясным; во второй части, по-видимому, pāg «часть, доля», sug- вряд ли связано с sāy-, как и с согд. suγ «тонкий».

¹² Nov. 285 (77 г. до н. э.): (x+1) Ḥm 'X IIIIMN¹ [...] (x+2) KRMN pṭbzfykl... [...] (x+3) *MN 'p¹tp^r [] (x+4) [MN] 'T¹IMYM Ḥm II HNI¹Lt (x+5) ['L ŠNT I] 'C XX XX¹ XX X I (x+6) [] 'r¹ (см. табл. II).

¹³ Nov. 179 (75 г. до н. э.): BHWT' ZNH MN kwzr MN KRM' 'wzbry¹hwmkny QRY ḤMR mry X III III II* MN *pt^r 'Hm I¹[HN¹]L[t¹] 'L ŠNT IC XX XX XX X III* Ḥ¹ [HYTY] bḥtdtk mdwbr (см. табл. III—IIa).

¹⁴ Nov. 324 (70 г. до н. э.): BHWT' ZNH MN sygbyš MN KRM' 'wzbry¹ 'TYQ 'pdn Ḥm X III¹ 'L HN¹Lt 'L ŠNT IC XX XX XX X III III II¹ HYTY tyryn¹f¹mdwbr¹.

¹⁵ См. ДН, стр. 16; ВДИ, 1960, № 2, стр. 17.

¹⁶ YTKYN(t) — *итфа'ел* от корня KWN «приготавливать»; 'SQW (= 'as-sāqū) от NSQ «поднимать»; «подогревать». См., например, Nov. 223 нар. (77 г. до н. э.): BHWT' ZNH MN kwzr MN KRM' 'wzbry nykyn sQRY Ḥm XI BHWT' ZKM MN brzmytn MN KRM' 'wzbry HDT Ḥm III II BHWT' ZKM MN 'tykn MN KRM' s'wzbry brdn QRY Ḥm.... HN¹Lt ¹⁰'L ŠNT IC XX XX XX X I ¹¹HYTY tyryn¹ ¹²mdwbr (внутр.): ¹YTKYNt ²'L 'SQW.

*haik¹⁷, осложненного префиксом awi-, — 'wšyht:

Nov. 218 (табл. IV—IVa)

¹*[wytršpkl] ²BHWT' ZNH MN mtrdtkny ³MN KRM' 'wzbry Hm X III
III I ⁴HN'Lt 'LŠNT IC XX XX XX XX II' ⁵HYTY 'mftnwkl' ⁶mdwbr *HŠK-
Hw *BHWT' *ZNH*⁷W 'wsyht 'L ⁸HRN HWT' ⁹*Hm III ¹⁰'BDtI 'LHWTN
¹¹ZKM' ¹²*IMN Š'RYI Hm X III I II ¹³HYTY mtrbwzn mdwbr

*Скишее. В этом хуме из Михрдатакана ³из виноградника уза-
ри 17 мари вина. ⁴Внесено на год 182 (=66 г. до н. э.), ⁵принес Ам-
танук, ⁶доставщик вина. *Обнаружили в этом хуме ⁷и отлито в дру-
гой хум ⁸3 мари вина. Передано (?) в тот же хум ⁹из остатков¹⁸
16 марл вина, ¹⁰(которо?) принес Михрбџан, ¹¹доставщик вина.

Документов, фиксирующих поступления MN NPŠH от се-
бя, сравнительно немного¹⁹. Среди лиц, от которых поступает
сбор вина данной категории, наряду с уже известным ранее
Түридāтом, главным начальником конницы (tyrydt mzn
'sppty), казначеями (Pšyr gznbr, Rmnyš gznbr и др.) и вино-
градарями (gzpn), в новых документах упоминается Prnhw
mdwrn сборщик (?) вина Фарнахв²⁰ и Ssn 'sb'g всадник Са-
сāн:

Nov 280-бис (72 г. до н. э.) (табл. VI—VIa)

¹BHWTN ZNHMN NPŠH ssn ²'sb'rfyI Hm X III III II ³HN'LtI 'LŠNT
IC XX XX XX X III III ⁴HYTYI ršnw mdwbr ⁵ZYMN kmwky 'QRVT'

¹В этом хуме от себя (от) Сасāна, всадника, 18 мари вина. ³Вне-
сено на год 176, ⁴принес Рашну, ⁵доставщик вина, ⁶—который из селе-
ния Камүк

Термин 'sb'g впервые засвидетельствован в парфянском
тексте. «Всадники» как особая группа знати хорошо известны

¹⁷ Ср. согд. pšync-: pšyt-, ''šync-: ''šyt-, парф.-ман. pšyxt, н.-перс. pašanjidan и т. д., см. ДН, стр. 53.

¹⁸ Имеется в виду вино, оставшееся после разлива по хумам партии, доставленной Михрбџаном, см. стк. 10.

¹⁹ См. ДН, стр. 19; ВДИ, 1960, № 2, стр. 33 и сл.

²⁰ Nov. 240 (59 г. до н. э.): BHWTN ZNHMN ²'pđny MN NPŠH ³prnhw
mdwrn HLP ⁴[ptsyk] Hm X III ⁵HN'Lt 'LŠNT IC XX XX XX XX III III
III ⁶HYTY wrtrgnk mdwbr' ⁷*MN ptpg ⁸*Hm II (см. табл. V—Va) ¹В этом
хуме из ²Ап(н)адана от себя ³(от) Фарнахва, сборщика (?) вина, вме-
сто ⁴ptsyk 13 мари вина. ⁵Внесено на год 189, ⁶принес Вархрагнак, до-
ставщик вина. ⁷— ⁸*Из запаса 2 мари вина.

Mdwrn из mdw- + rn-, ср. н.-перс. gāndan? Менее вероятно чтение mdwkn.

Для и.с. Prnhw ср. перс. Farrax^v, Farrux, греч. передачи Фарвоуџос, Фарвоуџис и т. д. (см. F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, Marburg, 1895, S. 94 sq.). Этимологически парф. Farnaxw, перс. Farrax^v восходит, по-видимому, к сложению *farnah-ahwā-, авест. ahu-, a(ṛ)hva-; ср. согд. š'twx «счастливый» из šāt+əxw, перс. dōzah «ад» и т. д.

для сасанидского Ирана, где asəḇār обозначало не только «cavalier», но и «chevalier» — в этом значении asəḇār выступает в среднеперсидских сочинениях и у арабских историков (uswār)²¹.

Можно полагать, что сословие всадников существовало уже в Ахеменидской державе. На это указывает персидская форма слова в документе из Нисы — 'sb'r, продолжающая др.-перс. asabāra²²; собственно парфянская форма имела бы вид *'spbr или *'spbr'²³. Заимствование этого слова из персидского отмечено и в бактрийском asḇaro (= asḇār) в композите asḇaroβido (asḇārβid) *начальник кавалерии*²⁴.

Поступления вина MN NPŠH *от себя* могут объясняться либо как добровольный взнос (возможно, храмам — в Старой Нисе, как полагают, был центр заупокойного культа Аршакидов), либо как арендная плата, взимаемая с крупных арендаторов. Последнее толкование более вероятно, так как имеются документы группы MN NPŠH, фиксирующие взносы *от виноградарей* (rṣpn), а также взносы *от себя*, но *взамен ptsyk* (HLP ptsyk, Nov. 240 и др.).

Среди новых находок имеются документы краткого типа, характерного для 40—50-х годов аршакидской эры (*год...*, *из...*), но указывающие на поступление вина от сатрапов:

Nov. 41 (92 г. до н. э.) (табл. VII)

ṣNT I C XX XX X III III 2MN 'rtbnwk'n! 3MN ḥštrpn²⁵
1 Год 156. 2 Из Артабāнукāна, 3 от сатрапов

Титул *satrap* (ḥštrp, PHT') в аршакидское время имел иное значение, чем в государстве Ахеменидов, обозначая правителя очень небольшой по территории области²⁶. В нисей-

²¹ См. T. Nöldeke, *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden*, Leiden, 1879, S. 441; A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, 2 ed., Copenhague, 1944, pp. 112, 368 sq.; G. Widengren, *Recherches sur le féodalisme iranien*, — OrS, 1956, V, pp. 170—176; в сасанидском судебнике упоминается *Список всадников* (asəḇār nīrēk), см., например, 16, 11—14; 16, 11—17, 1 (указано А. Г. Периханян), ср. также E. Herzfeld, *Archeologische Mitteilungen aus Iran*, VII, Berlin, 1934, S. 21.

²² Для '- (= -ā-) ср., например, написания rgn/r'gn=Rā gān, название селения, упоминаемое во многих документах из Нисы.

²³ Ср. G. Widengren, *Recherches...*, p. 170, n. 2 (парфянская форма asparvār в ср.-перс. *Дēнкарте*?).

²⁴ Надпись на кушанской гемме, см. W. B. Henning, *A Bactrian Seal-Inscription*, — BSOAS, 1962, XXV, 2, p. 335.

²⁵ Ср. точно такой же документ Nov. 76. Для формы мн. ч. ḥštrpn ср. grpn виноградаря.

²⁶ Ср., например, употребление этого титула в парфянской надписи из района Бирдженда, см. W. B. Henning, *A new Parthian Inscription*, — JRS, 1953, p. 134. Уже при Селевке, как следует из сообщения Аппиана,

ских документах имена сатрапов упоминаются редко — известны по имени лишь *сатрап Кōфезāt* (Kwpyzt ḥštrp, 60-е годы II в. арш. эры). Обычно в документах стандартного формюляра, регистрирующих поступления вина из виноградников *узбари*, сатрап выступает в выражении LYD ḥštrp (или LYD PHT'), букв. *в руку сатрапа*. Эта же конструкция представлена многократно и в документах краткого типа: ŠNT... MN... (название имени или виноградника) LYD ḥštrp/PHT'. Мы предполагали, что *в руку сатрапа* может относиться к винограднику, понимая LYD как эквивалент BYD: *виноградник...*, *который в распоряжении сатрапа* (ср. параллельные конструкции с LYD dyzpty *в руку начальника крепости*). Не лишено, однако, вероятности, что LYD в документах следует толковать как *предназначено*, понимая это выражение как указание на то, что вино, находящееся в данном сосуде, подлежит выдаче сатрапу (или начальнику крепости). *От сатрапов* в док. Nov. 41 и 76 обозначает либо отправку вина в Михрдкитр через сатрапов, либо — что менее вероятно — добровольные взносы вина.

Наряду с документами о поступлении сборов и внутри-складского учета²⁷ в новых находках представлены также разные типы списков и итоговых ведомостей, учебные упражнения, записи-требования на выдачу вина, памятные записи о вступлении на престол нового царя²⁸, а также единичные

существовало 72 сатрапии, причем большая часть их была расположена к востоку от Евфрата. В. Тарн считает, что в данном случае имелись в виду не сатрапии, а гипархии, на которые делились сатрапии (W. W. Tarn, *Seleucid-Parthian Studies*, — PBA, 1930, XVI, pp. 24—33; см. также «The Cambridge Ancient History», vol. IX, Cambridge, 1936, p. 590). Деление на сатрапии парфянского времени отражено, по-видимому, в Книге Эсфирь (IX, 39), где говорится о 127 mēdīnā. [Ср. G. Widengren, *Juifs et iraniens à l'époque des Parthes*, — SVT. IV (Volume du Congres), 1957, p. 218].

²⁷ Помимо известных уже по прежним находкам этикеток BḥWT'/H ZNH HLH, BḥWT'/H ZNH wytršpк в этом хуме уксус, BḥWT' /H ZNH HMR wytršpк в этом хуме скисшее вино, BḥWT'/H ZNH HMR 'T/TYQ в этом хуме старое вино, BḥWT'/H ZNH HMR HDT в этом хуме молодое вино, а также приписок в первичных учетных документах стандартного формюляра, документы 1959—1961 гг. дают новые образцы: Nov. 441: 'HWT' twsk 'wš'š'lyht 'L)..., *Пустой хум. „Вылит в...“*.... (ср. twsyk HWTYN *пустые хумы*, документ № 1693); Nov. 27: 'HMR 'TYQ' HTM' ḥwrybrn *Старое вино, опечатано кравчими*; Nov. 31: 'HMR' HDT 'HTM' ḥwrybrn (см. табл. VII); Nov. 36: 'HLH'... 'HTM' ḥwrybrn (ср. акты о снятии печатей, опубликованные в ДН, № 483, 661, 676).

²⁸ Два документа, оба плохой сохранности: Nov. 366 (78 г. до н. э.): 'šNT I C' XX XX XX X 'ršk 'MLK'... (следы знаков) (см. табл. IX — IXa); Nov. 307 (68 г. до н. э.): 'šNT IC XX XX XX 'XX' 'ršk MLK' :[B]'RY' пр ZY 'pry'ptk... (следы знаков) (см. табл. X — Xa).

документы, относящиеся к выдаче и хранению продуктов, предназначенных, по-видимому, для тех, кто работал в *маду-стāнах* и канцелярии при них. Обнаружены, в частности, документы, упоминающие выдачу масла²⁹, а также этикетка к сосудам с кунжутот:

В первой записи имеется в виду, по всей вероятности, Санатрук, брат Митридата II, занявший престол уже глубоким стариком в 78 г. до н. э. с помощью сакских племен (сакараваков). Правление Санатрука датируют 78—69 гг. По аналогии с лучше сохранившимся документом № 1760 (см. ДН, стр. 20, 113), где представлена родословная Готарза I — внука Фрийапатата, сына племянника Аршака, стк. 2—3 документа Nov. 366 можно восстановить следующим образом: [BRYBRY ZY pꝛyptk BRY 'HYBRY ZY 'ršk] (*Год 170. Царь Аршак*), [внук Фрийапатата, сына племянника Аршака]. Санатрук был внуком Фрийапатия, а Фрийапатий — сыном Артабана I и внуком Тиридата, брата основателя династии. О том, что в I в. до н. э. парфянские цари вели свою родословную к Аршаку через Фрийапатия, свидетельствует и документ Nov. 307. Здесь царь Аршак является правнуком (BRY pr) Фрийапатия. Судя по дате документа (180 г. арш. эры), речь идет, по-видимому, о Фраате III (парф. Prht или Prhtk), сыне Санатрука, правившем, как принято считать, около 69—58 гг. до н. э. Стк. 3—4 этого документа содержали, очевидно, ту же родословную Фрийапатия, что и документ 1760: [BRY 'HYBRY ZY 'ršk].

В документе № 1760, вопреки мнению Я. Харматты (J. Harmatta, *Egy párhuzamos felirat Nyugat-Kazahsztánból*, — AnT, 1964, XI, 3—4, S. 233), написание 'HY брат — совершенно ясное. Нисейские документы не знают других идеограмм для этого слова [ср. Nov. 83, 210 (см. табл. XI — XIa), 305, 309, 398, 136+388+376]. Пользуемся случаем заметить, что на глиняном пряслице, обнаруженном на дюнном поселении в низовьях р. Малый Узень в Западном Казахстане, знаков парфянского письма по фотографии, опубликованной в ЭВ VII (1953), стр. 120, нам прочесть не удалось. Маловероятным кажется и само предположение Я. Харматты о наличии парфянского дарственной надписи *Патвеш* (женское имя) *от отца* на глиняном пряслице из Казахстана (I).

²⁹ Идеограмма MŠH' (ср. ср.-перс. MŠY' в м. MŠH' = rōyn, Frahang-I Pahlavik VII, 5): Nov. 355 (внутр.) x₁ 'L 'pꝛgwk (?) k III H I x₂ 'HMR I 'H II H III H.LH... x₃...MŠH' k III 'L h.g.... x₄ 'HLH I 'H II MŠH' 'H I Афзарику (?) [выдано...] 4 k. 1 h., вина 2 'h., 3 h., скишего [вина]..... x₅ масла 4 k., ...[выдано] x₆ укусу 2 'h., масла 1 'h. Аббревиатуры 'H, H, H отмечены и в списках поступлений вина и муки (SMYD, сокращенно S — так читать вместо Q в списках № 2167, 2119, 1169, 2126, опубликованных в ВДИ, 1960, № 2, стр. 37—38). Я. Харматта предложил объяснять H как сокращение от араб., евр. HN (hin) — мера объема, колеблющаяся для разных периодов и областей от 6,074 л до 0,45 л. Аббревиатура H разъясняется как араб. HPN (hofān); в иранских памятниках H было уже отмечено в среднеперсидской версии надписи Шапура I на Ка'бе-и Зардушт (стк. 25, 27); в парфянской версии этой надписи представлено полное написание — HWPN (стк. 20, 22, 29). В греческом тексте надписи парфянскому I gꝛwv IIII HWPN, ср.-перс. Ig IIII H соответствует полтора модия (μόδιος), см. Maricq, *Res Gestae Divi Saporis*, — «Syria», 1958, XXXV, 3—4, p. 319, п. 7.

Сокращение 'H остается пока неясным. В списках доставки муки встре-

Nov. 52 (табл. VII)

1BHWT' ZNH 2ŠMŠMN³⁰ 3T[YQ]
 1В этом хуме 2старый кунжунт

Учебные упражнения на составление писем представляют собой краткие прописи³¹ или образцы более развернутых эпистолярных обращений, состоящих целиком из арамейских формул³²:

Nov. 210 (табл. XI—XIa)

1MN mtrprdt 'L1 'H[Y] 2hwrzynk [Š]LMWŠRRT1 3MN prdrmn 'L 'HY
 4štyph(?)³³ 5ŠLM WŠRRT 'ŠGY1 6HWŠRT LK 'H[W]/H1 (?) 7ŠLM QDMYK
 8ŠLM 'HWH1 (?) 9WŠRRT 'YTY 10MN hwrzynk ('L1 'HY 11mtrprdt ŠLM
 12WŠRRT

Nov. 287

1ŠLM WŠRRT 2'ŠGY1 3HWŠRT LK 4Q'DMY ŠLM QDMYK 5ŠLM
 QD'MYK 6YK 'DT'³⁴ 7ZY 'LY(?) 8K Q'DMN/Y1 9HWH. HWH 10HWH M'R'Y1
 (смыто ?) 11'L1 MR'Y WK'N 12... 13ŠLM WŠRRT1 14'DT'....

Среди очень немногих фрагментов записок — требований о выдаче вина — примечателен документ, содержащий гетерограмму с энклитикой мн. ч. MR'N:

Nov. 362 нар. (табл. XII—XIIa)

1MR'N Š'Y'YLW1 2HMR k II H1 3'wpdyt
 1Господин наш³⁵ запрашивают вина... 2 к., 1 л....

Большинство сводных списков поступлений вина и муки и итоговых ведомостей, фиксирующих наличие вина в *мадустā-нах*, имеет дату — год или год, месяц (и день). В сводных списках поступлений доставщики продуктов обычно названы

чаеется также аббревиатура 'L, которую Я. Харматта сопоставил с арамейск. 'YPH, 'ēpha (мера объема, до 35 л). Судя по документам из Нисы, 1' = 4 л, 1 H = 10 л.

³⁰ Ср. ŠM'' = ср.-перс. kunjēt, *Frh. Pahl.* IV, 3 (сокращение вм. ŠMŠMN).

³¹ Nov. 136+388+376: MN mtrdt 'L 'HY prht (повторено 5 раз); Nov. 398 (на куске плиты темно-зеленого песчаника — из такого песчаника делались плиты, закрывавшие хумы с вином): MN mtrprdt 'L 'HY mtryn ŠLM (bis); MN mtrprdt 'L 'HY mtryn ŠLMWŠRRT (bis); [MN] mtrprdt 'L 'HY prdrmn ŠLM (ср. № 902, ДН, стр. 99).

³² Ср. пергамент 12 из Дура-Эвропос, см. W. B. Henning, «Gnomon», 1954, Bd 26, S. 477—478; J. Harmatta, *The Parthian Parchment from Dura-Europos*, — AAASH, 1957, V, 1—4, pp. 273—288.

³³ štyph — имя собственное? Может быть, следует читать ŠQYQH, ср. № 31-а (ДН, стр. 70)? Вряд ли парфянское абстрактное имя от šty- 'радостный, удовлетворенный'.

³⁴ 'DT' — арамейск. 'iddattā < 'iddantā, fem. к 'iddān 'срок, время' (?).

³⁵ Ср. MR'Y, — букв. мой господин, идеограмма для hwtwy, засвидетельствованная в ряде документов.

только по имени — prdbwht, ssndt, tyr(y)bm, bhtssn, wrtgn(y)š, bhtmr̄t и др.³⁶ В итоговых ведомостях иногда упоминаются и титулы чиновников, ответственных за доставку вина в *мадустаны*. Помимо известных уже ранее *доставщиков вина* (mdwbr), *накладывающих печать* (mwdgrwt) и *писцов* (SPR') мы находим в новых документах этой группы и других чиновников, в частности *счетчика* — 'hmrkr (=ahmārkar). В этих же документах упоминаются и *маги* — MGWŠH:

Nov. 394 (81 г. до н. э.) (табл. XIV—XIVa)

1 ŠNT I C XX XX XX III III I 2 ZYQ'YLt brzyn W 'mpd 3 'hmrkr³⁷ SK'
 IIII C.... 4 ršnwfdtk(?) 5 I C I..... 6 I C XI..... 7 (следы знаков) 8 I C I.....
 'LŠNT 9 I C XX XX XX III III I

³⁶ См. док. № 1169, 2119, 2126, 2167 (ВДИ, 1960, № 2, стр. 37—39). Те же имена встречаются и в списках, обнаруженных в 1959—1961 гг. Ср. также фрагментированный Nov. 105, содержащий, по-видимому, перечисление некоторых из этих имен доставщиков: 'ŠMHT ZY 'GBR' MH (?) I L' 'TYt!MN!h.... 2.... 3.... 'ssnbwht}.... (табл. VIII) *Имена тех людей, которые не пришли из Сāsānbōxt....*

Пользуемся случаем, чтобы уточнить вопрос об употреблении идеограмм для относительных местоимений в документах из Нисы и в парфянском тексте контракта Авроман III. Основываясь на чтении авроманского пергамента, предложенном Г. Нюбергом (H. S. Nyberg, *The Parthian Documents from Avroman*, — MÖR, 1923, XVII, pp. 182—230) и Э. Херцфельдом (E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, S. 83) и воспринятом Ф. Альтхеймом (Fr. Altheim und R. Stiehl, *Supplementum Aramaicum. Aramaisches aus Iran*, Baden-Baden, 1957, S. 64—73, а также во многих других компиляциях этих авторов), иранисты пришли к выводу, что в отличие от документов из Нисы в авроманском пергаменте нет местоимения ZY (см. M. Boyce, *The use of relative particles in Western Middle Iranian*, — «Indo-Iranica. Mélanges présentés à Georg Morgenstierne à l'occasion de son soixante-dixième anniversaire», Wiesbaden, 1964, pp. 30—31). Между тем в стк. 2 авроманского контракта совершенно ясно читается ZY MN и далее — wrdy или brdy, название селения. Нюберг здесь видел dibkn QRY, считая, что в парфянском тексте должно быть упомянуто название виноградника, известное по греческим авроманским пергаментам I и II — Δαβζαχαυρας и Δαβζαχαυ. Альтхейм читает zzbkn QRY. Ближе других к правильному определению знаков подошел Херцфельд: ZZ MNY.YRY. Стк. 1-2 получают теперь ясный перевод: *Год 300, месяц Арватāt, продал Пāтаспāk, сын Тāрēна, который из (селения) Вард [букв. «роза», ср. в Нисе: mdwbr ZY MN... (QRYT')]*. В стк. 4 — MH MN bwmhwtw '(ty)b(rw) — чтение, близкое к предложенному Херцфельдом (и воспринятому — без понимания текста!) — Альтхеймом). Слово 'tyhgw встречается в нескольких документах из Нисы, к его истолкованию мы вернемся в издании корпуса нисейского архива. Следует подчеркнуть, что никаких принципиальных различий в употреблении идеограмм в нашем архиве и в авроманском контракте нет; ср., в частности, MZBNW в Авр. III и L' MZBNW не продал в док. № 2096 (контекст разрушен).

³⁷ Сходное написание — 'hmrkr — в парфянской версии надписи Нарсе в Пайкули (ср.-перс. 'm'ikly).

¹Год 167, ²которое (=вино) отмерено(?) Бурзёном и Ампадом, ³счетчиками, — всего ³⁸ 300... [мари], ⁴Рашнудатаком—100..., ..., 110..., 8—9 100... на год 167.

Nov. 164 (72 г. до н. э.) (табл. XIII—XIIIa)

᠑NT I C XX XX XX IX III III ᠑YRH' prwrtyn YWM' ᠑'trw 'HYTY
prypt W' ᠑'mhlyn SPR' W mtrdt ᠑MGWŠH³⁹ WYHYT⁴⁰ 'L ᠑ptwyšyk 'W
'rkmtrk(?) ᠑mwdrwrtyn' 'Bm' [dwtst]᠑n' ᠑LYD 'mtry' [hw]᠑rybr' [HMR] ZNH
᠑'TYQ 'HMR' mry' III III ILP^{40a} ᠑III C XX XX X I 'Q'YLt' 'L ᠑NT ZKM
I C XX XX XX X III III.

¹Год 176, ²месяц фравартйн, день ³ахрб. Принес(ли) Фрийапāt и
⁴Махйān, писцы, и Михрдāt, ⁵маг, и передали ⁶Патвёшйку и Аркми-
храку(?), накладывающим печать в вин[ном хра]нилище, через Мих-
ра(?), [кр]авчего, это [вино] ᠑—᠑᠐ старое — вина 6351 мари. Отмерено (?)
на ¹¹тот же 176 год.

Количество вина, упомянутое в документе Nov. 164 — 6351 мари, дает возможность судить о размерах поставок в царские винохранилища, а также о практике назначения чиновников, ответственных за поставки. Весьма значительное количество вина отмечено и в документе Nov. 100+91. В этом же документе обращает внимание обозначение 200 — два знака для 100, расположенных один над другим. Такое начертание 200 связано, возможно, с обозначением 20 в старейших арамейских текстах, где X выражается горизонтальной черточкой, XX — двумя черточками (=). Однако примеры подобного обозначения 200 в других письменностях арамейского происхождения нам неизвестны⁴¹:

Nov. 100+Nov. 91 (72 г. до н. э.) (табл. XV—XVa)

᠑NT I C XX XX XX X III III [YR]᠑H' prwrtyn YWM' srwš ᠑SK' HMR
HDT ZY HN'Lt' 'L GNZ' MLK' HMR <mry> ᠑II ILP III $\frac{C}{C}$ III C XX X III

¹Год 176, [мес]яц фравартйн, день србш. ²Всего вина молодого, которое внесено в казну царя, — вина мари ²2933 [(2×1000)+(3×200)+(3×100)+(20+10+3)].

³⁸ SK' — араб. сумма, итог (Я. Харматта). По-видимому, араб. SK' (и соответствующий отыменный глагол), как и араб. šakkun, является очень старым заимствованием из иран. *sak-.

³⁹ Видимо, этот же Mtrdt MGWŠH упоминается в документе 2085 (фрагмент), см. ДН, стр. 117; ВДИ, 1960, № 2, стр. 38.

⁴⁰ YHYT — в других документах YHYTY/YHYT — хэф'эл от NHT?

^{40a} Для ILP ср. согд. ILPW, см.: I. Gershevitch, «Transactions of the Philological Society», London, 1948, p. 63, H. W. Bailey, A problem of the Kharoṣṭhi script, — COS, 1950, II, pp. 1—3.

⁴¹ Знак для сотни палеографически восходит к арамейской букве qof, см. И. Н. Винников, О языке письменных памятников из Нисы, — ВДИ, 1954, № 2, стр. 121.

III

Списки и итоговые ведомости дают возможность восстановить значительную часть парфянских календарных терминов — названий месяцев и дней. До сих пор, насколько известно, в парфянских текстах были засвидетельствованы только три таких названия — месяцы 'rwtt⁴² и spndrmtu⁴³ и день mtry⁴⁴. В документах из Нисы отмечены месяцы prwrtyn, 'rtywhšt, hrwtt, ḥštrywr, 'trw, whwtn и более десятка названий дней. Особенно важен для изучения парфянского календаря документ Nov. 280 (см. табл. XVI — XVIa). Документ был написан на обеих сторонах черепка. Текст на внутренней (вогнутой) стороне уничтожен почти полностью, на наружной сохранился целиком. Документ делится на две части, фиксирующие соответственно две партии доставок вина и отделенные друг от друга пробелом («абзацы»):

Текст документа:

нар. 'a' YWM' hrwtt HYTY wpry ḥm XX XX II k II 'wp'fstl² ḥm⁴⁵ II k II YW 'm' 'trw HYTY wpry ḥm XX XX XX XX II³ 'wpst ḥk II YWM' 'phwny HYTY prbhtk⁴ tgmdr ḥm XX XX XX I YWM' m'h HYTY g⁴⁶ sprpn tgmdr ḥm XX XX X III III III 'w ḥm III⁵ YWM' tyry HYTY wpry ZKM ḥm XX III III 'k III 'w ḥm I k I⁴⁷
б.⁴⁸ YWM' hmrtt HYTY spwsk 'twršpty² ḥm XX III III YWM' 'trw < HYTY >⁴⁹ spwsk³ ḥm XX X III III YWM' 'phwny⁴ HYTY spwsk ZKM ḥm XX XX XX X III⁵ YWM' hw'r HYTY spwsk⁶ ḥm XX XX XX XX I YWM' m'h HYTY⁷ spwsk ZKM ḥm XX XX XX XX X⁸ YWM' tyry HYTY⁹ spwsk ZKM ḥm XX XX XX X¹⁰ YWM' gwyrh HYTY¹¹ spwsk ZKM ḥm XX XX¹² YWM' dtš¹³ H'HYTY spws[k]¹⁴ ḥm¹⁵ XX XX III¹⁵ YWM'¹⁶ mtryl (?)
внутр. ¹⁷HYTY spwsk¹⁸ ZKM ḥm XX XX (?)¹

Перевод:

а. 'День harwātāt. Принес Wifrāy 42 мари 2 к. вина, пролито («упало») 2 мари 2 к. вина. День āhrō. Принес Wifrāy 82 мари вина, пролито

⁴² Авроман III, стк. 1. См. H. S. Nyberg, *Das Studium des Orients und die europäische Kultur*, — ZDMG, Bd 106, 1953, H. I, S. 11, Anm. 2 (прежнее чтение — hrwtt).

⁴³ Надпись Артабана V из Суз, см. R. Ghirshman («Monuments Plot», 1950, XLIV), pp. 97—107; W. B. Henning, *The monuments and inscriptions of Tang-i Sarvak*, — AM, N. S., II, 1952, 2, p. 176.

⁴⁴ Надпись Артабана V из Суз.

⁴⁵ Следы смытых знаков над ḥm.

⁴⁶ Описка (писец, видимо, начал было писать имя собственное grprn, встречающееся в ряде документов как имя доставщика вина).

⁴⁷ Следы смытых знаков над ḥm и ниже стк. 7.

⁴⁸ Тот же почерк.

⁴⁹ Дописано над строкой.

2 k. вина. День ārxinī. Принес Frabaxtak, начальник тагмы, 61 мари вина. День māh. Принес Frāfarn, начальник тагмы, 59 мари вина, пролито 3 мари вина. ^{6—7}День tīrī. Принес тот же Wifrāu 26 мари 3 k. вина, пролито 1 мари 1 k. вина.
⁸День hamurtāt. Принес Spōsak, жрец, ²⁶мари вина. День āhrō. Принес Spōsak ³⁶мари вина. День ārxinī. Принес тот же Spōsak 73 мари вина. ⁵День hwar. Принес Spōsak ⁸¹мари вина. День māh. Принес тот же Spōsak 90 мари вина. ⁸День tīrī. Принес тот же Spōsak 70 мари вина. ¹⁰День gwyrh (=gōš ?). Принес ^{11—12}тот же Spōsak 42 мари вина. День dadiš. Принес Spōsak ¹⁴мари вина.
¹⁵День ¹⁶mīhr (?). **внутр.** ^{17—18}Принес тот же Spōsak 40 (?) мари вина...

Документ фиксирует поступление вина в течение по меньшей мере 10 дней. Лица, доставляющие вино, делятся на две группы. В стк. 1—3 и 6—7 первого «абзаца» заприходованы поступления от некоего Wrgu=Wifrāu⁵⁰, упомянутого только по имени. В течение трех дней Wifrāu доставил 151 мари 1 k.⁵¹ вина. Часть вина—4 мари 1 k. (m II k II + k II + m I k I)—была пролита на пути к винному складу—так понимаем мы форму 'wpst, перфектное причастие от др.-иран. *awi-pat-, ср. согд. 'wpst, ср.-перс. brast, н.-перс. ofrad «*надать*». В среднеперсидской письменности глагол brastan передается гетерограммой NPLWNstn (Frh. Pahl., XX, 5; араб. nēral). В парфянской версии Хаджиабадской надписи Шапура I, стк. 8, NPLt соответствует LMYTN=afkad «*бросил, метнул (о стреле)*» в среднеперсидской версии, что могло бы указывать на переходное значение — «*бросать, кидать*» для парф. NPLt, если только эта гетерограмма, подобно среднеперсидской, раскрывается как brast⁵². В любом случае парф.

⁵⁰ Ср. авест. frāy- «удовлетворять». Написание wrgu допускает и ряд других толкований: Wafri от wafraya- «*снежный*» (имя-прозвище для светловолосого или седого, ср. н.-перс. Zāl, букв. «старый»); Wifrī, ср. авест. viŋra- «умный, мудрый», эпитет Pāurva, одного из персонажей V Яшта (см. Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904, Sp. 890, 1448); Wipārī из wi + pāraya от par- «переходить» (ср. witar-); Wafriy из wa + friya «очень(?) любимый», ср. и. с. Mīrgu в документе Авроман III. Для передачи wi- через w- в документах из Нисы ср. wgwñk//wygwnk = wigōpak из wigaupaka-.

⁵¹ Аббревиатура k, обозначающая меру, равную 1/4 мари (более трех k в документах нет), могла бы раскрываться как kariš, однако величина kariš для этого времени неясна. По аналогии с 'H, H, H можно полагать, что k скрывает арамейскую меру объема. Ср. KP «чашка; мера объема зерна», а также аббревиатуру k в арамейских хозяйственных текстах; см.: Ch.-F. Jean, J. Hoffjizer, *Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest*, Livr. I—II, Leiden, 1960, pp. 114, 125; И. Н. Винников, *Словарь арамейских надписей*, — ПС, 1962, 9 (72), стр. 141. Другая мера, также обозначаемая аббревиатурой k, выступает в документе Nov. 355 (см. выше, стр. 144, прим. 29), но не применительно к вину.

⁵² См. E. Herzfeld, *Paikuli*, Berlin, 1924, p. 222, № 688. Ср., одна-

'wpst, впервые засвидетельствованное в данном документе, следует понимать как отглагольную форму, а не как имя собственное лица⁵³. На это указывает ряд обстоятельств. В списках доставок вина при перечислении отдельных приносов после каждого имени доставщика следует, как правило, НҮТҮ или Н (prdbwht Н... ssndt Н и т. д.). Следует обратить также внимание на количества вина в конструкциях с 'wpst во всем 1-м «абзаце» — наибольшая цифра равна 3 *мари*⁵⁴, тогда как среди доставок вина на протяжении 10 дней нет ни одной менее 26 *мари*. Наконец, 'wpst не может рассматриваться как имя собственное и потому, что это слово выступает при фиксации доставок вина, производимых разными лицами, — Wpгу и Ppггп, причем в трех случаях (из 5) вместо 'wpst пишется аббревиатура 'w. Исключено и толкование 'wpst как термина — «*помощник, ассистент*» — ожидалось бы *'wpstkr, *'wpstbr или другое производное от др.-иран. upastā-

Таким образом, есть все основания объяснять 'wpst как отглагольную форму. Она входит в серию иранских «раскрытых» написаний, хорошо известных по другим документам из Нисы — 'ph(r)št, ptš(y)ht(k), 'wšyht, krtk и др.⁵⁵.

Wifrāy привозил вино в шестой (hrwti), девятый ('trw) и тринадцатый (turg) дни месяца. Учетчик, составивший документ, производил в каждом из абзацев записи по порядку дней месяца, а не по доставщикам. При третьем упоминании имени Wpгу стоит ЗКМ *тот же*, идеограмма, известная и по другим документам [в том числе определяющая и *доставщика вина* (mdwbr) в случаях, когда в документах регистрируется доставка вина одним и тем же лицом из разных имений].

Для *десятого* ('phwpy) и *двенадцатого* (m'h) дней отмечены поступления вина от *начальников тагм* (tgmdr), носящих имена Frabaxtak⁵⁶ и Frāfarn⁵⁷. Титул tgmdr=tagm(a)dār, впер-

ко, в стк. 14 парф. z'mywd для LMYTN в соответствующем месте среднеперсидской версии. См. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 43, Anm. 2; ср. Н. S. Nyberg, *Häjjābād-Inskriften*, — «Øst og Vest», København, 1945, S. 67—68.

⁵³ Ср., например, 'pstbr — и. с. в арамейских письмах Аршамы (письмо V I), из др.-иран. *upastā-bara-.

⁵⁴ Аналогичное явление отмечено и для первичных документов стандартного формуляра, где при доставке вина в размерах 20—30 *мари* долив «(из) запаса» (MN rtrg, rtrgr, MN rtrgr) не превышает 3 *мари*, колеблясь обычно в пределах 1—2 *мари* или 1—2 *k*.

⁵⁵ См. ДН, стр. 52 и сл. Помимо отмеченных в этом издании раскрытых написаний сейчас удается распознать и ряд других.

⁵⁶ Prbhtk (ср. bhtdk — имя *мадубара*). Менее вероятно чтение prwhk (= frōxtak «*проданный*»?).

⁵⁷ Ср. *Fratafarnah, известное по греческой передаче (Arrian, *Анаб.* II 28, 2); согдийское и. с. βtrgrn (мугский документ А-14).

вые засвидетельствованный в иранских языках, состоит из двух частей. В первой — *tagma*, заимствование из греч. *τάγμα*; во второй — парф. *-dāg* «имеющий, начальствующий». Греч. *τάγμα* обозначало первоначально «строй; отряд войска, полк», позднее, в римское время, — «легион»⁵⁸, *ταγματάρχης*, *ταγματάρχος* — «начальник тагмы». Парфяне, в течение многих десятилетий воевавшие с Римом, были, несомненно, хорошо знакомы с латинскими военными терминами, а также с греческой военной лексикой, широко употреблявшейся в римских провинциях и в римской армии⁵⁹. Однако возникновение титула *tgmdr* на парфянской почве и бытование его в восточной Парфии в I в. до н. э. требует объяснения.

Весной 54 г. до н. э. против Парфии двинулась армия Красса — семь легионов, четыре тысячи кавалерии и столько же легковооруженных воинов⁶⁰. В битве при Каррах (6 мая 53 г. до н. э.) римская армия была разгромлена — из 42 000 солдат, выступивших в поход вместе с Крассом, уцелело менее одной четверти. Двадцать тысяч было убито, десять тысяч взято в плен. Пленные были отправлены победителями в Маргиану для защиты восточных границ Парфянской державы⁶¹. Данных о том, сколько римлян достигло восточных областей Парфии, нет — в античных источниках ничего достоверного о судьбе пленных не сообщается. Известно лишь, что в 20 г. до н. э. Парфия была вынуждена возвратить пленных из армий Красса и Антония. По предположению Горация, римляне, угнанные на восток, брали себе жен из варварских племен и служили в парфянском войске⁶². У Веллея Патеркула имеется рассказ (достоверность его оспаривается) о том, что в 36 г. до н. э. Антонию после его отступления служил проводником воин, уцелевший из армии Красса и находившийся некоторое время на службе у парфян⁶³. В 30-х годах до н. э., как показал Г. Дебс, римские легионеры из числа пленных при Каррах

⁵⁸ Ср., например, Diod. XVII, 80; Luc., *De hist. scrib.*, 31. Слово было заимствовано и в другие языки, ср. сир. *tg'm'*, *t'gm'* «ряд, отряд; поручение; толпа, козорта».

⁵⁹ Ср., например, парф.-ман. *'stirtyw'* = греч. *στρατιώτης* «воин, солдат»; см. W. B. Henning, *Two Manichaean Magical Texts*, — BSOAS, XII, 1947, I, p. 47, n. 4.

⁶⁰ Plut., *Crass*, 20.

⁶¹ Plin., *Nat. hist.*, VI, 47.

⁶² Оды, III, 5.5.

⁶³ Vell. Pat. II, 82; Florus II, 20, 4. Ср. Plut., *Anton.*, 41, 1; W. W. Tarn, *The invasion of Parthia*, — *The Cambridge Ancient History*, vol. XI, Cambridge, 1937, p. 74; N. C. Debevoise, *A political history of Parthia*, Chicago, 1937, p. 92; Б. А. Литвинский, *Социально-экономический строй древней Средней Азии*, — в кн.: «История таджикского народа», т. I, М., 1963, стр. 474.

добрались до Согда (?) и стали наемниками у гуннского шаньюя Чжи-чжи, пытавшегося создать независимое от Китая государство с центром на реке Талас. Здесь, на Таласе, китайцы впервые увидели защитные боевые порядки римских легионеров, поднимавших над головой большие четырехугольные щиты: «более ста пехотинцев, вставших в линию с каждой стороны ворот [города Чжи-чжи] и построившихся в виде рыбьей чешуи»⁶⁴.

Тагмадары в док. Nov. 280 являются, по всей вероятности, начальниками отрядов пленных римлян и одновременно главами поселений этих пленных, использовавшихся на сельскохозяйственных работах, в частности и в царских виноградниках. Год и месяц в документе Nov. 280 не обозначены, однако, как было отмечено выше, среди документов, найденных в 1959—1961 гг., представлены даты до 208 г. аршакидской эры (40 г. до н. э.).

Второй абзац документа фиксирует по меньшей мере 9 поступлений вина, составляющих в общей сложности более 500 мари. Вино доставлял Spōsak (spwsk)⁶⁵, носящий титул 'twršpty, букв. *господин огня*. Примечательна форма 'twrš, с сохранением -š древнеиранской формы Nom. (*ātṛš или *āṛš, авест. ātarš) и с гласным -и- во втором слого (-w-), ср. ср.-перс. ātur, āturpat⁶⁶.

Доставка вина жрецом (*ātuришпатом*) должна была производиться из храмовых хозяйств. С деятельностью последних связаны и упоминания рядовых *магов* — MGWŠH. Из документов известно о существовании в районе *Михрдātкирта* нескольких храмов — āyazan ('yzn), иногда приводятся и их названия: āyazan Nanaistawakān — *храм Нанайи*⁶⁷, āyazan

⁶⁴ *История раннего Хань*. Об этом см.: Н. Н. Dubs, *An ancient military contact between Roman and Chinese*, — *AJPh*, LXII, 1941, 3; Г. Г. Дебс, *Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время*, — *ВДИ*, 1946, № 2, стр. 45—50; Н. Н. Dubs, *A Roman City in Ancient China*, — «China Society Sinological Series», № 5, London, 1957; Л. Н. Гумилев, *Таласская битва 36 г. до н. э.*, — «Исследования по истории культуры народов Востока (сборник в честь академика И. А. Орбели)», М.—Л., 1960, стр. 161—166, ср. особенно стр. 164: «Чжи-чжи... по-видимому, подружился с парфиянами и получил от них помощь в виде центурии римских легионеров».

⁶⁵ Этимология? Сходное имя — Spws — носит *доставщик вина* (mdwbr) в документах № 1323, 1356, 1491 (имение *Кōзар*, 190 г. арш. эры).

⁶⁶ Ср. АӨРО, АОӨРО на кушанских монетах из *ātṛš или *āṛš? См.: J. Harmatta, *Cusanaica*, — *AOASH*, XI, 1961, p. 203; Н. Humbach, *Die Götternamen der Kušan-Münzen*, — *ZDMG*, Bd 111, H. 2, S. 477.

⁶⁷ MN 'yzyu nnystwkn (№ 1682, 1741) или просто MN nnystwkn (№ 228, 1243). Во второй части — stwkn от др.-иран. staw- «почитать», ср. названия селений 'rtstwkn, bgdtstwkn. Nanaia является эллинизированной формой от Napa, семитского имени богини, отождествленной с иранской Anāhītā и занявшей, по-видимому, в III—II вв. до н. э., ее место

Frahātak[ān?]—*храм Фраата*⁶⁸. В нескольких документах фигурируют безымянные храмы⁶⁹.

IV

Названия месяцев и дней в документах из Нисы представляют зороастрийский, так называемый «младоавестийский» календарь, созданный по образцу египетского солнечного календаря: год из 365 дней, 12 месяцев (по тридцать дней) и 5 дополнительных дней. Этот календарь был введен в Иране во второй половине V в. до н. э., по расчетам С. Х. Тагизаде — около 441 г. до н. э., в царствование Артаксеркса I⁷⁰. Названия месяцев и дней «младоавестийского» календаря восходят к именам божеств позднезороастрийского пантеона, как он представлен в *Яштах* и в некоторых *Ясна* (но не в *Гатах*), — отсутствует лишь Наота. Полный список названий 30 дней содержится в позднем литургическом тексте *Šīrōza*, скомпилированном, как считают, только в сасанидское время (само слово *Šīrōza* — новоперсидское), однако все названия божеств представлены в самой Авесте. Порядок следования месяцев по текстам Авесты не определяется, однако он устанавливается достаточно точно из среднеперсидских сочинений. Имена божеств в календарных терминах выступают в форме Gen.

«Младоавестийский» календарь до последнего времени был известен в трех локальных вариантах — среднеперсидском (и восходящем к нему новоперсидском), согдийском и хорезмийском. Названия месяцев, отражающие «младоавестий-

в зороастрийском пантеоне Восточного Ирана и Средней Азии (за исключением Хорезма). Ср. NANAIA, NANA, NANA PAO на кушанских монетах, многочисленные имена с ппу в согдийской ономастике, и. с. ппургп в документах из Нисы. (Nov. 256); ср. также papē, *Ḥavā* в Армении. См. W. B. Henning, *Sogdica*, London, 1940, p. 7. Согд. p'yūḍ — название дня недели (пятница) и планеты Венеры — заимствовано из среднеперсидского. В хорезм. p'hyс (у Бируни) закономерно продолжает др.-ир. Anāhita (-y = -i- у Бируни — паузальная форма); ср. W. B. Henning, *Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch*, — APAW, 1936, № 10, S. 86.

⁶⁸ № 199 (внутр.): MN 'yzny prhtk[n(?)] (см. ВДИ, 1960, № 2, стр. 33 и табл. I).

⁶⁹ № 969 (см. ДН, стр. 101), 2041, Nov. 211, 222.

⁷⁰ См. H. S. Taqizadeh, *Old Iranian Calendars*, London, 1938, p. 12 sq.; J. Duchesne-Guillemin, *La religion de l'Iran ancien*, Paris, 1962, p. 120; I. Gershevitch, *Zoroaster's own contribution*, — JNES, 1964, XXIII, 1, pp. 20—22. До 459 г. до н. э. в эламских табличках из Персеполя засвидетельствован только древнеперсидский («природный») календарь.

ский» календарь, засвидетельствованы также для Каппадокии и Армении⁷¹.

Введение нового календаря в Иране и Средней Азии происходило таким образом, что наименования дней отражают формы местных диалектов, восходящие к древнеиранскому прототипу, но не к авестийским формам, как они представлены в дошедших до нас текстах сасанидской редакции Авесты. Так, например, название девятнадцатого дня в ср.-перс. *fra-vartin*, в согд. *βrw'rt*, *frwrt*, *prwrt'*⁷², в хорезм. *prwrtñ* (Токкала; у Бируни — *rwjñ* = *rawacina*), но в авест. — *fravašīnaṃ* (с -š-). Названия месяцев зороастрийского календаря не привелись в Согде — здесь сохранился с небольшими изменениями старый («природный») календарь⁷³. В Персии и в Хорезме названия месяцев отражают зороастрийский календарь, но по фонетическому облику они восходят опять же к древнеиранскому прототипу, а не к авестийским формам⁷⁴.

Документы из Нисы содержат следующие календарные наименования:

а) названия месяцев — (1) *prwrtyn*; (2) *'rtywhšt*; (3) *hrwtt* (ср. *'rwtt* в документе *Авроман* III); (6) *hštrywr*; (9) *'trw*; (11) *whwmñ*;

б) названия дней — (6) *hrwtt*; (7) *hmrtt* (h- по аналогии с *hrwtt*, ср. авест. *haurvatātō*, *amərətātō*); (8, 15, 22) *dtš*; (9) *'trw*; (10) *'pḥwny*; (11) *hw'r*; (12) *m'h*; (13) *tyry*; (14) *gwyrh*; (16) *mtry*; (17) *srwš*; (21) *r'm*.

Этот список является не только наиболее полным для аршакидской Парфии, но и старейшим из дошедших до нас перечней названий «младоавестийского» календаря для всех ираноязычных областей⁷⁵. Большинство названий дней и ме-

⁷¹ Списки названий месяцев, употреблявшихся в Сеистане и Бухаре и приведенные в *Хронологии* Бируни, еще не интерпретированы. Ср. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 86.

⁷² В частности, в мугском документе А-12. Список названий дней в этом тексте (столбцы 1—3) имеет следующий вид: (1) *'γwrmzt rwc*; (2) *γwmpñ 'rwc*; (3) *'rt'wšt rwc*; (4) *[γ]šywrwc* (вм. *'γšywrwc*); (5) *'sp'ntrmt rwc*; (6) *'r[t']t rwc*; (7) *[m]rt't rwc*; (8) *dtš [rw]c*; (9) *'šrwc*; (10) *'pwγ rwc*; (11) *[γwrrwc]*; (12) *m'γyrrwc*; (13) *[ty]šyrrwc*; (14) *γwš [rw]c*; (15) *dtš rwc*; (16) *βγγrwc*; (17) *sr'wš rwc*; (18) *[rš]n rwc*; (19) *prwrt' rwc*; (20) *šγn' rwc*; (21) *r'mn rwc*; (22) *[w]trwc*; (23) *dtš rwc*; (24) *dyn'k rwc*; (25) *'rtwγ rwc*; (26) *'št't rwc*; (27) *sm'n rwc*; (28) *zm'wγt'γ rwc*; (29) *mšpat rwc*; (30) *γγn' rwc*; (1) *γwrmzt rwc* (Ср. А. А. Фрейман, *Согдийские документы с горы Муз*, вып. I, М., 1962, стр. 48—54).

⁷³ Название третьего месяца — *pusnyc*, *pusn'nc* — заимствовано из сиро-македонского календаря.

⁷⁴ Первый месяц в Хорезме (*prwrtñ*) имел также второе имя — *p'wsrjy* (Бируни).

⁷⁵ В сохранившейся части надписи арамейским письмом из Накш-и Рустема представлено одно название месяца — *m'hy spndrm[t(или -ty)]*,

сцев, засвидетельствованных в документах из Нисы, не требует особых комментариев — их формы соответствуют представлениям об исторической фонетике парфянского языка, сложившимся на основе анализа манихейских текстов, парфянских версий сасанидских надписей и заимствований в армянский. Примечательна форма hw'r с -' для краткого -a- (hwar); 'rw (=āhgō?) соответствует хорезмийской форме в надписях Ток-калы (у Бируни — 'rw), конечное -w напоминает авест. āgō. Более сложным представляется анализ названий десятого и, особенно, четырнадцатого дней. Форма 'rhwpu, дважды засвидетельствованная в документе Nov. 280, отражает, по-видимому, звучание ārxunī или āraḫunī Среднеперсидское название десятого дня — āraḫ — восходит к форме Gen. pl. от ār-, перестроенной по типу основ на -a-. В согд. 'rwx (= ārwaḫ или ārix) отражена древнеиранская форма Nom. pl., соответствующая авест. āra vānuhiš (др.-иран. *wahiš); в хорезм. — y'b'xp (Бируни), y'r'xwp (Ток-кала) из Gen. pl.⁷⁶ Парфянская форма 'rhwpu, с -n-, как и в хорезмийском, отражает, несомненно, Gen. pl., ср. авест. arām vānuhīnam, однако этапы развития не вполне ясны: *āram wahiwinām > *āraḫwin, откуда с метатезой *āraḫwanī, āraḫunī?⁷⁷ Для метатезы ср., например, согд.-христ. fwx'r из перс. fargux(v). В парфянском, как можно судить по сопоставлению hw'r и rgnhw, др.-иран. hw переходит в xw(hw) в поствокальной позиции.

Еще труднее объяснить форму названия четырнадцатого дня — gwyrh. Написание этого слова, как и в случае 'rhwpu, достаточно отчетливое; вариант gwyrh при тщательном анализе всех начертаний -w- и -y- в документе Nov. 280 должен быть исключен. Авест. gōiš, представленное в названии дня вариантами gōiš tašnō «(день) быка-творца» и gōiš uruṇō «(день) души быка», отражено в ср.-перс. gōš и gōš uruṇ, согд. γwš, хорезм. gwšt (Ток-кала), γwšt (Бируни), где -t из tašnō. Все эти формы не обнаруживают каких-либо аномалий с точки зрения отражения древнеиранской формы в отдельных языках. Конечное -š в gōiš, как указал И. Герше-

стк. 19 прорисовки Э. Херцфельда (E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, S. 12). Эту надпись датируют сейчас периодом 312—306 гг. до н. э. См.: W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 24; Fr. Althelm, R. Stiehl, *Die Aramäische Sprache unter den Achämeniden*, Lief. 1, Frankfurt am Main, 1962, S. 10—13.

⁷⁶ Ср. W. B. Henning, *Zum soghdischen Kalender*, — «Orientalia», N. S., VIII, 1939, pp. 92, 94.

⁷⁷ И. Гершевич, которому мы сообщали о парфянских календарных терминах в документах из Нисы, исходя из формы 'rhwpu (вм. 'rhwpu) предложил для второй части сложения следующее развитие: *wahiwin < *hu win > *huniw > huni (?) (письмо от 15 июля 1962 г.).

вич, не могло сохраниться в среднеиранский период, так что для ср.-перс. gōš, согд. γwš надо предположить исходную форму типа *gaušahe (по аналогии с авест. sraošahe, названием семнадцатого дня). Но написание gwyrh в нашем документе не может быть объяснено таким образом — не говоря уже о трудностях истолкования конечного -h (ср. srwš из *sraušahe), в парфянском г не возникает из др.-иран. š. Не помогает и привлечение тех немногих заимствований в парфянский из восточноиранских диалектов сакской группы, где прослеживается л из š (парф.-ман. 'zgwł- «слушать» из *uz-gauša-; ср. -š- > -l- в сарыкольском диалекте шугнанской группы)⁷⁸, поскольку нет ни одного достоверного примера передачи в парфянском письме фонемы л через г. Весьма странной представляется и самая возможность заимствования календарного наименования из диалекта саков — Аршакиды, сакского (племя дахов, род парнов) происхождения, став владельцами Парфии, восприняли парфянский язык и культуру коренных жителей этой области, так что нет оснований предполагать для I в. до н. э. влияние некогда родного диалекта парфянских царей на такую специальную область лексики, как календарные термины (и тем более на название одного только четырнадцатого дня из 42 календарных наименований!).

Таким образом, следует прийти к выводу, что написание gwyrh не может быть объяснено как закономерное отражение авест. gōiš или *gaušahe. Оно не может восходить и к gōiš ugnō «(день) души быка» — остаются непонятными и форма сложения, и конечное -h.

В письме дошедшей до нас Авесты имеется три различных знака для звука (или звуков), транскрибируемого как š (š-I, š-II, š-III). Исторически авест. š является отражением древних š, ś и řt; в традиционном произношении текстов Авесты парсами различий между ними нет. Знак š-III выступает в случаях, соответствующих др.-иран. -řt-, и первоначально обозначал глухое г (ср. судьбу древних -řk-, -řr- в авест. — vāhrka- = vārka-, др.-иран. wřka-; kēhrpa- = kārpa-, др.-иран. křpa-, и т. п.) Палеографически š-III объяснялось как лигатура -yhr (Ф. Андреас, Х. Юнкер). В рукописях Авесты š-III помимо случаев др.-иран. -řt- употребляется и для š < др.-иран. ř (псевдоисторическое написание). Аналогичное написание можно видеть и в парф. gwyrh, если рассматривать -yhr как сочетание, из которого впоследствии образовался знак š-III, известный нам по поздним рукописям сасанидской редакции

⁷⁸ См. W. B. Henning, *Mitteliranisch*, S. 93.

Авесты. В тексте Авесты аршакидского времени глухое *ḡ* могло передаваться сочетанием *gh*.

Вывод о том, что *gwygh* представляет собой псевдоисторическое написание авест. *gəiṣ*, в котором *-ugh* отражает глухое *ḡ* и является графическим прототипом *š*-III авестийской *вульгаты*, кажется на первый взгляд маловероятным — среди названий дней мы находим *grwš*, *dtš*, где *-š*-, того же происхождения, что и *-š*- в *gəiṣ*, выписано совершенно нормальным образом. Однако нельзя не учитывать, что псевдоисторические написания отнюдь не обязательно должны были охватывать целый ряд слов — достаточно отметить, что и в текстах дошедшей до нас Авесты нельзя установить четкой закономерности в употреблении *š*-III вместо *š*-I или *š*-II (исторически — *ft*, *š*, *š*).

Если согласиться с толкованием *gwygh* как псевдоисторического написания вместо **gwš*, то придется признать, что в восточной Парфии в I в. до н. э. существовал письменный текст Авесты, по крайней мере, отдельных ее частей.

SUMMARIES

A. A. Valman

PRELIMINARY REPORT ON THE DECIPHERMENT OF PROTO-SUMERIAN WRITING

A. Main Tasks and Methods

1 a. Identification of certain signs as variants of one sign, separately for the pictograms of the Early Phase (Uruk IV) and of the Later Phase (Uruk III/II and Jemdet Nasr). The identification is based on the regularity in the variations of certain elements of the signs, and on the similarity of the signs themselves, if supported by the recurrence of the variants in combinations with other recurring signs in several analogous contexts. It is evident, that the fewer unidentified variants there are left, the further has the decipherment progressed.

1 b. Identification of the pictograms of the Early Phase with those of the Later Phase, and drawing up of a comparative list of pictograms for both phases. The identification is based on the similarity of the signs, taking always into consideration the systematic character of their schematization.

2. Identification of the pictograms with the cuneiform signs descended from them. The identification is based on the similarity of the pictograms with the earliest cuneiform signs, taking always into consideration the systematic character of their schematization from pictography to the cuneiform script. In some cases, a *biscript*, or a pictographic and a cuneiform version of the same text, can be made use of. The identifications must be supported by the context.

3 a. Disclosure of the sense values of individual signs and sign-combinations; translation of phrases and texts. This is the final goal of the decipherment.

3 b. Approximate interpretation of the meanings of individual signs, sign-combinations, phrases, and texts.

The precise sense value of the pictograms can in many cases be disclosed by basing their interpretation on their cuneiform equivalents. If a given pictogram is identified with a known

cuneiform sign, then among the values of the cuneiform sign one or more may also be the meaning of the pictogram; which of them, if any, is to be found out from the context. However, this method does not always lead to a positive result. There is a possibility that the value or one of the values of the pictogram has not been preserved among the values of the corresponding cuneiform sign, or the pictogram may have gone out of use before developing into a cuneiform sign (there are possibly more than a hundred pictograms of this class). Finally, the discovery of the value of each individual sign may not lead to the disclosure of the meaning of a sign-combination. In all such cases the decipherment should be based on the context alone, using in favourable cases the information of the design used for the pictogram in question.

An important step in the decipherment is an approximate interpretation of individual signs, sign-combinations, and whole texts. An approximate interpretation is here understood in the sense of an interpretation presenting the meaning only in a very general way. Thus, if the context shows that a given pictogram denotes some kind of domestic animal without further definition, or that a given sign-combination denotes a profession, or that a given document is a payment receipt, this will be termed approximate interpretation. In some cases no clear border-line between disclosure of the value and approximate interpretation can be drawn.

4. Defining the language of the texts. The pictographic writing may have been invented by a people other than the Sumerians. The fact that the cuneiform script has developed from the pictographic writing may be explained as a result of borrowing of a system of signs by the Sumerians, some of the original values of the signs having been preserved. This was the opinion of F. Thureau-Dangin. The existence in the pictographic texts of pairs of homonyms identical in meaning with pairs of homonyms existing in Sumerian language would be a proof that the pictographic texts are Sumerian.

For the decipherment itself, the language of the pictographic texts is hardly relevant, the interpretation of the pictograms not being based on the sound of the words in question or of grammatical forms. But the solution of this problem is important for the history of the Sumerians.

B. Preliminary Results

1. In the sign-lists of A. Falkenstein and S. Langdon, about 1090 different pictograms are listed for both phases. Identifica-

tion of variants has allowed us to diminish this number by one fourth, and to draw up a list of only about 800 different signs.

2. The same scholars have identified about 170 pictograms with cuneiform signs. In our list about 250 pictograms have been identified.

3. In the editions of A. Falkenstein and S. Langdon there are no glossaries which could show the number of pictograms, the value of which have been disclosed by them (with the exception of signs for figures). We have been able to identify and to interpret some additional signs for figures belonging to the system of capacity measures, and also signs for figures expressing specially the capacity of emmer, the days of the month, the months of the year, etc.

A. Falkenstein mentions, in connection with some other problems, his translation of some phrases in the pictographic documents, e. g. "54 bulls (and) cows", "bread (and) beer (for) one day" [the correct translation is "(for) one month"], "(until) the rise of Venus", "(until) the setting of Venus" etc. But no text has been translated completely. Nevertheless, A. Falkenstein's results were most important, allowing him to define the type of the pictographic writing, and to lay open a way towards its further decipherment. Unfortunately, most of the signs not denoting objects of counting were supposed to stand for proper names, which made the prospects of decipherment seem doubtful.

Continuing the decipherment, we were able to disclose, in context, the value of most of the pictograms identified with cuneiform signs: moreover, some 10 pictograms which had fallen into disuse before the development of the cuneiform writing have also been interpreted. As a result, about 70 to 100 pictographic texts have become translatable. The first step was the approximate interpretation and, later, translation of a group of texts of the Later Phase which were known to contain information on the area of some fields. Among the titles of officials to whom these fields were allotted, the sign-combination TÛG.DI (cf. PI 100 below) was discovered to recur in the Early Phase school text ATU 340, partly duplicated by the archaic cuneiform school text VAT 9130. Together with the sign-combination TÛG.DI, several other combinations with TÛG are listed in these texts; by analogy with TÛG.DI, which is a title or profession as proved by PI 100 a.o., all the other combinations with TÛG and a number of other compound ideograms in VAT 9130 could also be interpreted as titles or professions. We had now a considerable list of professions at our disposal,

and these could now easily be identified in several pictographic texts.

4. The following pairs of homonyms have been identified in the pictographic texts: GĠG 'black' for GIĠG 'wheat'; GI 'cane' for GI₄ 'to return'; MAŠ probably 'divide' for MĀŠ 'gazelle'. This seems to prove definitely that the pictographic texts were written by Sumerians.

C. Historical Data

Some data on the social hierarchy in Sumer of the IVth millennium B. C. seem to have been produced. The population was probably divided into nobles, TŪG (men wearing clothes? Cf. the seal-designs; fem. SAL.TŪG = NIN), and common men, NITAĤ. Three categories of officials of different rank, the GAL, the ATU 298—300, and the NUN, have been identified, as well as minor officials called SAG; each SAG had two men under him, and received four times as much silver or copper as the latter (Early Phase).

In the Later Phase documents the highest social position belonged to the EN, and, after him, to the EN.SAL, the merchant (GAL.ŠAB), the DI-lord (the wearer of clothes-DI, TŪG.DI), the PA.ŠUL, and the diviner (IŠIB). They had big estates at their disposal—about 1800 hectares in all, exactly two-thirds pertaining to the EN, and the rest to the other five.

Much information can be gleaned on the earliest agriculture, stock breeding, and industries, as well as on the beginnings of mathematics, accounting etc. The study of the system of writing itself, our only reliable example of the ideo-pictographic method of conveyance of thought, is also of importance.

D. Samples of Translation

In this article, the prospects of further decipherment, as well as examples of identification of sign variants are discussed. Two samples of transcribed and translated texts follow (in this summary given in translation only, see transcription on pp. 13—14).

ATU 15:

2 gazelles (of) the DI-lady (the feminine wearer of clothes-DI) (to) the butcher of (the city) of Uruk.

PI 100:

Obv.

1 a. (To) the merchant:	[2]90 GAR long, ¹
b.	100 GAR broad, ¹
c.	16 BÜR (of) field,
d.	12 IKU (field) extra.
2 a. (To) the chief of the ŠUL:	312 GAR long,
b.	90 GAR broad,
c.	15 BÜR (of) field,
d.	16 7/10 IKU (field) extra.
3 a. (To) the wearer of clothes-DI:	290 GAR long,
b.	93 GAR broad,
c.	15 BÜR (of) field.
4 a. (To) the diviner:	290 GAR long,
b.	62 GAR broad,
c.	10 BÜR 2/10 IKU (of field)
5 a. (To) the EN.SAL:	300 GAR long,
	110 GAR broad,
	18 BÜR (of) field,
	1 BÜR 2 IKU (field extra).

Rev.

- I. 1. 154 BÜR, the field (of) the EN,
 2. 77 BÜR, the 'long land',
 3. 1 BÜR 17 IKU, extra land.
- II. 1 Laid down (?) (by) the temple (?): 233 BÜR 17 IKU, field [of... (?)]

A complete edition of Proto-Sumerian pictographic texts is being prepared; it will be possible to publish at least a part of the texts in transliteration and translation.

I. T. Kaneva

CONJUGATION OF THE SUMERIAN VERB

(According to the Data of the Heroic Epics)

This article is based on all contexts containing a finite verbal form in five Sumerian epic texts; "Gilgamesh and Agga", "Gilgamesh and the *huluppu*-tree", "Gilgamesh and the Mountain of the Immortal", "Enmerkar and the Lord of Aratta" and "The Death of Gilgamesh".

¹ Instead of the usual UŠ and SAG we meet here a vertical and a horizontal line which we transcribe as UŠ_p and SAG_p. The index _p denotes that the sign in question exists in pictographic texts only, and corresponds in value but not in form to the cuneiform sign thus transcribed.

The contexts have shown that in the language of these epics there did exist a difference between the conjugation of transitive and intransitive verbs, in accordance with the theory of A. Poebel and A. Falkenstein, and contrary to the theories of R. Jestin, E. Sollberger, and V. Christian.

The intransitive verb had only one paradigm of conjugation. The *-ed*-forms are not a separate aspect (tense) of the intransitive verb: (1) An intransitive verb without the suffix *-ed* may just as well express the imperfective aspect (Praesens-Futurum); (2) with the transitive verb, the suffix *-ed-* occurs both in the perfective aspect (Praeteritum) and in the imperfective aspect (Praesens-Futurum), and thus is not connected with the expression of aspects (tenses).

The subject of an intransitive verb is always expressed by suffixes only (zero suffix in the 3rd p. Sg.). There are in the texts under discussion 32 cases of the 3rd p. Sg. of the intransitive verb; in two cases only the verbal form has a suffix *-e* which should be interpreted as *-e(d)*. The 3rd p. Pl. is documented by 8 cases with the suffix *-eš*.

Intransitive paradigm:

Sg.	1st p.	<i>-en</i>	Pl.	1st p.	<i>-e(n)den</i>
	2nd p.	<i>-en</i>		2nd p.	?
	3rd p.	<i>-(zero)</i>		3rd p.	<i>-eš</i>

According to A. Poebel, the intransitive verbs began in the Post-Sumerian period to be conjugated according to the transitive paradigm. For the heroic epic texts this is corroborated only in the case of some verbs of motion¹ (*zi*, *ús*, *búr*, *e₁₁*, *tu(r)*, *kar*); vacillating for the verbs *du*, *te*, *gi₄*, *gur*, *è*, *nigin*). In this class of verbs the prefix *-n-* seems to serve as a formal sign of the transitive type of conjugation. In Neo-Sumerian texts these verbs were still conjugated according to the intransitive paradigm, the change probably being due to influence of Akkadian where several verbs of motion govern the Accusative.

In regard to the transitive verbs, the material of the heroic epics has corroborated the theory of A. Poebel and A. Falkenstein which suggests the existence of two paradigms of the transitive conjugation: the imperfective aspect (Praesens-Futurum), and the perfective aspect (Praeteritum). Both the subject and the object

¹ The composite intransitive verbs with the nominal part formally serving as the direct object are, naturally enough, conjugated according to the transitive paradigm.

could find their expression in the transitive verbal forms. The paradigm of the affixes of the subject coincides completely with that suggested by A. Poebel and A. Falkenstein:

Transitive paradigm (affixes of the subject):

Praesens-Futurum

Sg. 1st p.	-e(n)	Pl. 1st p.	-e(n)de(n)
2nd p.	-e(n)	2nd p.	-e(n)ze(n)
3rd p.	-e	3rd p.	-ene, -e

Praeteritum

Sg. 1st p.	?	Pl. 1st p.	?
2nd p.	-e-	2nd p.	?
3rd p.	-n-	3rd p.	-n-...-eš
socially-active			(or -b- with
3rd p.	-b-		a collective
socially-passive			plural)

The material of the epics has contributed much to the solution of the difficult problem of the expression of the object in the transitive verbal forms. The object finds a different expression in each of the two aspects (tenses), namely:

Transitive paradigm (affixes of the object)

Praesens-Futurum

Sg. 1st p.	?	Pl. 1st p.	?
2nd p.	-e ²	2nd p.	?
3rd p.	-n-(-b-) ³	}	3rd p. -b-(-n-) ⁵
socially-active			
3rd p.	-b-(-n-) ⁴		
socially-passive			

Praeteritum

Sg. 1st p.	-en ⁶	Pl. 1st p.	?
2nd p.	-(en?)	2nd p.	?
3rd p.	-(zero) ⁷	}	3rd p. -eš, -(zero) ⁸
socially-active			
3rd p.	-(zero) ⁷		
socially-passive			

² 1 case.

³ -n-: 8 cases, -b-: 3 dubious cases.

⁴ -b-: 76 cases, -n-: ca. 20 cases.

⁵ -b-: 1 case, -n-: 2 cases.

⁶ 11 cases.

⁷ Object socially active: suffix -(zero) 14 cases, object socially passive: suffix -(zero) 186 cases.

⁸ -eš: 5 cases, (zero): 8 cases.

Cases of the pattern *l-b-R* for the interrelation "he (socially-active) — him (socially-passive)" in the Praeteritum seem to be an archaism, as also cases of the Praesens-Futurum with prefix *-n-* when the object is in the 3rd person of the socially-passive class, or with prefix *-b-* when the object is in the 3rd person of the socially-active class.

The paradigm of the object-prefixes in the Praesens-Futurum is duplicated by the forms of the *ga*-mood.

Cases when the affix of the object is absent in the verbal form are regarded by the author as due to historical orthography, because they are to be explained by phonetic laws no longer in action at the period under discussion.

I. M. Dunajevskaja

THE LENINGRAD FRAGMENT OF A HITTITE HIEROGLYPHIC INSCRIPTION (CIH XXIII C)

The fragment of a HH inscription, CIH XXIII C, characterized in 1903 by A. H. Sayce as a "Hittite inscription on a monument found in Merash" and supposed to be lost, is since 1938 preserved in the State Hermitage Museum (No. 18589). The provenance of the fragment from Mar'ash is by no means sure, while paleographically the inscription reminds one of Carchemish.

The drawing in L. Messerschmidt's edition does not reproduce precisely the contours of the fragment, nor the precise shape of the characters. The later editions by A. H. Sayce and P. Meriggi are made from a squeeze and in mirrored reproduction, as has already been remarked by H. Th. Bossert; the contours of the stone and the shape of some of the characters are inadequately reproduced.

The fragment includes two lines with 33 characters, 18 in the first line (1 sign badly damaged), and 15 in the second (5 signs badly damaged). The signs are placed in columns to be read from top to bottom, in the first line — from right to left, in the second — from left to right; in the second line only a couple of signs are preserved from each column.

According to E. Laroche's principles of transcription, the first line reads: ...*à-i* 45-*la-i* ⁷⁹*na-na-s(a)₅-r(a)-i-ha* 24-*i-s* 22-*la + i-ta*. The following preliminary translation is suggested: "...wrath to the (adjective) brothers and sisters was declared".

In seeking for a join with the Leningrad fragment, the fragments of inscriptions from the Carchemish sculptures (possibly

from a lion-sculpture) should probably be taken into consideration.

A. G. Perikhanian

ON THE ORIGIN OF THE ARMENIAN SCRIPT

The fact that Aramaic was for a long time used in the chancelleries of Ancient Armenia, and particularly that the Northern Mesopotamian variety (cf. the inscription from Garni) of the Aramaic script had been adapted there, throws new light upon the problem of the invention of the Armenian alphabet by Mesrop Maštoc in the late 4th century A. D. (or in the very beginning of the 5th century). The information on this event yielded by the Armenian sources, as well as an analysis of the system of the characters of the Armenian alphabet, leave no doubt as to the fact that this alphabet is not a produce of an evolutionary process. It must have been invented at the end of the 4th century A. D. by a person who reproduced the principles of Greek phonetic writing and, in his classification of phonemes, as well as in his concept of the relation between a phoneme and a letter, followed the Greek theory (more particularly, the «Ars Grammatica» of Dionysius Thrax), while using as his 'working model' for the forms of the characters of the new alphabet a sample of the Northern Mesopotamian variety of the Aramaic script current in Armenia in the Pre-Christian period. The parallel materials of the alphabets of the neighbouring nations, the Georgians and the Albanians, show their intimate connection with the Armenian alphabet in all their main features.

I. M. Diakonoff, V. A. Livshitz

NEW DOCUMENTS FROM OLD NISA

By the year 1957 the Parthian archives from Old Nisa numbered more than 2000 ostraca. The majority of these documents were discovered during the excavation of nine wine storage-houses in "Mihrdatkirt Fortress" (*Mtrdtkrt BYRT*). This name is used in the documents for the site now called Old Nisa. The excavation of the pit situated to the north of the wine storage-houses was started in 1959 and continued throughout the seasons of 1960 and 1961. It yielded 458 documents (whole

ostraca and pieces) and several thousands of uninscribed sherds. The documents from the pit are dated in the period from 100 to 208 of the Arsacid era. As it seems, about 40 B. C. (208 of the Arsacid era) a thorough cleaning was undertaken in the wine cellars of Mihrdātkirt, and lots of broken vessels and primary registration documents were swept out of the storage-houses. There is every reason to suppose that such "clean-ups" were made more than once, and that more heaps of ostraca can be found in the neighbourhood of the wine storage-houses.

The documents excavated in 1959–1961 include all types of formulas known from former finds [cf.: И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы* (М., 1960); id., *Парфянское царское хозяйство в Нисе I века до н. э. Образцы документов* (ВДИ, 1960, № 2), p. 16 sq.].

New documents of these series supplement the evidence on the structure of the estates (*BN'*) whence the wine was delivered and on the character of the tax- or income collection. Registration documents of standard formula contain some postscripts and notes referring to the time when the wine was stored in the cellars. In the new documents some unknown postscripts of this kind containing both heterograms and Iranian writings were found, as for instance *YTKYNt* (var. *YTKYNW*) 'L 'SQW "prepared for heating" 'wšyht "poured off" (cf. *ptš(y)ht*, *ptš(y)htk* "poured from... to..." in a similar context).

In the documents registering the 'voluntary' delivery of wine (*MN NPŠH* "from himself") there are some new Parthian terms, among them the word 'sb'r "cavalry man, *eques*" (as a representative of a certain group of nobles). Of interest is the Persian form of this word probably indicating a tradition dating from the Empire of the Achaemenids.

In the Parthian times 'satrap' (*hštrp*) probably meant 'governor of a small area'. In this connection the short formula documents Nov. 41 and Nov. 76 mentioning *hštrpn* (Pl.) are significant: *ŠNT I C XX XX X III III MN 'rtbnwkn MN hštrpn* "The year 156 (= 92 B.C.). From *Artabānukān*, from the satraps".

Among the finds there are some new unknown labels of quite another kind: Nov. 441: *H WT' twsk 'wš[yht 'L]*... "Empty *khum*. Pour[ed off from... to]..."; Nov. 27: *HMR 'TYQ HTM' hwrybrn* "Old wine. Seal of the cup-bearers". We find also different types of scribes' training exercises and rough copies of requests for the distribution of wine, almost wholly presented in Aramaic heterograms: Nov. 362: *MR'N Š'YLW HMR k II*... "Our lord demands (so much) *k*. of wine".

Two new documents contain memoranda on the enthronisation of a new king. In their structure these documents are similar to the previously published № 1760 (cf. *Документы из Нисы*, pp. 20, 113). The genealogy is derived from Arsaces, founder of the dynasty, through Friapatius (Parth. *Pryptk*), son of Artabanus I. The poorly preserved Nov. 306 dated in the year 170 of the Arsacid era probably contains the genealogy of Sanatrukes who ruled the country about 78–69 B. C. In Nov. 307 only the two first lines are preserved: $\text{1} \dot{S}NT \text{ I } C \text{ XX } XX \text{ XX } XX \text{ 'r} \dot{s}k \text{ MLK' } \text{2} [B]RY \text{ np } ZY \text{ pryptk } \text{3-4} [BRY \text{ 'HY } BRY \text{ ZY 'r} \dot{s}k?]$ "The year 180. King Arsaces, great-grandson of Friapatius, [son of Arsaces' nephew ?]". Most probably the king in question is Phraates III, son of Sanatrukes, who is supposed to have ruled about 69–58 B. C.

Of major interest are the documents dealing with the delivery, distribution and storage of victuals intended for the people working at the wine storage-houses and at the office of the *maḍustāns*. Besides the previously known registers indicating the delivery of flour (*SMYD* or abbreviation *S*) and including the names of the bearers, abbreviated designations for capacity measures (*H*=Aram. *hōphān*, *H*=Aram. *hīn*, '=Hebr. *'ephā*, pointed out by Prof. J. Harmatta), and sometimes the total amount of flour delivered, we find documents mentioning the distribution of oil (*MŠH'*) and a label to a vessel with sesame (*ŠMŠMN*).

In the delivery lists the bearers are usually called only by their names but in summary registers of delivery we sometimes find titles of officials responsible for the delivery of wine to the *maḍustāns*. The new documents of this group present, for instance, the title "accounter" (*'hmrkr*). The amount of wine registered in inventory lists permits a suggestion concerning the extent of the deliveries to the crown storage-houses and the capacity of the *maḍustāns* of Mīhrdātkirt. Thus, Nov. 164 seems to mention the delivery of 6351 (*III III ILP' III C XX XX X I*) *mari* of old wine (1 *mari* probably equals 11 litres). Nov. 100+Nov. 91, dated in the year 172 of the Arsacid era (76 B. C.), states that 2933 *mari* of wine were brought to the king's treasury-house (*'LGNZ' MLK'*). In this document the designation for 200 (consisting of two 'hundred' signs one above the other, *II ILP III ^c III C XX X II I*) occurs, as far as we know, for the first time.

Inventory lists and registers, some of them dated not only by the year but by the month and even the day, make it possible to restore most of the Parthian calendar terms. The following

names of months are represented in the documents from Nisa: *prwrtyn* (1), *'rtywhšt* (2), *hrwtt* (3), *hštrywr* (6), *'trw* (9), *whwmn* (11); names of days: *hrwtt* (6), *hmrtt* (7), *dtš* (8, 15, 22), *'trw* (9), *'phwny* (10), *hw'r* (11), *m'h* (12), *tyry* (13), *gwyrh* (14), *mtry* (16), *srwš* (17), *r'm* (21). This list is not only the most complete for Arsacid Parthia, but is also the oldest among the known lists of the Zoroastrian (the so called Avestan) calendar for all Iranian regions.

The names of the days are most fully represented in Nov. 280, containing two series of wine deliveries during at least ten days. The first part of the document mentions the delivery by a certain *Wpry* who brought 151 *mari* 1 *k.* of wine during 3 days (some wine — 4 *mari* 1 *k.* — was spilled on the way to the storage-house, the fact being noted in the text as *'wpst*, literally "fell" or "was dropped"). In the first part there is also a statement that the delivery by the *tgmdr*, "the chiefs of the *tagmas*" (with Parthian names) was made on the 10th (*'phwny*) and 12th (*m'h*) days. The title *tagm(a)dār* which here appears in Iranian languages for the first time, consists of two parts. The first component, *tagma* seems to be borrowed from Greek (τάγμα), while the second is the Parthian *-dār* "commanding, governing". In Roman times the word *τάγμα* which originally meant "fighting formation, detachment of a troop" was used to denote "legion". It can with great probability be suggested that the *tagmadārs* in Nov. 280 were chiefs of detachments and at the same time heads of settlements of the Romans who were taken prisoners at Carrhae and, according to the evidence of Roman historians (*Plin.*, *NHVI*, 47; cf. *Vell. Paterc. II*, 82; *Flor. II*, 20, 4), were sent to Margiana to defend the eastern borders of the Parthian Empire.

The second part of the document mentions at least 9 daily deliveries of wine making up, in total, more than 500 *mari*. The wine was brought by one *Spōsak* (*Spwsk*) bearing the title *āturšpat* (*'twršpty*) and no doubt connected with the temple management (cf. *'yzn* "temple" in several documents from Nisa).

Most of the names of days in Nov. 280 occur in forms which are in accordance with what we know of the historical phonetics of the Parthian language. From the viewpoint of spelling, the forms *hw'r* (-' for short -a-) and *'trw* (= *āhrō*?) are noteworthy. The name of the 10th day — *'phwny* — seems to reproduce **āpāxunī* and should probably be derived from Gen. Pl. **āpam wahwinām* (whence **āpāxwin*, and, through metathesis **āpāxwanī*, *āpāxunī*?).

The name of the 14th day — *gwyrh* — which can neither be phonetically derived from **gauš* (or **gaušahe*) nor from the

Avestan *gəuš urunō* "(day) of the Soul of the Bull", requires some special explanation. Perhaps it should be interpreted as a pseudo-historical spelling of the Avestan *gəuš* where *-yrh* represents the Avestan voiceless *ř* and is a graphemic prototype for the sign *š*₃ of the Avestan *vulgata* (for Parth. *gwyřh*, but *srwš*, *dtš*, cf. the absence of any distinct regularity in the usage of *š*₃ < *řt* instead of *š*₁ < *š* or *š*₂ < *š*).

The assumption that *gwyřh* is a pseudo-historical spelling used instead of **gwš* presupposes that the *written* text of at least some parts of the Avesta existed in Eastern Parthia as early as the 1st century B. C.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ПОМЕТ

авест. — авестский
 аккад. — аккадский
 албанск. — албанский
 араб. — арабский
 арам. — арамейский
 арм. — армянский
 греч. — греческий
 груз. — грузинский
 др.-евр. — древнееврейский
 др.-иран. — древнеиранский
 и. с. — имя собственное

манд. — мандейский
 н.-перс. — новоперсидский
 парф. — парфянский
 парф.-ман. — парфяно-манихейский
 перс. — персидский
 пехл. — пехлевийский
 сир. — сирийский
 согд. — согдийский
 ср.-иран. — среднеиранский
 ср.-перс. — среднеперсидский

dat. — dativus
 Fut. — Futurum
 impf. — imperfectum
 loc. — locativus
 part. — participium
 pass. — passivum

plur. — pluralis
 resp. — respondit
 st. absol. — status absolutus
 st. constr. — status constructus
 st. emph. — status emphaticus

√ — корень
 < — восходит к
 > — происходит из
 ≈ — приблизительно соответствует
 * — реконструируемая форма

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- AAASH — Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae.
 AJSLL — American Journal of Semitic Languages and Literatures.
 AM — Asia Major.
 AnT — Antik Tanulmányok.
 AOASH — Acta orientalia Academiae scientiarum Hungaricae.
 AOr — Analecta Orientalia.
 ArO — Archiv Orientalní.
 BASOR — Bulletin of American School of Oriental Research.
 BiOr — Bibliotheca Orientalis.
 BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies.
 COS — Cambridge Oriental Series.
 FF — Forschungen und Fortschritte.
 JCS — Journal of Cuneiform Studies.
 JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society.
 JRS — Journal of Roman Studies.
 JNES — Journal of Near Eastern Studies.
 MDOG — Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
 MOr — Le Monde Oriental.
 NTSV — Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap.
 OLZ — Orientalistische Literaturzeitung.
 OrS — Orientalia Suecana.
 PBA — Proceedings of the British Academy.
 RA — Revue d'assyriologie.
 SBAWW — Sitzungsberichte d. Akad. d. Wissenschaften in Wien, phil.-hist. Klasse.
 SBPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften.
 SKGG — Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft, Geisteswiss. Klasse.
 SL — Studia Linguistica.
 SWA — Sprachwissenschaftliche Abhandlungen (hrsg. v. L. Patrubany)
 VAB — Vorderasiatische Bibliothek.
 WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.
 ZAW — Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft.
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.
 ZIF — Zeitschrift für indogermanische Forschungen.

- ВДИ — Вестник древней истории.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
КСИНА — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР.
МЮТАКЭ — Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
ПС — Палестинский сборник.
ХВ — Христианский Восток.
ЭВ — Эпиграфика Востока.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Надпись Эрм. 18589 (нижняя часть — в ракурсе)

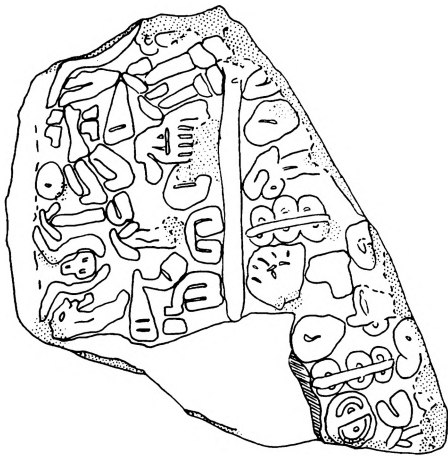

Надпись Эрм. 18589 (автография;
нижняя часть — в ракурсе)

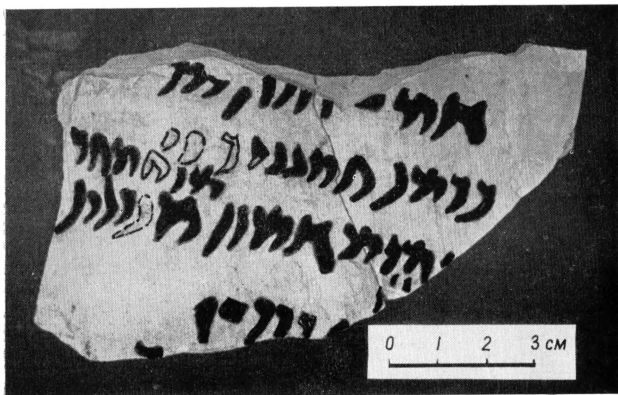
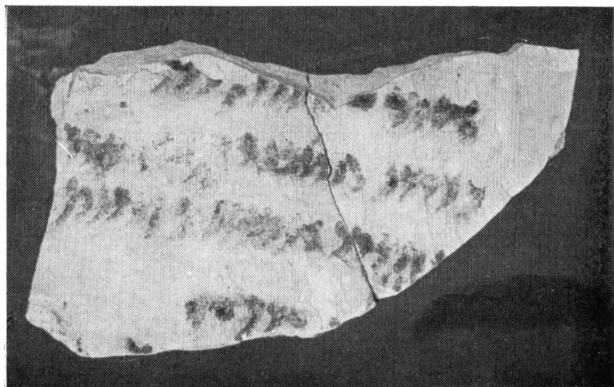
Табл. Ia

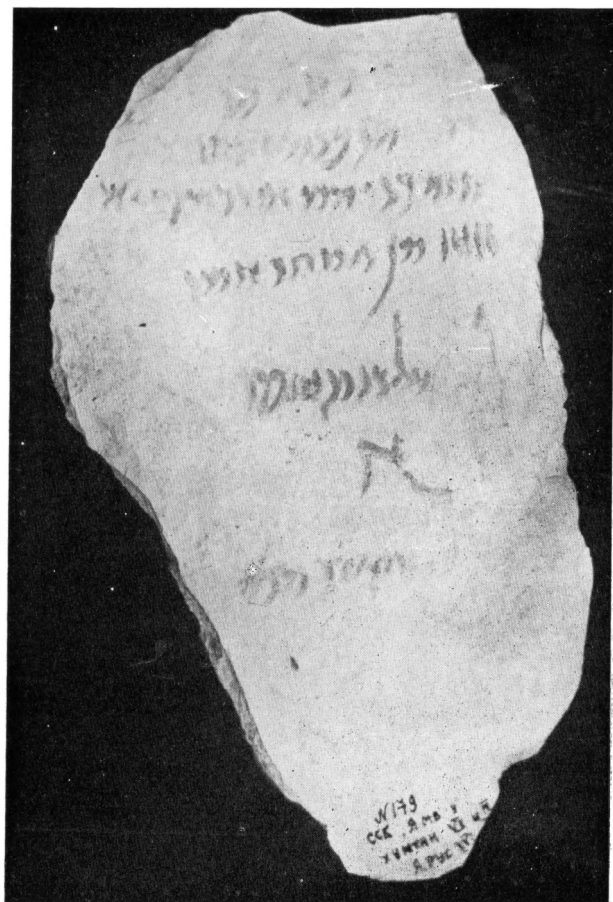
Надпись Эрм. 18589 (верхняя часть — в ракурсе)

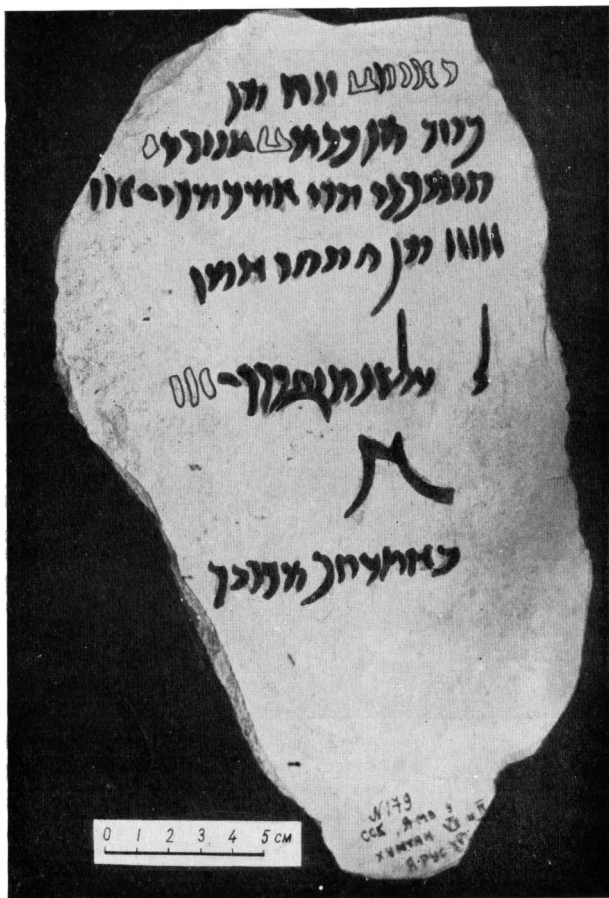

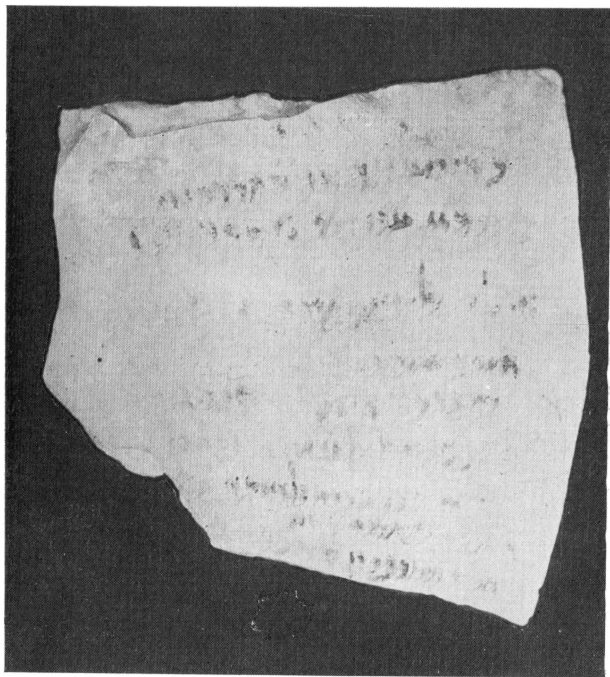
Надпись Эрм. 18589 (автография;
верхняя часть — в ракурсе)

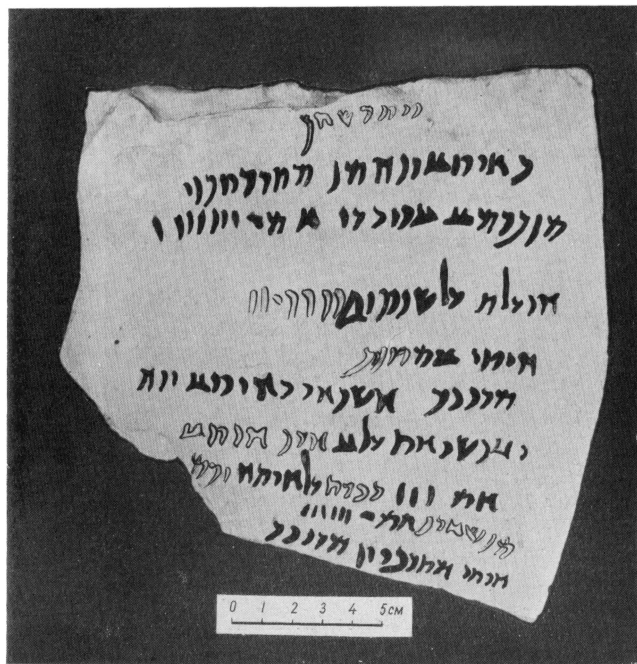

Nov. 285 (внизу автография)

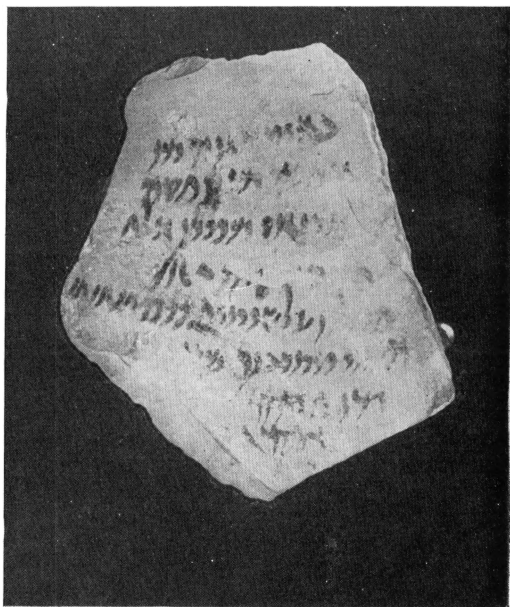

Nov. 218 (автография)

Nov. 240 (автография)

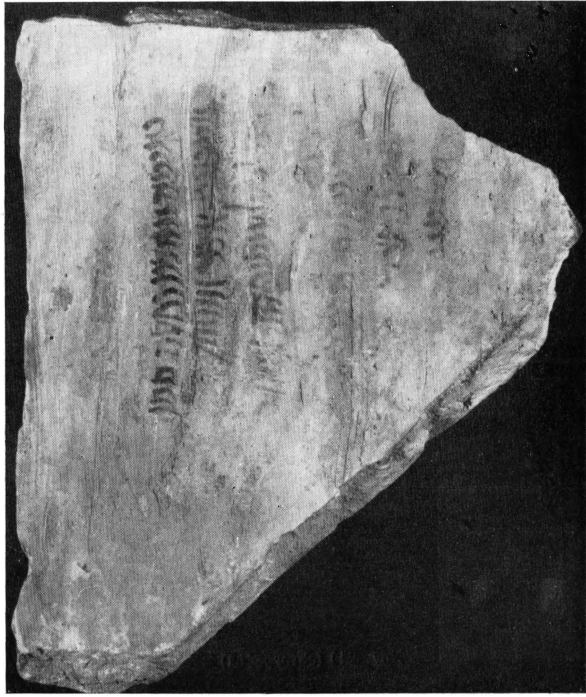
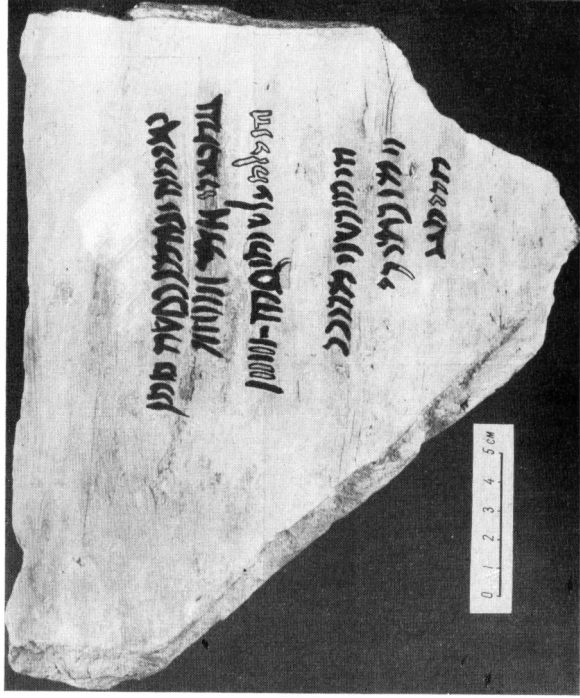
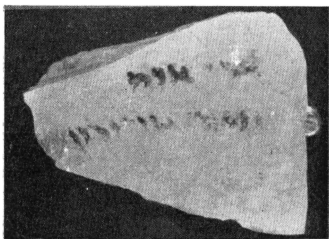

Табл. VIa

Nov. 280-бис (автография)

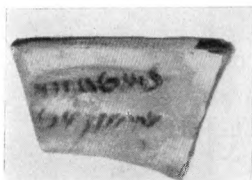
Nov. 31

Nov. 41

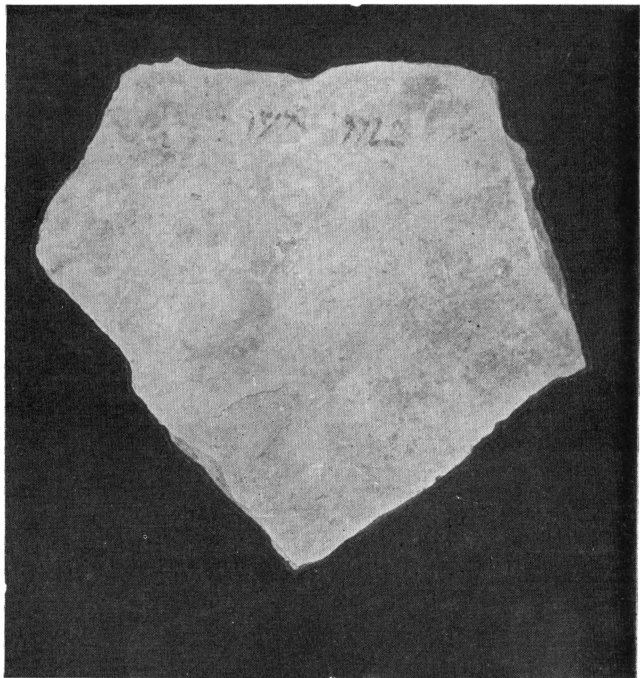

Nov. 31 (автография)

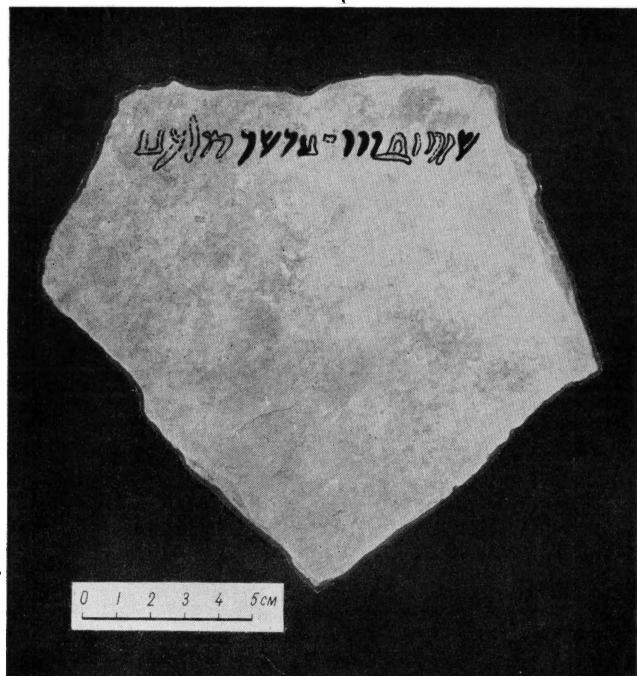

Nov. 52

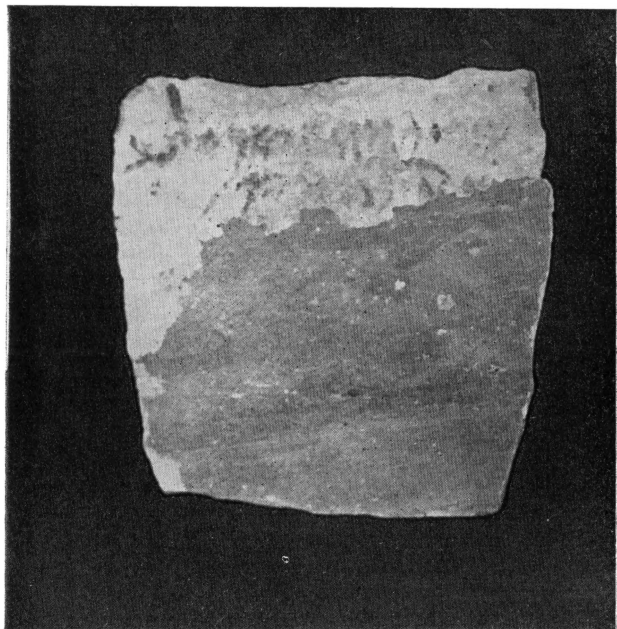

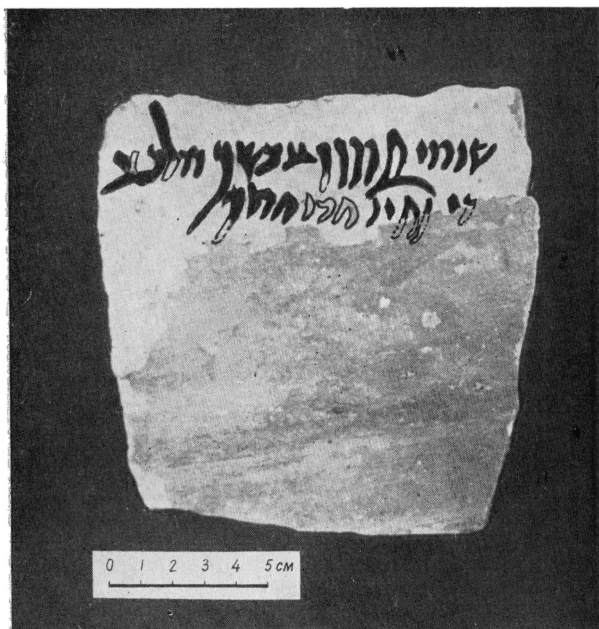
Nov. 366

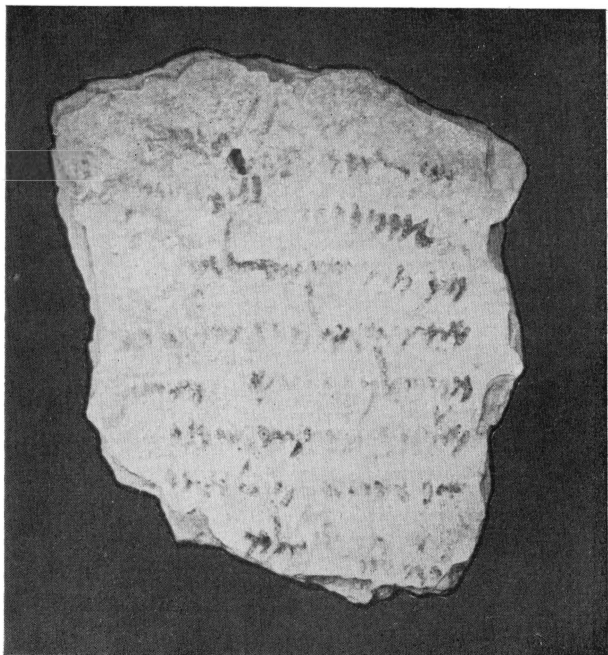
Nov. 366 (автография)

Nov. 307

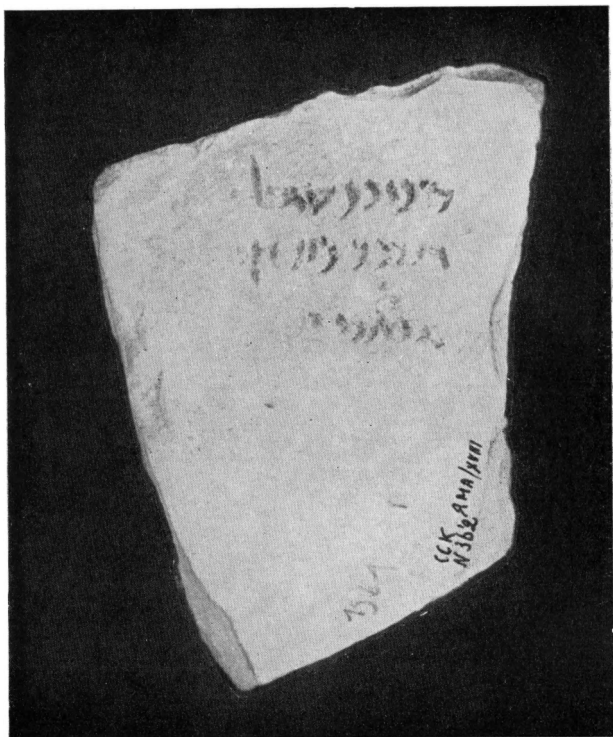
Nov. 307 (автография)

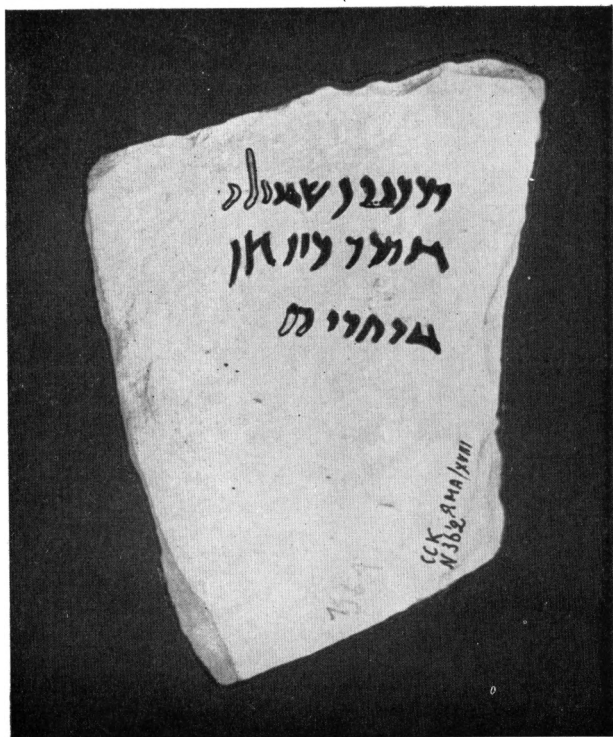
Nov. 210

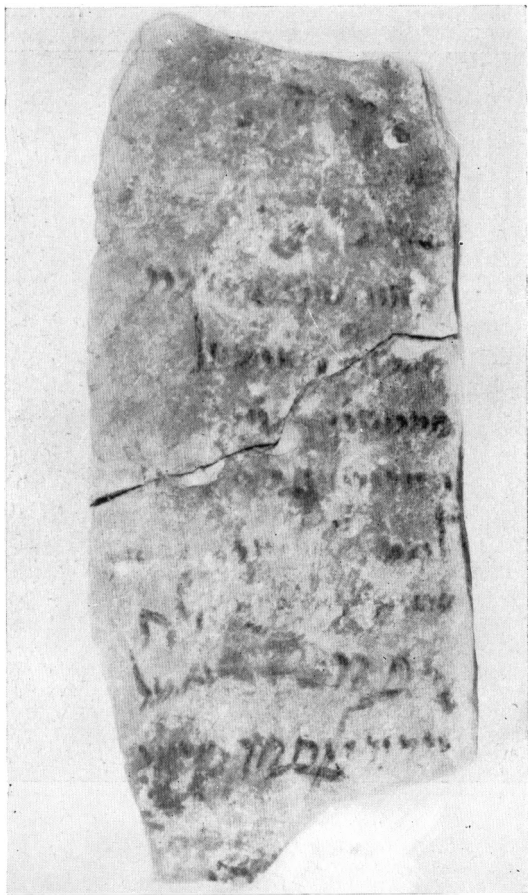
Nov. 210 (автография)

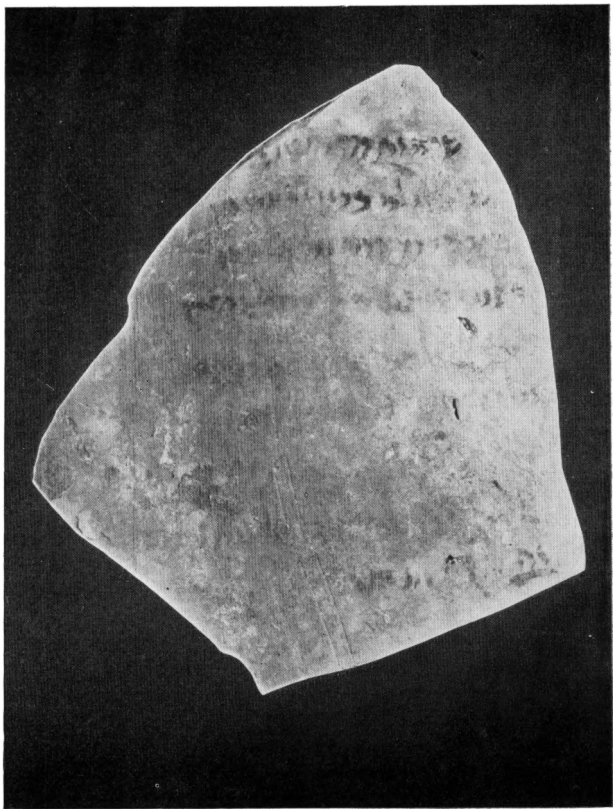

Nov. 362 пар

Nov. 362 нар. (автография)

Nov. 394 (автография)

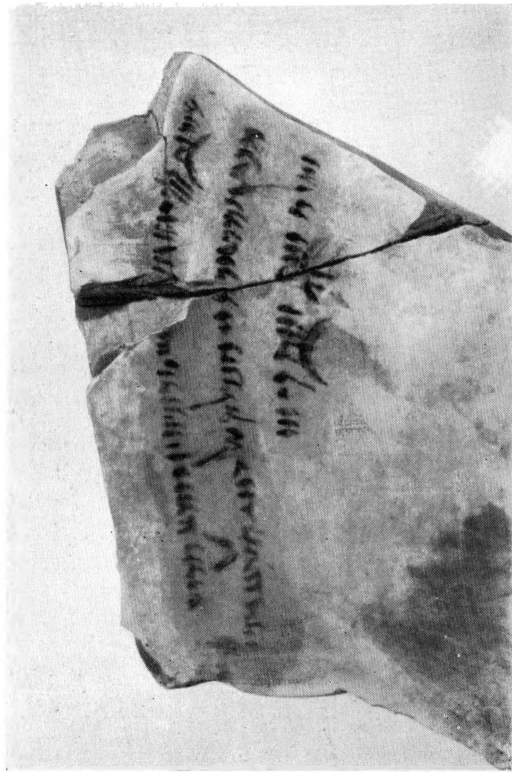
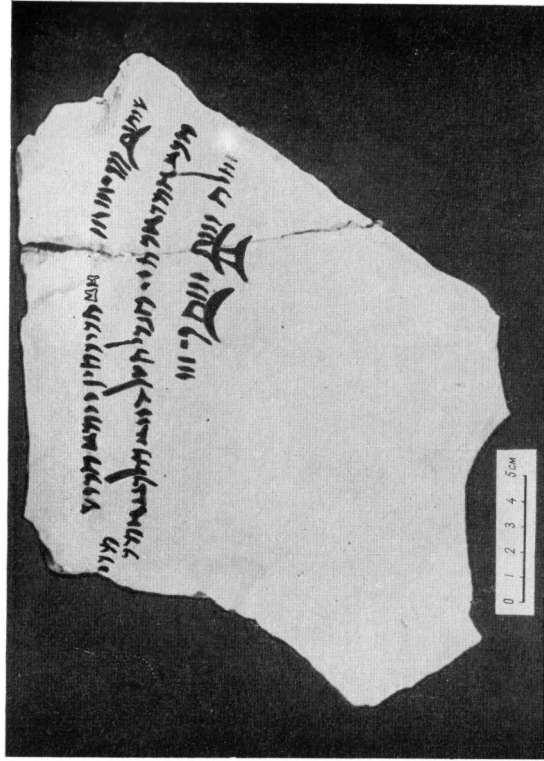

Табл. XVa

Nov. 100+91 (автография)

Nov. 280 (нар.). Верхняя часть

Nov. 280 (нар.). Нижняя часть

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр
<i>А. А. Вайман</i> , К расшифровке протошумерской письменности (предварительное сообщение)	3
<i>И. Т. Канева</i> , Спряжение шумерского глагола (на материале шумерских героико-эпических текстов)	16
<i>И. М. Дунаевская</i> , Ленинградский фрагмент хеттской иероглифической надписи (СН XXIII С)	97
<i>А. Г. Периханян</i> , К вопросу о происхождении армянской письменности	103
<i>И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц</i> , Новые находки документов в Старой Нисе	133

SUMMARIES

<i>A. A. Vaiman</i> , Preliminary Report on the Decipherment of Proto-Sumerian Writing	161
<i>I. T. Kaneva</i> , Conjugation of the Sumerian Verb (According to the Data of the Heroic Epics)	165
<i>I. M. Dunajevskaja</i> , The Leningrad Fragment of a Hittite Hieroglyphic Inscription (СН XXIII С)	168
<i>A. G. Perikhanian</i> , On the Origin of the Armenian Script	169
<i>I. M. Diakonoff, V. A. Livshitz</i> , New Documents from Old Nisa	169
Список сокращений и помет	174
Список сокращений цитированной литературы	175
Приложения	179

ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЙ СБОРНИК

II

Дешифровка и интерпретация письменностей древнего Востока

*Утверждено к печати
Ученым советом Института народов Азии
Академии наук СССР*

Редактор *Г. М. Бауэр*
Художник *Г. Л. Дейч*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*

Корректор *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 14 IV 1956 г. Подписано к печати 22/XI 1966 г. А-01603.
Формат 69×90¹/₁₆. Печ. л. 13. Уч. изд. л. 12,53. Тираж 1000 экз. Изд. № 1498

Зак. № 643. Индекс $\frac{7-1-1}{255-66}$. Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»,
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
14	I 1	5 (BURU)	3 (BURU)
14	II	2 (EŠÈ)	2 (BÜR) 2 (EŠÈ)
15	4 с	1 <i>бур</i>	10 <i>бур</i>
15	5 d	3 <i>ику</i>	2 <i>ику</i>
38	пример 15)	sig	sig
62	3 сверху	eren	erén
62	пример 7)	bí-ib-be	bí-ib-bé
68	6 снизу	uri- ...mul	urì- ...mul
68	8 снизу	uri ha-ma-mul-e	urì ha-ma-mul-e
70	11 сверху	na, za-gìn-a	na, za-gìn-a
79	12 сверху	3 л. соц.-пасс. (-b-)	3 л. соц.-пасс. -b-
92	3 л. (Praeteri- tum)	[i-ʔ-eš]	[i-ʔ-R-eš]
101	7 снизу	ī	ī
135	3 сверху	складе	складе,
140	12 снизу	[HN']L[t]	[HN']L[t]
140	6 снизу	<i>итфа'ел</i>	<i>итна'ал</i>
141	5 сверху	'wsyht	'wsyht
142	13 снизу	16, 11—14	MhDA 16, 11—14
145	10 сверху	ʔHW'/Hʔ	ʔHWHʔ
145	11 сверху	ʔHWHʔ	ʔHWHʔ
145	22 сверху	<i>запрашивают вина...</i>	<i>запрашивает вина</i>
147	7 снизу	YHYTY/YHYT	YHYT/YHYT
153	14 сверху	Haota	Haoma
154	13 снизу	''pwγ rwc	''pwγ' rwc
155	2 снизу	*wahwin<	*wahwin>
156	13 снизу	š	š

